

ЗАПАДНОПРИУРАЛЬСКИЙ АРЕАЛ ТАТАРСКОГО ДИАЛЕКТНОГО ЯЗЫКА

В татарской диалектологии в ходе осуществления лингвогеографического этапа была проведена интенсивная работа по определению состава диалектной системы татарского языка (Махмутова, 1983: 5–29). При этом были выявлены не только новые говоры и подтверждены ранее известные классификационные признаки татарских диалектов, но и раскрыты дополнительные специфические черты. В результате появилась возможность по-новому взглянуть на всё накопленное и, используя созданный базис, приступить к обобщающим исследованиям в различных аспектах, к вычленению лингвистических пространств (Бородина, 1966: 191; Borodina, 1978: 165–178), противопоставленных по определённым признакам остальному лингвистическому континууму, что имеет первостепенное значение, прежде всего, для исследований по исторической диалектологии татарского языка.

Результаты изучения говоров лингвогеографическим методом показали, что в Западном Приуралье сформировалось лингвистическое пространство, включающее говоры как среднего, так и мишарского диалектов (Махмутова, 1978: 261), испытывавшее влияние башкирского языка и характеризующееся сложностью этноязыковой ситуации. Опираясь на достигнутые успехи татарской диалектологической науки, стало возможным по-новому подойти к проблеме формирования говоров этого пространства и дать этнолингвистическую характеристику западноприуральского диалектного ареала татарского языка.

Предлагаемая работа является обобщённым изложением наиболее важных результатов многолетних изысканий автора в области татарской диалектологии, основной частью актуальных этнолингвистических исследований по названному разделу татарского языкознания. В ней обобщено содержание исследований по татарской диалектологии, выполненных автором в 1970–1995 гг. и отражённых в более чем 200 работах.

Данное исследование как ареальное, в общепринятом понимании этого слова, опирается на материал, извлекаемый из диалектологических исследований (Бородина, 1966: 5; Гаджиева, 1975: 9; Благова, 1982: 18) и из карт Атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья (Казань, 1989). При обобщении нами привлекаются и работы других авторов по ряду говоров западноприуральского ареала: бирскому (Махмутова, 1962: 57–85; Хайрутдинова, 1985: 36–62), байкибашевскому (Махмутова, 1962: 57–85; Рамазанова, Хайрутдинова, 1985: 62–92), златоустовскому (Хайрутдинова, 1985) говорам, бакалинскому подговору (Баязитова, 1986: 35–38), а также в качестве сравнительного материала — по зауральским и южноуральским говорам (Юсупов, 1979; Садыкова, 1985).

Одним из конкретных и главных аспектов наших многолетних исследований явилось изучение татарских говоров Западного Приуралья, применяя комплексный подход, т.е. при интерпретации языковых явлений привлекались и данные других наук (истории, этнографии, архивные источники и др.), что позволило прояснить некоторые основные пути сложения западноприуральских говоров. В частности, в этом процессе большую роль сыграли неоднократные наслоения миграционных потоков татар из Поволжья, взаимовлияние и взаимодействие говоров различных этнографических групп татар, также влияние как родственных, так и неродственных языков. Большое значение имели своеобразные политико-экономические условия, создавшиеся в Башкирии в составе Русского государства (Рамазанова, 1984; 1985: 5–36; 1988: 20–43; 1996) и т.д. Всё это показало, что возникновение рассматриваемого лингвистического пространства в наибольшей степени зависело от экстралингвистических факторов (Бородина, 1980: 8). Именно поэтому значительная часть нашей работы посвящается исследованию проблем этнического формирования носителей говоров данного ареала.

Диалектный аспект изучения языка представляет собой наиболее эмпирическую и одновременно самую насыщенную новыми фактами отрасль языкознания. Актуальность этого аспекта объясняется не только тем, что выявляются неизвестные ранее факты, но и тем, что диалектология — это та область языкознания, которая самым тесным образом соприкасается с этнографией и историей носителя.

Результаты исследования особенностей диалектов позволяют установить эволюцию языковых явлений и выявить характерные черты материальной и духовной культуры народа, присущие тому или иному периоду его развития. Они приобретают ещё большую значимость при пространственном исследовании языка, т.е. методом лингвистической географии, и, далее, в ареальном аспекте; становятся ценным источником для изысканий по исторической диалектологии, истории языка, этнолингвистике и этногенезу народа.

Лингвогеография, являясь сложной по своей методике, сущности и структуре, обуславливает необходимость выбора своего специфического круга проблем не только по собственно лингвистике (в

т.ч. по истории языка с соответствующими уклонами), но также и по смежным областям науки (истории, этнографии и др.).

Лингвистическая география представляет собой один из важнейших этапов пространственного исследования языка, она тесно связана с ареалогией. При этом исторические и географические исследования языковых явлений взаимно дополняют друг друга, и лингвогеография оказывается чрезвычайно важной для исторической диалектологии, истории языка и др.

Актуальность предпринятого исследования объясняется также тем, что татарские говоры Западного Приуралья оставались недостаточно изученными. Наука не располагала точными данными о составе говоров указанного ареала, об их лингвистической характеристике, границах распространения и истории их формирования. Восполнение этих пробелов стало возможным в ходе изучения говоров татарского языка методом лингвистической географии. Завершающий этап такого пространственного исследования позволил выявить отдельные лингвистические ареалы, в т.ч. и западноприуральский.

Необходимость исследования говоров определённого — в данном случае периферийного — ареала заключается также и в том, что в них, в силу их изолированного развития, нередко продолжают бытовать архаичные особенности и могут возникнуть инновации, изучение которых имеет большое значение для решения отдельных вопросов истории формирования и современного функционирования татарского, также и других тюркских языков.

Создание общей картины сложения приуральских говоров и этнического формирования их носителей на основе накопленного разнообразного материала, с использованием результатов Атласа даёт возможность решать ряд вопросов лингво- и этногенеза татар.

Целью данной работы являются: исследование методом лингвистической географии и характеристика татарских говоров Западного Приуралья в связи с историей этнического формирования их носителей и уточнение места этих говоров в диалектной системе татарского языка; создание общей картины формирования татарских говоров западноприуральского ареала и этногенетических процессов, происходивших в ходе формирования их носителей.

При этом ставятся и решаются следующие задачи: 1) изучить на местах говоры рассматриваемого ареала лингвогеографическим методом, т.е. на основе единой Программы и по определённой сетке; 2) описать говоры в систематическом сравнении с литературным языком, татарскими говорами, привлекая при этом также и данные по тюркским и другим языкам, по старотатарским и древнетюркским памятникам; 3) уточнить классификацию татарских говоров Западного Приуралья, границы и пределы их распространения; установить их внутренние связи и соотношения; 4) раскрыть историю формирования носителей говоров Западного Приуралья на основе как лингвистических особенностей, так и с учётом этногенетических данных, привлекая при этом архивные и исторические источники, легенды, бытующие среди носителей этих говоров; 5) выявить дифференциальные признаки каждого говора и охарактеризовать особенности, общие для всех западноприуральских говоров.

Методологическую основу исследования составляет учение о диалектическом развитии общества, о непосредственной связи языка с историей народа. Язык является определяющим признаком этноса (Алишев, 1985, 109; Закиев, 1995, 34). Язык народа непосредственно связан с его историей. Общественно-культурные процессы, происходившие в ходе развития этноса, оставляют определённый след в языке, культуре. С точки зрения нашей проблемы — проблемы раскрытия специфики формирования татарских говоров западноприуральского ареала — эти вопросы приобретают особенно острую актуальность, т.к. исследование языка направлено также и на определение этнической принадлежности его носителя. При этом на первый план выдвигается принцип объективности и историзма, комплексного подхода в изучении уникального культурно-исторического наследия — говоров.

Основными методами анализа явились сравнительно-исторический, типологический, описательный и статистический, сочетание диахронного и синхронного аспектов и др. Использованы методы компонентного анализа, учтены экстралингвистические (исторические, этнографические, археологические) данные.

Принцип достоверности материала, объективности интерпретации и научно-теоретической обоснованности выводов, как основополагающий, особенно большое значение приобретает в тех случаях, когда носители одного и того же говора, диалекта или языка значатся в исторических документах под различными названиями, что имело место в Приуралье. Такая ситуация вынуждает исследователей искать причины татароязычности т.н. «башкир», «новобашкир», «тептярей» и др., истоки возникновения таких разных этносоциальных названий при однообразии их говора.

Чтобы обеспечить достоверность, надёжность материала, мы придерживались следующих теоретически обоснованных принципов (Махмутова, 1983: 106–109), а именно: сбор (также и записи на магнитной ленте) материала непосредственно на местах; чёткая его паспортизация; объективный подход при интерпретации собранного материала; тщательное сопоставление его с литературным

языком и при необходимости с соседними родственными или другими языками, прежде всего, оказавшими определённое влияние на изучаемый объект (в данном случае имеется в виду башкирский язык); привлечение письменных источников; обращение к данным других смежных наук (Закиев, 1980: 48–49) и т.д.

При решении конкретных вопросов в рамках поставленной программы мы опирались на научно-теоретические положения, разработанные в трудах видных тюркологов, финно-угроведов, славистов: Н.Ф.Катанова, С.Е.Малова, Н.А.Баскакова, А.А.Юлдашева, Э.Р.Тенишева, К.М.Мусаева, Э.В.Севортяна, Н.З.Гаджиевой, Б.А.Серебренникова, В.И.Лыткина, В.М.Жирмунского, Н.К.Дмитриева, А.Н.Кононова, Р.И.Аванесова, И.А.Андреева, Дж.Г.Киекбаева, Н.Х.Ишбулатова, З.Г.Ураксина и др.; из татарских учёных: Л.З.Заляя, Л.Т.Махмутовой, Н.Б.Бургановой, М.З.Закиева, Д.Г.Тумашевой, Ф.С.Фасеева, В.Х.Хакова, Г.Ф.Саттарова, Ф.А.Ганиева, Л.Ш.Арсланова, Ф.Ю.Юсупова; были использованы достижения исторической науки, в частности, труды Р.Г.Кузеева, Л.Н.Гумилева, Г.В.Юсупова, А.Х.Халикова, М.А.Усманова, А.А.Новосельского и мн. др.

Исследование базировалось на фактологическом материале, собранном автором для Диалектологического Атласа во время экспедиций (полевая продолжительность которых составила в общей сложности свыше 40 календарных месяцев), организованных Институтом языка, литературы и искусства им.Г.Ибрагимова в 1965–1996 гг., всего в 36 районах Татарстана, Западного и Центрального Башкортостана, Удмуртии, Пермской области.

При обобщении и сопоставительном анализе изоглосс, выявленных в Приуралье, были привлечены материалы, отражённые в трудах Л.Т.Махмутовой, Ф.С.Баязитовой, Т.Х.Хайрутдиновой, Р.Г.Ахметьянова (Махмутова, МТД, 2; Баязитова, 1973; 1986; Хайрутдинова, 1985: ИИДТЯ, 3; Эхмәтжанов Р.Г., 1984: 138–146), а также материалы экспедиций Ф.С.Баязитовой, З.Р.Садыковой, Ф.Ю.Юсупова, хранящиеся в диалектологических фондах ИЯЛИ.

Автором использованы также и личные наблюдения, проведенные во время участия в составе экспедиции Ф.С.Баязитовой (1971), совместного контрольного выезда с Т.Х.Хайрутдиновой (1983) в районы распространения указанных говоров (Рамазанова, Хайрутдинова, 1985).

При исследовании вопросов этнического формирования татар Приуралья использована большое количество литературы по истории регионов Приуралья и многочисленные материалы, извлечённые автором из центральных государственных архивов гг. Уфы, Оренбурга, Перми, Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА, г.Москва), и документы, опубликованные в различных изданиях (Материалы по истории..., ч. I, 1936; ч. III, 1949; Т. V, 1960; История Татарии, 1937; и др.), а также, в качестве дополнительного материала, — многочисленные легенды о заселении края, сохранившиеся в народной памяти (Рамазанова, 1997; Она же. Образцы текстов: см. библиографию).

Научной новизной работы является то, что в ней впервые и комплексно исследуется группа говоров определённого ареала — Западного Приуралья, выделяемого на основе материалов Диалектологического атласа и других достижений татарской диалектологической науки, также и общей диалектологии. Западноприуральский ареал впервые рассматривается как отдельное лингвистическое пространство, обладающее комплексом системно связанных черт, часть которых служит критерием классификации диалектов татарского языка, другая же часть объединяет все эти говоры между собой, отличая их в то же время от татарских говоров других ареалов. На основе анализа языковых и экстралингвистических факторов вскрываются предпосылки сложения данной этнолингвистической общности. Конкретная новизна исследования определяется следующими показателями.

В ходе выполнения программы по изучению всех говоров Западного Приуралья наиболее совершенным методом — методом лингвистической географии — впервые стало возможным уточнить классификацию и границы распространения мензелинского, бирского, пермского говоров. Автором выявлены новые говоры: пермский, тепекеевский, стерлитамакский, турбаслинский, установлены подговоры пермского говора, впервые описаны агрызский, белебеевский и янаульский подговоры мензелинского говора; установлены изоглоссы, во-первых, многих интересных и важных с точки зрения истории формирования татарского языка особенностей, во-вторых, явлений, подтверждающих историческую связь Заказанья с Приуральем и свидетельствующих о древних генетических корнях общности современных говоров Поволжья и Приуралья.

Автору на основе использования многочисленных архивных источников, исследований по истории и археологии впервые удалось убедительно раскрыть историю этнического формирования носителей этих говоров, показать роль экстралингвистических факторов в формировании говоров Западного Приуралья, научно аргументированно доказать причины существования татар Приуралья под различными этносоциальными названиями. Новизна работы заключается также и в том, что автором на огромном материале удалось определить факторы, приведшие к сложению говоров Приуралья именно как татарских: древняя генетическая общность; роль миграционных потоков из Поволжья; социально-

экономические, культурные условия, существовавшие в крае после присоединения к России; и др. Интересно, что в говоре пермских татар, оказавшихся территориально более изолированными от основной массы татар (в иноязычном окружении), при сравнении с другими говорами Приуралья, во всех уровнях языка сохранились древнейшие особенности, которые впервые проанализированы автором данной работы.

Выявлен и введён в научный оборот целый ряд диалектных явлений, остававшихся неизвестными в татарской диалектологии до последнего времени. Кроме того, в исследованиях автора языковые материалы впервые рассматриваются на фоне большого количества не использовавшихся до сих пор историко-археографических источников, извлечённых самим автором из архивов и др. письменных печатных изданий и проанализированных на соответствующем научно-теоретическом уровне.

Материалы и результаты исследования имеют прямое отношение к вопросу этногенеза татар. Они успешно применяются при типологических исследованиях, при решении проблем истории формирования как языка татар отдельных регионов, так и общенародного татарского языка; создании исторической грамматики, лексикологии и изучении других отраслей татарского языкознания. Они, несомненно, сыграют значительную роль в решении отдельных проблем общей тюркологии.

В условиях государственного статуса языка, в условиях, когда идёт процесс возрождения языка, расширения его функциональных возможностей, материалы периферийных говоров, отдельные их особенности могут помочь в разработке принципов и способов терминотворчества, языкового строительства и др.

Обобщения по истории формирования говоров и их носителей, материалы и анализы по изоглоссам представляют собой объективный надёжный базис, при изучении не только этногенеза татарского народа, но и многовековых связей его с другими родственными и неродственными народами поволжского и приуральского ареалов.

Результаты исследования успешно применяются при вузовском и школьном преподавании, в учебниках и спецкурсах по данной тематике. Лексический материал, собранный автором, включён в диалектологические словари татарского языка (ТГДС, 1969; 1993).

Изучением говоров Приуралья автор занимается с середины 60-х гг., по планам научно-исследовательских работ ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова — в ходе более чем 30-ти экспедиций. Результаты этих изысканий многократно докладывались на ежегодных итоговых научных конференциях Института, обсуждались в Секторе тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР в 1969 г., 1984 г. Ряд положений нашли отражение в докладах на всесоюзных, международных тюркологических конференциях в Грозном (1989), Нукусе (1991), Казани (1992), Уфе (1997), республиканских (Казань, 1967, 1980, 1991, 1995), региональных (с. Барда, Пермская обл., 1993, г.Набережные Челны, 1987; г.Менделеевск, 1992; г.Елабуга, 1997) конференциях, в симпозиуме по пермским языкам (Ижевск, 1987), на международной научной конференции «Золотая Орда: история и культура» в Казани (1993), на международной конференции «Пермский край: прошлое и настоящее» (1997) и др.

Автор участвовал в сборе и обработке материала для Общетюркского атласа и Лингвистического атласа Европы. Он — один из составителей Атласа татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья (Казань, 1989), один из редакторов и составителей «Комментариев» к нему, ответственный редактор и один из составителей Диалектологического словаря татарского языка (II вып.—Казань, 1993).

Из истории изучения говоров западноприуральского ареала. На начальном этапе научного изучения татарских говоров (Махмутова, 1986: 3–12; 1985: 8–19; Рамазанова, 1984: 8–13; 1996: 6–12; 1993: 422–447) Западного Приуралья авторами выделялись в данном регионе тептярский, кряшенский, пермский, мещеряцкий говоры, они противопоставлялись башкирскому языку, отмечалась их близость казанско-татарскому языку (Бессонов, 1881: 200–242; Катанов, 1900: 1–32). Приуральский регион рассматривался в диалектной системе татарского языка и в дальнейшем под названиями урало-уфимский диалект (Валиди, 1927: 50–64), уральский говор (Жәләй, 1947: 118). Монографическое изучение раскрыло разнообразие говоров Западного Приуралья, стали известны основные черты мензелинского говора, были выявлены и описаны бирский и байкибашевский говоры, были введены в научный оборот некоторые особенности говоров татар Пермской области, единодушно подчёркивалось наличие большой общности между ними и татарским языком (Юлдашев, 1950; Сарманаева, 1948: 199–202; Әфләтунов, 1960; Алмаз, 1959; Махмутова, 1962: 57–85), были сделаны теоретические обобщения (Бурганова, Махмутова, 1962: 7).

Лингвогеографический этап в татарской диалектологии (осуществлялся под руководством Л.Т.Махмутовой) представлял собой фронтальное изучение всех татарских, в т.ч. и приуральских, говоров на основе единой «Программы по собиранию материалов для диалектологического атласа татарского языка» (1959); активное участие в нём принимал и автор данных строк. В ходе создания Атласа была существенно обогащена и углублена лингвистическая характеристика систем особенностей татарских диалектов и говоров, включая сюда и ранее известные приуральские говоры,

уточнены границы их распространения. Автором были установлены подговоры пермского (Рамазанова, 1996: 6–8; 1997; 1983), мензелинского (Рамазанова, 1984; 1997; 1970; 1979; 1987; 1993; Предисловие: МТД, 7) говоров. В Западном Приуралье были выявлены говоры: стерлитамакский (Рамазанова, 1984; 1991; 1997; 1972; 1987; 1993); тепекеевский (Рамазанова, 1984: 7; 1991; 1988; 1993); турбаслинский (Рамазанова, 1990: 117; 1993: 427; Исследование говора продолжается. См. также и материалы экспедиции Ф.С.Баязитовой и З.Р.Садыковой в диалектологических фондах ИЯЛИ АН РТ). Т.Х.Хайрутдиновой впервые изучен златоустовский говор (Хайрутдинова, 1985), Ф.С.Баязитовой — бакалинский подговор нижекамско-кряшенского говора (Баязитова, 1986: 19). В процессе сбора материалов для Атласа в Башкортостан были организованы экспедиции под руководством Т.Х.Хайрутдиновой, Ф.С.Баязитовой, Ф.Ю.Юсупова и З.Р.Садыковой.

Изучение методом лингвистической географии ещё раз подтвердило справедливость выводов предшествующих авторов о месте приуральских говоров в составе диалектной системы татарского языка. Важное научное значение исследований данного этапа заключается также в том, что в этот период создавался прочный базис для исследований и различными другими методами: сравнительно-историческим, ареалогическим, синхронно-системно-описательным и др., в которых утверждались и развивались дальше полученные результаты изучения методом лингвистической географии (Махмутова, 1978; Юсупов, 1986; Он же, 1985; Насипов, 1994).

М.З.Закиев в своих исторических и этнолингвистических исследованиях неоднократно обращается к вопросу о диалектной системе татарского языка. Мензелинский, бирский, пермский говоры он включает в число аборигенных говоров среднего диалекта, а златоустовский, ичкинский, нагайбакский, каргалинский, абдуллинский говоры определяет как говоры переселенцев-представителей среднего диалекта татарского языка (Закиев, 1995: 290–291; 1998: 536). Общеизвестно, что если высказанное когда-то мнение, полученные результаты соответствуют действительности, то они постоянно подкрепляются всё новыми и новыми данными. Об этом свидетельствуют и новейшие исследования, выполненные путем совершенствования методов изучения и углубления теоретического анализа ранее накопленного и вновь выявленного материалов.

Таким образом, татарские языковеды едины в определении места татарских говоров Западного Приуралья. Такого же мнения придерживаются крупнейшие исследователи башкирского языка и его диалектов. Дж.Г.Киекбаев писал, что говоры, распространённые в западных и северо-западных районах Башкирии, можно называть башкирскими лишь в историческом плане, их носители своим родным языком считают татарский язык (Киекбаев, 1958: 41–42, 78). Крупный специалист по башкирскому языкознанию А.А.Юлдашев, затрагивая неоднократно этот вопрос, делает вывод: принадлежность северо-западного диалекта башкирскому национальному языку с точки зрения современного их состояния является крайне спорной, что этот говор обнаруживает большую общность с татарским литературным языком (Юлдашев, 1981: 13; 1959; 1959; 1968). Н.Х.Ишбулатов, в течение многих лет занимающийся исследованием башкирских диалектов, пишет, что говорами, охватывающими северо-западную часть Башкирской АССР, «утрачены основные черты башкирского языка, а потому они ныне относятся к среднему диалекту татарского языка» (Ишбулатов, 1972: 125). Таких же взглядов придерживается и Т.М.Гарипов (1959: 48). С.Ф.Миржанова, обследовав говоры нас.п. северо-западного Башкортостана, выявила общие с башкирским языком черты, главным образом, в лексике. По её мнению, «само население, хотя и чётко дифференцирует этническую принадлежность каждого населенного пункта (башкирский, тептярский, татарский, мишарский), различает только язык татар и мишарей» (Миржанова, 1975: 238).

В последние годы в работах отдельных башкирских языковедов говоры северо-западного Башкортостана рассматриваются в составе башкирских говоров или диалектов (Баишев, 1955: 6; Миржанова, 1991). Объективный подход к собранным на основе «Программы...» чётко паспортизованным материалам, записям образцов текстов (частично и на магнитную ленту) позволяет не согласиться с таким мнением. Ими не учитывается то, что относительно татар Бардымского района Пермской области и северо-западных районов Башкортостана слово «башкиры» применялось как сословный термин. Это подтверждается исследованиями историков (Кузеев, 1974: 164, 347; Исхаков, 1985: 44; Рахматуллин, 1981: 7; и др.), многочисленными архивными данными, источниками, выявленными нами, а также другими исследователями в архивных хранилищах гг. Москвы, Оренбурга, Уфы, Перми.

Несомненно, тесные социально-культурные контакты между татарами и башкирами в пределах одной административной территории, общая географическая среда привели к взаимовлиянию и взаимодействию их языков, появлению башкирских слов в лексико-семантической системе приуральских татарских говоров.

История татар и башкир в течение ряда веков была тесно переплетена, что выразилось в установлении к настоящему времени большого числа общих особенностей в обоих языках (Закиев,

1995: 259, 383–384; Гарипов, 1971: 58–59); среди тюркских языков башкирский является наиболее близким к татарскому (Фасеев, 1969: 45).

Необходимо ещё раз подчеркнуть, что материалы, собранные лингвогеографическим методом, обеспечивающим надёжность фактологической базы и объективность при их интерпретации, карты Диалектологического атласа показали, что изоглоссы многих особенностей, получившие начало на территории распространения нагорных, заказанских, нукратского, касимовского, сергачского, темниковского и др. говоров, имеют продолжение в Приуралье. Для западноприуральских говоров (за некоторым исключением говоров контактной зоны — златоустовского и тепекеевского) характерны татарский фонематический состав и грамматический строй, общетатарский лексический фонд. В них отсутствуют специфические черты башкирского языка, выделенные крупнейшими исследователями башкирского языка, тюркологами Н.К.Дмитриевым и А.А.Юлдашевым, а также в других исследованиях (Дмитриев, 1948: 23–32; Грамматика современного башкирского..., 1981: 30, 53, 60).

Проблемы этнического формирования носителей говоров Западного Приуралья. Татарская диалектная система представляет собой сложное целое, включающее в себя большое количество говоров, распространённых, в силу исторических причин, на обширной территории. История формирования их уходит своими корнями в глубь веков и, естественно, она происходила в русле процесса сложения татарского народа.

Опираясь на труды известных учёных, историков, археологов, этнолингвистов и языковедов (В.Ф.Генинг, 1962; А.Х.Халиков, 1971; Н.А.Мажитов, 1971; П.Н.Старостин, 1971; Л.Т.Махмутова, 1978, 1981; М.З.Закиев, 1986; 1995; 1998; Г.Ф.Саттаров, 1973; 1990; 1998; Ф.Г.Гарипова, 1986 и мн. др.), можно вкратце констатировать, что этноязыковый состав татарского народа формировался в Волго-Камье ещё в скифо-сарматский период путем консолидации местных тюркских и тюркизированных финно-угорских племён. В новейших исследованиях высказано мнение о том, что этнические корни татарского народа восходят к более раннему периоду (Закиев, 1998: 426).

В Волго-Камье сложился финно-угорско-тюркский языковой союз. Поволжско-приуральский тюркский язык под влиянием местных финно-угорских языков приобрел своеобразные фонетико-грамматико-лексические черты, отличающие его от других тюркских языков (Серебренников, 1972: 8; Гарипов, 1987: 260; Закиев, 1987: 176–182; 1995: 31; Ахметьянов, 1993).

Согласно этнолингвистическим исследованиям М.З.Закиева, до прихода болгарских племён в Волго-Камье существовало государственное образование биаров (бигеров, билеров) Биармланд или Биармия. В Нижнем Прикамье образовалось Булгарское государство, на верхнем течении Камы страна Биарм существовала дольше. С этим связывается возникновение и слова Пермь. Известно также, что во время интенсивного распространения болгар и создания в IX в. Булгарского государства, в Волго-Камье, наряду с угро-финнами, обитали различные тюркоязычные племена (*суары/суазы, эскелы, буртасы* и др.), названия которых объединяются наличием в них общего компонента *ас*. Этот же компонент обнаруживается и в составе названия предков пермских татар: остяк (уштяк, иштяк) (Закиев, 1986: 43; 1995: 58–67). Тем самым, в этнонимах отразились следы весьма древних исторических процессов, происходивших в Волго-Камье, в русле которых шло и формирование предков носителей говоров Западного Приуралья.

К настоящему времени накоплено достаточно много литературы о тюркоязычности асов. Этим словом называли и печенегов (Мещерский, 1958: 454, 530), и болгар, и буртасов (Шпилевский, 1877: 115), асов отождествляли с аланами и т.д. (Хабичев, 1977: 75). С этим же этнонимом М.З.Закиев связывает и топоним Оса (Закиев, 1986: 42; 1995: 58–67; Исхаков, 1987: 119) — название города в Пермской области, отсюда Осинский уезд, куда до революции относилась и часть предков нынешних пермских татар.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы подтверждают указанные этнолингвистические разработки. Поскольку данная проблема непосредственно связана с историей носителей одного из говоров рассматриваемого нами западноприуральского ареала, позволим себе несколько подробнее остановиться на этом вопросе. О том, что предки пермских татар ранее назывались остяками, говорит ряд русскоязычных источников: «Житие св.Трифона Вятского» (Дмитриев, 1893: 13–19), писцовые книги 1579 г., составленные М.И.Яхонтовым (Дмитриев, 1884: 102, 115), от 1623–24 гг. — М.Кайсаровым (Шишонко, 1872, 119–150), архивные документы I четверти XVII в. (Исхаков, 1987: 119), XVIII в. (К истории..., 1896: 79; Преображенский, 1956: 12). В.Шишонко также указывал, что в 1578—79 гг. на Пермской земле «жили остяки, ныне называются татарами» (Шишонко, 1881). В вышеуказанных писцовых книгах этнонимы «татары» и «остяки» употреблены без какой-либо дифференциации. А.А.Дмитриев, видимо, опираясь на этот факт, писал, что очень трудно и даже невозможно различать эти две народности (Дмитриев, 1893: 13).

В писцовых книгах от 1679 г. (ЦГАДА, ф.1209, оп.1, ед.хр.226, л.241–354), обнаруженных нами, остяки уже не упоминаются; в тех же урочищах, описанных М.Кайсаровым, живут ясачные татары, также и марийцы, чуваша и т.д.; в административном отношении: у М.Кайсарова описаны два улуса

(Карьевский и Рожин со своими князьями соотв. Зевендук и Амбал), тогда как Кунгурский уезд (входивший сначала в Сибирский Приказ) состоял из четырех четвертей: Карьевская, Верхиренская, Шаквинская, Верхнесылвинская (между прочим, совпадающих с территориями распространения одноименных подговоров, выделенных нами на основе диалектных различий) (Рамазанова, 1996: 6–8). Осинский уезд (в состав которого входила и территория современного Бардымского района Пермской области) в пределах традиционных границ оказался в Казанском Приказе, далее в Уфимской провинции; население же, как и все землевладельцы Башкирии, стало именоваться башкирами-вотчинниками (Рахматуллин, 1981: 7), и их учёт велся в особых ясачных книгах, к сожалению, не дошедших до нас.

В исторической литературе под этнонимом *остяк* подразумевались различные народы (ханты, манси и др.) (Бахрушин, 1955: 98; Преображенский, 1956; Бударин, 1952: 24). *Остяк-иштяками* со стороны восточных соседей называлась часть сибирских татар и часть башкир (Народы..., 1956: 570; Филоненко, 1915: 21). Известный татарский писатель и учёный Т.Ялчигул считал себя «болгарлык иштэк» (Кузеев, 1960: 164), т.е. иштяк из Булгара.

Этническая принадлежность остяков связывается учёными с тюркским миром. По М.З.Закиеву, слово *остяк* восходит к *ас-аш-ис* и др. (см. выше) + афф. *-лык (-тык.)*; по Ф.С.Фасееву, этноплеменное образование *иштэк-остяк-иштяк-истяк* — «продукт тюркско-остяцкого взаимодействия в VIII–XVII вв.» (Фасеев, 1983, 154–155). Р.Г.Кузеев считает, что *иштяки* — результат контактов тюрков с их северными соседями (Кузеев, 1974: 204), хотя в заключении своей монументальной работы включает иштяков в число тюркоязычных кочевников (Кузеев, 1974: 503). Д.М.Исхаков неоднократно затрагивает различные стороны истории формирования пермских татар, он считает, что в Приуралье вплоть до начала XVII в. между Камой, Белой и районом проживания удмуртов... существовали остяцкая территория и иштякская-остяцкая этническая общность: «тюрко-угорского характера», «угры смешаны с тюрками» и т.п. (Исхаков, 1987: 114–121; 1983: 53–54; 1991: 176–178; 1993: 37–41).

Относительно остяцкой территории необходимо учесть фактор времени: видимо, к средним векам остяки локализовались на указанной Д.М.Исхаковым территории.

Ономастический материал также подкрепляет этногенетическую связь пермских татар с остяками. На юге Пермской области и на северо-западе Башкортостана имеются татарские деревни под названием Истяк.

Культура племён, живших в бассейнах Чусовой, Сылвы и в Среднем Прикамье в IX–XV вв., археологами выделена в особую — сылвинскую культуру; носителей этой культуры археологи относят к племенам угорской семьи языков (Генинг В.Ф., 1959: 212; Бадер, Оборин, 1958: 214). В исследованиях последних лет сылвинская культура XV–XVI вв. сближается с синхронной культурой угорских групп «Низовьев рек Белая и Ик» (Казаков, 1978: 83, 88, 97, 99; Исхаков, 1985: 53).

Таким образом, комплекс различных материалов свидетельствует о существовании остяков в Прикамье. В XV–XVI вв. они не отличались от татар, их и собственные имена были тюркские, например, Батырев, Канмурзачка, Ураско Урмаметев, Ишимбайко, Козебахта Карьев и т.д. Причём, в названных выше писцовых книгах наблюдается преемственность имён и фамилий остяков-татар (подр.: Рамазанова, 1989).

По составу и характеру диалектальных особенностей говор пермских татар стоит несколько особняком в системе других говоров западноприуральского ареала. Он уникален, имеет много древних черт, редко встречающихся в остальных татарских говорах, а также в других тюркских языках; в нём сохранились явления, характерные для более древнего этапа развития языка татар Волго-Камья. В формировании говора пермских татар именно как татарского решающая роль принадлежала поволжско-тюркскому компоненту (Рамазанова, 1990-3: 110–122).

Булгарский период также свидетельствует об общности населения поволжско-приуральского ареала (А.А.Дмитриев, 1884; А.П.Смирнов, 1951; 1952; 1957; А.Н.Усманов, 1960; В.Ф.Генинг, 1964; С.М.Шпилевский, 1887; С.И.Руденко, 1955; Б.Д.Греков, Н.Ф.Калинин, 1948; А.Х.Халиков, 1971; Р.Г.Кузеев, 1974; и др.) (Григорьев, 1836; Лызлов, 1990; Мажитов, 1971: 15; История Урала: 38; Очерки по истории..., 1956: 32–35; Закиев, 1986: 43; 1995: 66).

В Приуралье, особенно в пределах северо-западных районов современного Башкортостана и южных районов Пермской области, сохранялось постоянство по территориально-административной принадлежности: в составе Булгарского государства, его преемника — Казанского ханства (Усманов, 1960: 25–57; Кузеев, 1971: 25). После падения Казанского ханства «стало возможным присоединение к Русскому государству всего Западного Урала» (История Урала.: 45), и указанная территория в пределах традиционных границ оказывается в ведении Казанского Приказа (ЦГАДА, ф.1209, оп.1 кн. 153 (в нём г.Оса назван пригородом Казани) и далее — до 1728 г. — Казанской губернии (История Татарии, 1937: 487).

Часть территории распространения западноприуральских говоров, в пределах современной северо-западной Башкирии, в русских источниках до XVII в. фигурировала как самостоятельная

административная единица, отдельно от «Башкирских улусов», под названием «Беловоложская земля». «Белая Воложка» — название р.Белой в пределах её нижнего течения.

В этом свете особенно значительными становятся, на наш взгляд, выводы учёных, исследующих историю данного региона. Так, антропологи — М.С.Акимова и, в последнее время, Р.М.Юсупов — выделяют этот регион и указывают на преобладание в краниологическом материале его европеоидности и волго-камских признаков (Акимова, 1971: 39; Юсупов, 1983: 56–59). Как выяснено Р.З.Янгузиным (1971: 219, 223), для хозяйства населения региона уже в эпоху поздней бронзы было характерно сочетание скотоводства с земледелием. Автор заключает, что в формировании характера хозяйственного уклада региона решающую роль сыграли «местные оседло-земледельческие этнические группы». Р.З.Янгузиным приведены архивные источники, свидетельствующие об оседлом характере населения северо-запада Башкирии и в XV–XVI вв. Документы аналогичного содержания обнаружены и нами во время работы в архивах гг. Уфы, Москвы (XVII в.: ЦГАДА, ф.1324, оп.1, ед.хр. 2257(1632 г.); ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 1341(1701 г.), 353 (1641 г.), 355 (1695 г.); 50; 207; 271; XVIII в.: ф. 615, ед.хр. 12157 (1714г.), 12274 (1702 г.), 12149 (1710 г.); 13240 (1725 г.); и др.).

Относительно юго-западной Башкирии Р.Г.Кузеев писал: «Этот удобный для ведения земледельческого хозяйства район задолго до присоединения Башкирии к Русскому государству был объектом колонизации болгарских племён ...» (Кузеев, 1957: 23).

Падение Булгарского государства после нашествия монголов, политическая обстановка в Золотой Орде и др. вызвали определённые перемещения населения Поволжья на север и северо-восток. «... к концу XVI в. относятся» «сведения о переселении из Булгар племени» *гайна* (или группы знатного сословия — *тархан*), сыгравшего решающее значение в этно- и глоттогенезе татар Пермской области (Рамазанова, 1996: 13–38; 1983: 140). В XIII–XIV вв. произошёл следующий этап заселения бассейнов р.Ик и низовьев Белой выходцами из Поволжья: болгарскими племенами кече, кэлчер, юмран, буляр, еней, юрми, входившими некогда «в единое этнополитическое образование»; байлярцы бассейна р.Ик также «были в активном контакте с болгаро-угорскими и другим населением края» (Очерки по истории: 32–35; Кузеев, 1974: 274, 326, 458).

Что касается кочевых башкирских племён, то следует здесь подчеркнуть следующие моменты. Во-первых, мы пока не располагаем данными, позволяющими выяснить, что же стало с теми башкирами, которые жили бок о бок с племенами булгарского объединения и постоянно упоминались в записях арабских путешественников рядом с булгарами. Во-вторых, переселение кочевых башкирских племён в лесистый северный регион Приуралья вряд ли было возможным.

Миграция булгарских племён положила начало другому, качественно новому этапу в этногенезе татар Приуралья и формировании их говоров. Именно в тех ареалах, в заселении которых участвовали булгарские племена, в настоящее время распространены татарские говоры, единодушно рассматриваемые исследователями в диалектной системе татарского языка (Рамазанова, 1996, 28–34; 1997; 1979; 1982; 1983; 1984; 1985; 1990, 1993; 1993; 1997).). К тому же, эти говоры проявляют общность с такими говорами татарского языка, как нукратский, касимовский, кряшенские, носители которых в течение сравнительно небольшого отрезка времени в том или ином (территориальном, культурно-экономическом, политическом и т.д.) отношении обособились от казанских татар (Махмутова, 1974: 223). Тем самым, в настоящее время татароязычными являются потомки енейцев, байлярцев, тарханцев, гайнинцев, булярцев, юрмийцев, юрматынцев и др.

В XVI в., после падения Казанского ханства, начинается массовая крестьянская колонизация Приуралья поволжскими татарами и другими народами (удмуртами, марийцами, чувашами), бывшими под протекторатом Казанского ханства. Основные причины были такие: политика насильственной христианизации народов Поволжья, усиление феодального и колониального гнета, нежелание согласиться с новым, подчиненным положением и т.д. Их привлекали на юге и юго-востоке воля, свободные земли (подр.: Клочков, 1911), относительно легкий ясак, на что неоднократно указывали учёные (Рычков, 1792: 85; Филоненко, 1915: 33; Степанов, 1966: 107). О том, что у башкир ясак был легче, чем у соседей, т.е. у татар и других народов Поволжья, свидетельствуют и архивные источники. Так, на требование выдать беглых, вотчинники Башкирии ответили: «Они (вотчинники.— Д.Р.) только платили с осьми ясаков по одной кунице (в год.— Д.Р.), которой цена восемь гривен и обойдется с ясака токмо по гривне в год, а зо втора по четыре деньги. А в Казани с ясака в год денежных сборов збирается по осьми рублей по двадцати по шести алтын с полу деньгою и оные беглые с тех пустых ясаков живут у них у башкирцев и не токмо одни иноверцы, но и русские многие и на них всякую работу работают и пашни им пашут...» (ЦГАДА, ф. 248, он, 3, кн. 115, л. 978-об.). По мнению Н.Ф.Демидовой, «средняя цифра ясачного сбора была чрезвычайно невысока, особенно по сравнению с подушным сбором с русских крестьян» (Демидова, 1961: 218). «С точки зрения земледельца Центральной России и Среднего Поволжья здесь лежали „впусте“ манящие к себе тучные и хлебородные земли, леса и пастбища, охотничьи и рыболовные угодья» (Рахматуллин, 1981: 5–6). Но в то же время «в основу управления Башкирией на протяжении XVI–XVII вв. было положено сохранение

самостоятельности внутрифеодалного управления башкирских общин и признание вотчинного права башкир на землю» (Демидова, 1961: 211).

Нами установлено, что после падения Казанского ханства ход дальнейших этнических процессов в Приуралье предопределился различиями в общественно-экономическом положении народов бывшего Казанского ханства и вновь образованной в составе Русского государства Башкирии: 1) тяжёлый и всё более увеличивающийся за счёт различных поборов ясак — у первых и относительно легкий ясак — у вторых; 2) вотчинное право у населения Башкирии на свои земли; 3) государственная — у первых и общинная — у вторых форма землепользования; 4) налаженный и сильный контроль над населением Поволжья и ограничение возможности вмешательства со стороны правительства в предотвращение притока и устройства беглого населения в Башкирии (надлежащий надзор и административное управление, полный учёт населения Башкирии были налажены соответствующим образом лишь в середине XVIII в. после постройки Оренбурга); 5) близость (в ряде случаев общность) языка, обычаев и нравов пришлого и местного населения; 6) сохранение льгот у правящей верхушки: сохранение тарханства, полученного от Казанского ханства и Ногайской Орды, также и продолжение предоставления Русским правительством тарханства служилым и другим татарам (Очерки Истории СССР..., 1955: 675; Степанов, 1966: 107–109; Материалы..., III: 360; Любавский: 2, 13; История Татарии: 87, 123; ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 196; 575; 581; 592; 1087; и др. (документы датированы: 1669, 1690 и др.); 7) относительно свободные земли, ставшие одной из последних отдушин для беглых, лишенных своих лучших земель (История Татарской..., 1968: 103–136; Кузеев, 1957: 121; Кармин, 1934: 12; Алишев, 1973: 39–48).

Проблема бегства и стихийной колонизации приуральских земель (хотя и неоднократно привлекала внимание исследователей) до сих пор специально не изучалась. В наших работах затронуты также лишь некоторые её стороны, касающиеся нашей проблематики. Так, первый и весьма интенсивный миграционный поток начался уже во второй половине XVI – начале XVII в., о чём ярко свидетельствуют, например, правительственные указы от 1581, 1597 гг. (История Татарской..., 1968: 110; Полн. собр. законов, 1830: 80), многочисленные исследования, архивные материалы, сообщения административных деятелей в Правительствующий Сенат (История Татарии...: 387; Рычков, 1792: 89; Материалы..., III: 560; ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 978; Рамазанова, 1984: 21–38; 1985; 1986). Позволим себе в качестве примера привести из имеющихся в нашем распоряжении огромного количества архивных материалов лишь несколько фактов. На землях Уранской волости Осинской дороги возникло 50 (37 — до 1662 г., 13 — после 1662 г.) татарских, также и марийских, удмуртских деревень (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 980 (док. от 1668 г.); в пределах вотчин татар дер.Мушуга Ирехтинской вол. — 20 деревень, причём выясняется, что некоторые из жителей жили на новых землях уже 50, даже 70 лет (ЦГАДА, ф. 615, оп. 1, ед.хр. 12157 (док. от 1701 г.); Васильев, 1950: 63; ПСЗ, VII: 503; ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 101, лл. 39, 40, 210–214-об. и др.; кн. 115, лл. 283–284-об.; 374–377, 458, 531, 922–931, 978; ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 980; и мн. др.).

Как свидетельствуют архивные источники, среди беглецов численно преобладали татары, подавляющее большинство беглых были выходцами из Казанского уезда (Рамазанова, 1984: 23–25; 1985; 1986; ПСЗ, т. 1: 80). Этнолингвистическая ситуация в Приуралье была такова, что в этническом формировании населения и в сложении его говоров ведущая роль принадлежала татарам. О роли казанских татар в возникновении той или иной деревни Восточного Закамья Татарстана и Западного Башкортостана часто говорится также в многочисленных легендах и преданиях, бытующих среди населения (Рамазанова, 1997). Не было ни одной деревни, где бы не упоминалось об участии в её заселении татар из Поволжья («Казан ягыннан»). В некоторых деревнях имеются более поздние переселенцы — «казаннар», «казан кешесе», которые пока не совсем слились с местным населением.

Необходимо особо сказать об огромной роли татар в этнических процессах Приуралья. Ещё царские чиновники XVIII в. вынуждены были обратить на это внимание (см.: «Изъяснение о территориальном и внутриродовом разделении башкир Уфимского уезда, о живущем на их земле нерусском населении и о мерах борьбы с магометанством и перенаселением уезда» И.К.Кириллова от 1735 г. (Материалы...—Т. III.—С. 493.).

Большое место отводится вопросу о мерах борьбы с отатариванием башкир и киргизов в отчёте от 21 октября 1876 г. министра просвещения графа Д.А.Толстого: «...нужно принять все меры, чтобы удержать киргизское население от отатаривания и омагометанивания и не допустить их слиться с татарами, как это случилось с башкирами, ...» (Аграрный..., 1936: 338). В этом отчёте много говорится о сильном влиянии татар на чуваш, на язычников в Уфимской губернии (Аграрный..., 1936: 335–340). Татары, как грамотный слой общества, оказывали сильное влияние на население, были наставниками, писцами, обучающими грамоте, и т.д. (Усманов, 1960: 38–39; Демидова, 1958: 49). Духовными лицами в Уфимском уезде, в основном, были выходцы из Казани, о чём сообщается в письменных источниках. И.И.Лепехин в середине XVIII в. отмечал, что ахун из башкир был редкостью (Семенов-Тянь-

Шанский, 1914: 138–139; Материалы..., ч. III: 527; ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, лл. 775, 323, 909 и др.; ЦГА БАССР, ф. 172 оп. 1, ед.хр. 46, л. 101; Лепехин, 1821: 279).

Язык казанских татар служил языком общения в той сложной этнической среде, которая возникла в XVII–XVIII вв. в Приуралье. Эта традиция продолжается и по сей день, в чём нам не раз приходилось убеждаться во время наших многолетних экспедиций.

Исследователями отмечено значительное влияние татарского языка и на формирование говоров финно-угорских языков, распространённых в данном регионе (см., например: Насибуллин, 1973).

Влияние татарского языка шло и через татарский письменный литературный язык, служивший, как свидетельствуют письменные источники, языком деловых бумаг (Тумашева, Усманова, Хисамова, 1977: 51–66). В архивах городов Уфы, Оренбурга, Москвы сохранилось множество различных деловых актов, написанных на татарском языке. Кстати отметим, что в их языке совершенно отсутствуют специфичные черты башкирского языка.

Уложением царя Ал.Михайловича (1649 г.) людям «всяких чинов» запрещалось покупать земли у башкир (Фирсов, 1866: 153, 247). Законный доступ на земли башкир был возможен, в основном, только тем, кто имел с ними общую культуру, язык, религию, т.е. «мусульманам». Башкирия сохраняет «инородческий характер» до конца XVII в. Представители же других народностей для устройства на башкирских землях принимали магометанство («омусульманивались») (Фирсов, 1866: 153, 247; Кузеев, 1974: 164, 332, 459).

В начале XVIII в. происходит ещё один мощный поток переселенцев, связанный с введением в России подушной подати, усилением второй волны христианизации (Рамазанова, 1984: 22–23; 1985: 10–11; 1986). Стихийная колонизация земель Приуралья в различной степени активности продолжалась до XX в. Активная колонизация края русскими стала возможной после объявления указа 1736 г., разрешающего продавать представителям определённых сословий земли Башкирии (Добросмыслов, 1900: 190; Материалы..., Ч. 1: 302, где записка Казанского губернатора А.П.Волынского от 1730 г.: «... и понеже за 30 лет прошедших не было нигде ясных русских сёл ...»).

Исследование проблемы бегства включает и такой немаловажный вопрос, как изменение к концу XVII–началу XVIII в. формы и содержания общественных и земельных отношений между вотчинниками и царским правительством, с одной стороны, и вотчинниками и припущенниками — с другой.

Строительство городов и других укреплённых крепостей, заселение вотчинных земель служилыми, стрельцами и другими категориями населения, возведение монастырей и др. сопровождалось изъятием правительством земельных угодий у владельцев, что вызвало серьезное беспокойство у последних. Кроме того, пришлый элемент на территории Башкирии достиг такого соотношения с местным, что сходцы стали ущемлять права вотчинников на их земельные угодья, доходные места, о чём ярко свидетельствует обилие жалоб от вотчинников, тархан и др. на насильственный захват пришлыми их угодий (Добросмыслов, 1900: 55, 190; Ефремов, 1913; Типеев, 1930: 35). При возникновении же земельных тяжёб правительство вставало на сторону пришлых, если те состояли на каком-либо ясаке.

Всё это вызвало у землевладельцев Башкирии стремление к защите своих владений путем конкретного юридического оформления. Роды или различные подразделения племён приобретают владенные грамоты или выписки на свои определённые территории. Так, племя юрматы при царе Ал.Михайловиче получило грамоту (ГАОО, ф. 6, оп. 3, ед.хр. 2579, л. 434), часть племени гайна утвердилась в бассейне р. Тулва, грамота от 1596 г. (Материалы..., I: 74). Одиннадцать родов племени мин в 1671 г. получили от царя раздельную грамоту на свои земли (Кузеев, 1690: 51, 188). Возникла «необходимость в создании официальных редакций наиболее популярных шежере», что в условиях интенсивного процесса осложнения земельных отношений приобретает особое социально-экономическое значение (Кузеев, 1960: 9), т.к. сильное увеличение пришлого элемента привело к возникновению новых подразделений в составе родов (причём, любопытны их названия: чувашбай, татар, черемис, ногай, ар, казан, абсалям, кушылды (т.е. присоединился), юлдаш (спутник), мурзалар и мн. др.; (подр. см.: Рамазанова, 1984: 32–33; Кузеев, 1960: 68) и т.д. Те же причины вызвали необходимость письменного оформления припуска сходцев (с 1701 г. — только в государственных учреждениях).

Таковы наиболее основные вопросы, связанные с бегством податного населения из Среднего Поволжья в сторону Урала в XVI–XVII вв.

Ряд источников даёт основание полагать, что вотчинникам не совсем выгодно было выдавать беглых, возможно, существовала и обоюдная заинтересованность между вотчинником и припущенником. Так, в письме Н.Кудрявцева от 1706 г. А.Д.Меньшикову читаем: «... к Уфимским башкирцам ездил я от Казани ... ко мне приехали... Уразай Ногаев, Кемей Шишмаматов да мешеряк Имай... сказали, что они беглых никого не знают. А из верхних городов иноверцы и уездные люди

бегут в Уфимский уезд, а башкирцы их принимают и заказу нашего не слушают ...» (История Татарии..., 1937: 387–388).

П.И.Рычков (очевидец тех событий) одной из основных причин возникновения Алдар-Кусюмовского восстания (1704–1705) считает требование «с неумеренною строгостию» Казанского комиссара А.С.Сергеева с башкир «выдачи беглых людей» (Рычков, 1762: 89). Факты отказа выдать беглых людей зафиксированы и в делах, связанных с миссией И.Г.Головкина (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 373, 586, 720, 777–780).

Государственная колонизация Башкирии татарами началась после присоединения её к Русскому государству, когда возникла необходимость укрепления новых юго-восточных границ городами. В 1578 г. начинают строиться города-крепости Уфа, Бирск, Мензелинск, Самарск (Алекторов, 1883: 7). Эти города и окрестные их земли были заселены служилыми татарами. Обратимся к документам. В «Представлении» К.Уракова (1746 г.) говорится: «... мещеряки, которых деды и отцы некоторые малое число не в давние годы пришли в Уфимский уезд из Казанской, Воронежской губернии, ... с отвозными грамотами, чтоб им служить в Уфимском уезде...». И.К.Кириллов в «Изъяснении» от 1735 г. указывает, что «мещеряки, то есть служилыя татары», и они «накликаны» «с начала города Уфы» (Новиков, 1879: 25; Материалы ..., Ч. III: 493, 556; Ч. V: 581). Мишари призывались неоднократно: 1573, 1659, 1695 гг. и др. (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, лл. 562–631; ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 548, л.6; ед.хр. 1183, л. 1–2). Потомки служилых татар-мишарей Уфимского края в своих многочисленных прошениях всегда подчёркивали, что предки их были мурзами и служилыми, что они более 200 лет тому назад присланы Русским государством для обороны «пришедших во Всероссийское подданство башкирцов» (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 1, ед.хр. 67, л. 1.). По писцовым книгам от 1720 г., в Осинской дороге в 34 деревнях, в Казанской — в 5, Ногайской и Сибирской — по 1 деревне в каждой насчитывалось 380 дворов служилых мишарей (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 659–662). В 1765 г. в поход на Сибирские линии были снаряжены, наряду со служилыми башкирами, мишари из ок. 100 деревень из всех четырёх дорог (ГАОО, ф. 3, оп. 1, ед.хр. 79, лл. 20–74).

Как свидетельствует документ от 1659 г. мишари Осинской дороги, т.е. предки носителей байкибашевского говора, происходили из Алатырского, Арзамасского (бассейн р. Пьяна) уездов (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 488, л. 44), заселённых в свою очередь мишарями-выходцами из Кадома (Махмутова, 1978: 5). Таким образом, архивные документы подтверждают ранее высказанную, основанную на бытующих среди носителей байкибашевского говора легендах, мысль об истории возникновения этих мишарских сел. Связь носителей говора с мишарями определённого ареала доказывается и на основе языкового материала (Махмутова, 1978: 5; 1962: карты). Об этом же свидетельствуют и результаты изучения их говора методом лингвистической географии (Рамазанова, Хайрутдинова: 62–92). Некоторые из служилых татар перешли в Уфимский у., уже прожив в Поволжье (ЦГАДА, ф. 615, оп. 1, ед.хр. 1130, л.30; ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 1119, л. 30; ф. 248, оп. 3, кн. 115, лл. 607, 634, 651; ф. 452, оп. 2, ед. хр. 74, лл. 1, 16, 96, 100; ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 838, л. 1; ЦГА БАССР, ф. 168, оп. 1, ед.хр. 123; 144; ф. 172, оп. 1, ед.хр. 34; 42; Хайрутдинова, 1985: 8–17). Со временем население деревень увеличивалось и байкибашевцы стали занимать в оброк земли из других мест. Миграция их шла в восточном и южном направлениях (там же).

Часть служилых мишарей Уфимского края, получивших в своё время за те или иные заслуги перед царским правительством дворянские чины и являющихся мурзами и князьями, в XVI–XVII вв. сохранили некоторые привилегии и на новых линиях, в частности, в окрестностях г.Уфы, получали поместные земли и т.п. (Ураковы, Кадомцевы, Мамадышевцевы, Янгозины, Кузеевы, Дашкины, Еникеевы, Чанышевы, Кудашевы и мн. др.). Многие из этих фамилий и ныне распространены в татарских деревнях, исследованных нами (Материалы..., ч. III: 503–506; История Татарии.: 181; Новиков, 1879: 27–30, 43, 88–94).

Служилые татары в 1747–1754 гг. платили в казну по 25 коп. с двора, с 1754 г. данный платёж был снят и они должны были покупать соль из казны; с 1797 г. — включены в ведомство Оренбургского военного управления и разделены на кантоны. С этого времени они в одинаковом положении с сословными башкирами.

Среди служилых татар также происходил переход в башкирское сословие, который шёл теми же путями, что и у других разрядов пришлого населения. Позволим некоторые примеры. Жители дер.Тимкино, основанной служилыми мишарями в начале XVIII в. по припуску башкир Ногайской дороги, перешли в башкирское сословие (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед.хр. 45, л. 81). «Мещеряки» деревень Сафаровой и Термы (совр. Чишминский регион) к середине XIX в. оказались в числе башкир и в деле они неоднократно именуется «вотчинниками-мишарями», «башкирами из мещеряков», «мещеряки, ныне башкиры» и т.д. (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед.хр. 46, лл. 101, 148, 160). «Башкирами из мещеряков» являлись жители дер.Халикеево, Ново-Мусино (ЦГА БАССР, ф. 172, оп. 1, ед.хр. 101, л. 96); часть «башкир» Челябинского уезда состояла из «прежде бывших мурз» (ГАОО, ф. 13, оп. 1, ед.хр. 80, л. 3–5); мещеряк дер.Балыклыкуль Стерлитамакского у. Токтар Аликеев с семейством в 26 человек

перешёл в башкиры в Троицкий уезд (ГАОО, ф. 98, оп. 2, ед.хр. 33). По преданиям, башкирами считалось мишарское население ряда деревень Альшеевского, Аургазинского, Стерлитамакского и др. районов.

Следующая форма государственной колонизации Башкирии татарами (также и чувашами, марийцами, удмуртами) начинается во II четверти XVIII в. переселением татар других различных категорий (служилых, адмиралтейских и др.) после объявления указа от 1736 г. Этим указом не примкнувшие к восстанию служилые татары, «застарелые тептяри и бобыли», ясачные татары (большое число архивных документов приведено: Рамазанова, 1984) и др. были навсегда «утверждень» на землях, арендуемых ими раньше из оброка вотчинникам и оставлены «при одном прежнем ясачном платеже в казну» (Добросмыслов, 1900: 190; Новиков, 1879, 43). В XVIII в. часть служилых татар поселилась в Новомосковскую дорогу и Сеитовскую (Каргалинскую) слободу. Сеитовцы в основном состояли из купцов и служилых татар Арской дороги Казанского у.; среди них были выходцы и из Свяжского, Симбирского, Уфимского уу. (ЦГАДА, ф. 350, оп. 3, ед.хр. 2450, л. 23–89). Вскоре их численность, согласно правительственному указу, была сокращена и часть из них переселена на окрестные земли. С ними связаны говоры самых южных татарских сёл Башкортостана (Рамазанова, 1984: 56–67).

Переселение различных категорий крестьян с разрешения правительства отразилось в материалах II (1745 г.) и III (1762 г.) ревизий: на арендуемых или купленных (припуск) ими по договору землях оставлены навечно ок. 50-и татарских деревень, причём из них лишь 2 определены как новопоселённые. Всё это свидетельствует о массовом переселении татар гораздо раньше, уже в первой половине XVIII в.

Кроме того, ревизские материалы показывают, что они являлись выходцами, главным образом, из Казанского и Свяжского уу. В сословном отношении последние образуют новые категории населения края: ясачные, однодворцы, служилые и т.п. (подр.: Рамазанова, 1984: 57–62).

Подытоживая, необходимо подчеркнуть, что особенно мощные колонизационные потоки (как вольного, так и государственного) происходили в конце XVI — начале XVII вв. и в первой половине XVIII в. Пришлое население сохраняло свою культуру, исконный язык, обряды и обычаи до настоящего времени, чем и объясняется их единство с татарами, их татароязычность, хотя они и фигурировали в документах под различными названиями: тептяри, бобыли, башкиры, ясачные, припущенники и т.д. Как показали наши исследования, такие факты были связаны с особенностями их устройства на землях Башкирии.

Некоторые вопросы устройства переселенцев на землях Башкирии. Население рассматриваемой территории уже к моменту присоединения к Русскому государству было далеко неоднородным и по этому поводу высказаны различные мнения: переселение на восток, в Сибирь началось до падения Казанского ханства (Семенов-Тянь-Шанский, 1914: 231), со времени Золотой Орды (Рязанов, 1928: 16), башкиры «до вступления в число подданных России...» тептярей и мешеряков «считали своими данниками...» (Алекторов, 1883: 44), при присоединении башкир к Русскому государству «припущенники..., которых башкиры издавна принимали на свои земли, грамотой 1557 г. обязывались платить вотчинникам оброк...» (Типеев, 1930: 32; Никитин: 74). «В Уфимской юрте (земле) (имеется в виду период присоединения Башкирии к Русскому государству) два народа: башкиры и бобыли», — сообщается в одной татарской летописи (История Татарии, 1937: 123–124). Р.Г.Кузеев писал, что до присоединения юго-западной Башкирии население края состояло исключительно из башкир и татар (Кузеев, 1957: 121).

В письменных источниках также неоднократно сообщается о существовании в рассматриваемом регионе издавна различных народов. Например, в 1719 г. ответчики д. Игене и д. Деуково Байлярской вол. Казанской дороги Уфимского уезда показали, что они и другие «башкиры и татары насильством не поселивались, а в тех де местах изстари жили и вотчинами владели отцы и деды их...» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, кн. 115, л. 443 об.). Той же дороги Гирейской вол. Алмет Атнагулов... с товарищами в 1728 г. пишут: «В прошлых давних годах по взятии Казанского царства Уфимского уезду башкирцы и другие иноверцы пришли под протекцию Российскою со владением по дорогам и по волостям вотчин своих и всяких угодьев и с платежом ясака, который значит в окладных ясачных книгах в Уфимской канцелярии имянно» (Материалы., ч. I, 130). Приведённые выдержки требуют самого критического подхода, однако все они ярко свидетельствуют о неоднородности населения Башкирии уже в первой половине XVI в. и в сословном, и в этническом отношениях.

В социальном отношении население Башкирии конца XVI – XVII вв. состояло из тархан, вотчинников, служилых татар (мешеряков), бобылей, туснаков и др. (История Татарии., 1937: 123). Такая раскладка чётко отражена и в первоисточниках.

Сущность тарханства достаточно освещена в исторической литературе. После присоединения Башкирии к Русскому государству, там были сохранены и подтверждены привилегии феодальной верхушки, получившей тарханные ярлыки ещё из рук казанских ханов, Ногайской Орды (Очерки

истории СССР, 1955: 675–676; Степанов, 1966: 107). Получение тарханства продолжается и в московский период (Степанов, 1966: 108; Материалы..., ч. III: 560–561). По архивным документам в XVI в. жители Елдятской, Байлярской и других волостей Казанской дороги Уфимской провинции были тарханами (ЦГАДА, ф. 1173, оп.1, ед.хр. 575, л. 1–3; ед.хр. 581; ед.хр. 592). Выявлена серия документов от XVII в., содержащих факты записывания к ним их родственников из Казанского уезда. Так, родственники татарина Казанского уезда Уразки Байбурина исстари служили царю «... по Уфе в тарханах. И дано сродникам его бусурманское татарское письмо», а сам Уразко «за скудость своею» был записан в ясак. Грамотой царя от 1690 г. он переведен в тарханы, а его ясак налагается на «иных уездных людей» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 1087). Татарин дер.Тайламас Казанской дороги Уфимского у. Кутлумет Кутлугашев имел тарханство «со грамоты Ибрагима царя (годы правления Ибрагим хана: 1467–1479) (История Татарии..., 1937: 133–134) жалованной» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 196). В 1592 г. Казанский хан Адназы Саиб-Гирей велел быть в тарханах предкам ныне называемых башкирами жителей Ирехтинской вол. Шиг-Ахмету с товарищами; по сообщению М.К.Любавского, «башкиры Чубиминской вол. указывали, что предки минских башкир происходили от княжества и тарханства татарского и в разных местах бывшей Казанской (а ныне Оренбургской) губернии были пожалованы землями и другими угодами», а как род их размножился, то в 1719 г. (т.е. 1671 г.), по общему их согласию, разделились на 11 частей (Любавский, 2, 13).

Основное земледельческое население Уфимского края было наделено правами вотчинников. Независимо от этнической принадлежности, за ними постепенно утверждалось и к концу XVII в. окончательно утвердилось название «башкиры», которое обозначало административную и сословную принадлежность. Часть населения — пришлое или по какой-либо причине лишившееся земли местное население — составляют бобыли (см. ниже).

Повинности. Они представляют собой важный рычаг в экономической жизни и истории сложения населения Уфимского края. Исходя из этого, считаем нужным несколько подробнее осветить этот вопрос.

Ясак. Изучение способов устройства пришлого населения на землях Башкирии не представляется возможным без учёта определённой роли уплаты ясака (о его характере см. выше). Ясак выступал не только как фактор, стимулирующий устройству пришлых на новых землях различными путями, но и способствовал укреплению их позиций в Уфимском крае и в дальнейшем. Уплата, также и участие в уплате ясака за землю являлись одним из главных и важных аргументов при земельных спорах. Единственным документом, подтверждающим владельческие права, являлись ясачные книги. Ясак в представлении башкир Р.Г.Кузеев называется «символом (и условием) вотчинного права на землю». «Если за какой-то определённый участок земли в казну вносился определённый ясак, то этим самым плательщик становился фактически его собственником...» (Кузеев, 1960: 209). Это подтверждается многочисленными архивными документами, челобитными и т.п.

В XVII в. ясачными категориями были «башкиры» и «бобыли». Ясак имел различные виды, в документах часто употреблялись выражения: казанский ясак, бобыльский ясак, тептярский ясак, окладной ясак. Последние два — в XVII в., реже в начале XVIII в. — обозначали ясак, уплачиваемый в казну вотчинниками (Рамазанова, 1984: 67). С 1734 г. под выражением «тептярский ясак» подразумевался ясак, уплачиваемый тептярями (Рамазанова, 1984: 73–74; см. также: Рахматуллин, 1975: 122). Для обозначения повинности вотчинников употреблялся и термин «окладной ясак».

Сущность казанского ясака историками специально также не исследована. Ниже приводятся некоторые наблюдения о характере этого вида ясака в XVII в. по архивным источникам (в документах XVIII в. данное выражение встречается лишь в самом начале его). Нами выяснено, что под казанским ясаком подразумевалась подать, вносимая населением в Казань. Следовательно, вполне возможно, что в начальный период существования вновь образованной Уфимской провинции, т.е. Башкирии, он означал ясак той части населения, которая жила здесь ещё в период Казанского ханства и продолжала вносить ясак во двор Казанского Приказа. Так, прадед вотчинников Уранской вол. Осинской дороги Уфимского у. Аккуски Бектуганова и Иштерочко Истякова с товарищами Толубай ясак платил в Казань «и как построен город Уфа... платил на Уфу». Из ясачных книг видно, что он являлся старостой до 1729 (1621) г., а в 1622–1632 гг. ясак за указанную волость вносили сыновья Тулубая — Енсарка и Канчаска, т.е. деда вышеупомянутых Аккуски Бектуганова и Иштерочко Остякова с товарищами (ЦГАДА, ф. 1173, оп.1, ед.хр.980, л.2). (Кстати, любопытно употребление слов *истяк* и *остяк* параллельно). Казанский ясак платили и жители дер.Семяковы, «что на вершине реки Мушуга» Байлярской вол. (там же, ед.хр.745, л.4 (от 1679 г.), татары дер.Ляки (там же, ед.хр.1102, л.2), деревень Кучуково, Тогуз Казанской дороги, перешедшие в 1689 г. со своими родственниками в окладной ясак (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1037, л. 3–4). Бобыли дер.Талламас ясак платили также в двух местах: в Казани «по 12 алтын по 2 деньги на год да на Уфе бобыльского ясаку по 16 куниц на год», причём они пишут, что у них вотчина «старинная дедов и отцов их» (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.476, л. 1–2). Из 50-и деревень, возникших на землях Уранской волости (док. от 1688 г.) только 18 были записаны в

приходной ясачной книге на Уфе, остальные «ясак платят в Казани», а здесь живут «для вспоможения ясаку» (Васильев, 1950: 63 (док. от 1701 г.). Всё это позволяет предполагать о существовании упомянутых деревень ещё во времена Казанского ханства. Необходимо отметить, что «казанский ясак» обнаруживается в документах по ограниченной территории: по бассейну р. Ик и нижнему течению р. Белой. Специальное исследование проблемы поможет выяснить и вопрос о восточных границах Казанского ханства.

«Казанский ясак» нужно связывать и с прежним местожительством переселенцев, которые, живя на новых землях, продолжали вносить ясак и в Казанском уезде. Так, «казанской чувашенин» (кстати, в архивных документах XVII в. неоднократно встречаются факты, когда казанские татары названы чувашами (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1152, л.21, 34; Материалы..., ч. 1; стр. 89, 104, 124, 155, 189, 234, 351, 368, 393 и др.). из дер.Бирсют Зюрейской дороги Казанского у. имел вотчину «вверх по Ику», «а ясак даёт в Казани» (ЦГАДА, ф. 1173, оп.1, ед.хр. 321, л.1). В аналогичном положении были выходцы из дер.Ашитбаш Арской дороги Казанского у. (Васильев, 1950: 63), жители дер.Салагуш Казанской дороги Уфимского у. (ЦГАДА, ф. 1173, оп.1, ед.хр. 1297, л.1) и др. Наблюдения показали, что переформление казанского ясака на Уфу завершилось к концу XVII в.

Оброк. В архивных документах XVII в. значение его строго однозначно для северо-западной Башкирии: плата вотчинникам со стороны пришлых, в т.ч. и служилых мещеряков, за пользование угодьями; вносился деньгами, куницей, медом и т.д., т.е. суть этой повинности в условиях Башкирии имела свою специфику. Поскольку землевладение на исследуемой нами территории было вотчинное, «раздача земель из оброка государством» (Рахматуллин, 1981: 6; Ряпухина, 1961: 39) отсутствовала. В то же время, в документах, относящихся к Покамью, слово «оброк» употребляется и в несколько ином значении. Например, как видно из грамоты от 1595 г. (или от 1625 г.?), жителям дер.Сарали Токтамышке Шихдербышеву и другим были отданы в оброк земли в Предкамье по бассейнам рек Тойма, Карин, Чаллы, Итня и др. и «за Камою рекой» по речкам Польской Кабан, Такирмен и др. (ЦГАДА, ф.1324, оп.1, ед.хр.1249, л. 55). Вероятнее всего отдавались в оброк земли бывшего Казанского ханства. Заметим, что в конце XVIII в. жители ок. двадцати селений Сармановского, Тукаевского, Мензелинского и др. смежных районов современного Татарстана считали себя потомками вышеуказанных Токтамышко и др.

Способы устройства пришлого населения. Оседанию переселенцев на новых землях способствовали следующие факторы: вотчинное право; совместное пользование земельной собственностью и совместная уплата ясака, которые не могли отражать ни точной численности, ни этнической принадлежности, ни миграции душ или дворов, участвующих в них. Как справедливо указывают башкирские историки, в Западной Башкирии процесс разложения родо-племенной организации начался раньше, чем у восточных башкир, и шёл гораздо интенсивнее; XV–XVII вв. характеризуются здесь дроблением земельных угодий, выделяются повытьи, жребья; ко времени начала активной миграции народов Поволжья земли Западной Башкирии представляли собой владения, близкие к частным (Кузеев, 1957: 124–126; Рахматуллин, 1973: 43). Общественно-экономические условия края оказались предопределяющими в заселении края и способствующими оседанию пришлых на новых землях, что осуществлялось различными способами. В зависимости от всего этого население региона приобретало различные этносоциальные названия: тептяри, бобыли, башкиры, ясачные и т.д., некоторые из которых по ходу изложения будут рассмотрены несколько подробнее.

В конце XVI – XVII в. самым распространённым было самовольное поселение. О том, что «на их ясачных землях живут, поселясь насильством» русские и иноверцы, пришлые из Казани, писали вотчинники, башкиры, тарханы всех четырех дорог Башкирии неоднократно. Многочисленные челобитные были вызваны тем, что самовольно поселившиеся пришельцы, платя ясак, далее переписываясь в окладной ясак, постепенно превращались во владельцев, стали объявлять себя башкирами, существенно притеснять самих землевладельцев края (Добросмыслов: 204–215; Материалы..., ч. I: 130, 135; Ч. III: 18, 124; Филоненко: 43–44; ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1331; ф.248, оп.3, кн.115, л.308; ф.452, оп.1, ед.хр.7, л.1; оп.2, ед.хр.115, л.170–171; ГАОО, ф.6, оп.3, ед.хр.4387, л.1; ед.хр.2601 и др.).

Большинство самовольно поселившихся, после того, когда крепло их хозяйство, подавали челобитную, записывались на бобыльский ясак и становились бобылями. Таким образом, бобыли Башкирии отличались от бобылей центральных губерний, т.е. от обедневших крестьян, которые ввиду «бедности и худобы» были не в состоянии нести «тягло» и не имели своего дома, жили у кого-нибудь и т.п. (Очерки истории СССР..., 1955: 184). Видимо, в условиях Башкирии бобыли представляли собой категорию людей, не входивших в какой-либо род или в какую-либо общину. Среди бобылей были и башкиры, отделившиеся по каким-либо причинам от своего рода (Васильев, 1950: 143) или обедневшие люди других категорий (служилые татары и т.д.) (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1095, л.2; ед.хр.861, л.1; ед.хр.933, л. 7.).

Можно привести множество примеров, как пришлые записывались в бобылевый ясак. Как указали выше, этим самым они укрепляли своё положение на новых землях. Запись в такой ясак существовала, видимо, издавна. Так, бобыли д. Баржы в 1649 г. писали, что они платят «бобылевый ясак на год полполтины с человека» (ЦГА БАССР, ф.168, оп.1, ед.хр.67, л.1; Новиков, 1879: 81); жители дер.Кескутон Уранской вол. считались бобылями с 1632 г. (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.642). Уже в XVII в. известны попытки учёта правительством бобылей (напр., при П.Т.Кондыреве в 1678 г.). По данным Камерколлегии, в 1632 г. в Уфимской провинции всего плательщиков бобыльского ясака от имени «ясачных иноверцов» числилось 8355, от имени башкир — 6188, а в 1734 г. бобылей вместе с тептярями было 12202, башкир — 7284 (ЦГАДА, ф. 248, оп.39, кн.368/2851, лл. 350, 370–371; Новиков, 1879: 79–80).

Между тем, уже во II половине XVII в., с одной стороны, продолжается прилив и постепенное оседание сходцев, с другой — начинается дальнейшее упрочение положения ясачных бобылей, обусловленное самой сущностью сословных категорий. Ясачный бобыль, после того как он окончательно утвердился на новой земле и увеличил свой надел, мог переходить в окладной ясак и стать вотчинником. Для этого они подавали челобитные и получали грамоты, владенные (или оберегальные) памяти (или выписки) по грамотам.

Так, бобыль Табынской вол. Зяникак Елымов, поскольку «мочно ему наша великого государя службу служить с башкирцы...», переписался в башкирцы (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.639, л.2). Аналогичным способом перешли в башкиры бобыли Табынской, Кипчацкой и др. волостей (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.639; ед.хр.933 и др.), бобыль дер.Тураевы Казанской дор. Кульметко Еналеев с родственниками (История Татарии..., 1937: 204).

При переходе, как свидетельствуют архивные данные, челобитные часто сопровождалось обещанием платить вдобавок к прежнему ясаку ещё одну или несколько куниц — «в прибыль» в царскую казну или, как это тогда называлось «били челом куницею», а их бобыльский ясак переписался другим (гулящим людям). Так, бобыли дер.Талламас в 1658 г. подали челобитную с просьбой переписать их в окладной ясак, обещав «прибыль по 2 куницы на год» (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.476; так же и ед.хр.416; 470; 858 и др.). Житель Уранской вол. Московка Бахтыбаев по причине того, что он старый, «пустую его вотчину» в Уфимском у. уступил татарам, с условием «ясак платить 10 куниц, да батман меду да прибыль куницу... а бобыльский ясак с них 6 куниц снять и написать на безьясачных...» (там же, ед.хр. 1035; ед.хр. 1152, 1107; 1110; 1167; 1168; 1169 и др.). Челобитные «с прибылью», с одной стороны, способствовали упрочению социально-экономического положения пришлого населения, с другой стороны, соответствовали фискальной политике царской администрации.

При совершении подобных сделок часто случалось так, что бобыль переходил в окладной ясак вместе с (новоявленным?) племянником (либо родственником), т.е. возможно, с вновь прибывшим. Например, бобыль дер.Русаевы Байлярской вол. Чоропалка Токаев пишет, что он платит на Уфе по 2 куницы на год «тому лет з двадцать», а у него есть вотчина «в вершинах Ицких по обе стороны», просит «написать в окладные книги ясачные с племянником», обещав при этом прибыль куницу (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.470, л.1, 7). Вышеупомянутый Кульметко Еналеев из дер.Тураево переписался в окладной ясак вместе с племянником Измаилом, при этом он свою просьбу мотивирует также и тем, что родители его платят окладной ясак издавна и что он человек «вотчинной, а вотчина де у него за Камою рекою на Ику» (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.729; История Татарии, 1937: 204). Аналогичный переход с кем-либо в окладной ясак обнаруживается во многих документах (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.729; 858; 1152; и др.). Анализируя такие факты, можно выдвинуть предположение о том, что эти бобыли жили на своих «старых вотчинах» ещё со времён Золотой Орды, Казанского ханства.

В документах XVII в. наблюдается припуск и прикрепление в окладной ясак бобылей или безьясачных в чьё-то повытье или в помощь ясаку. Например, в ясак Ельдятской волости (100 куниц и 52 батмана меду) помогают ясачный бобыль дер.Польского Киргизу Сюлеманко Мишкин и безьясачный Беккеньячко Юлдашев (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр. 1110, л.3; 1692 г.). Бобылю дер.Булатовы Айбулатко Акбулатову разрешено платить окладной ясак вместе с Тюменчюрою Теребахтиным с товарищами из дер.Илбахтины Тышки Иланской вол. (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1168). Бобыль дер.Старого Каргину Сибирской дороги Кинзибайко был записан «в подмогу в повытье» в Минскую вол., далее он просит разрешить ему платить окладной ясак вместе с вотчинниками (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1168, л.3).

Характерно, что в окладной ясак переходили и безьясачные. Так, в 1694 г. записан в окладной ясак безьясачный татарин из дер.Колябаевы Ногайской дор. Уразлычко Уразбаев, выходец из Свияжского уезда (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1167, л.17, 20). Безьясачному Ибрайко Уразбаеву велено платить окладной ясак вместе с бобылями дер.Улуименли и дер.Маты (Казанская дор.) (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1152, л.28).

Братья ясачные татары из Свияжского у. записаны в окладной ясак в повытье умершего башкирца (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1110, л.2) и др. Примеры можно продолжить (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1167, л.7–10; ед.хр.1110; и др.), аналогичные факты отражены и в других трудах (Демидова, 1961: 219).

Архивные источники свидетельствуют о том, что переписавшиеся в окладной ясак бобыли в скором времени оказывались в составе башкирского сословия. Так, «Канайка Тептиков со братом и сыном (д. Степной Диланской вол.) переписался в окладной ясак и в челобитной от 1689 г. они просят велеть им платить ясак против башкирцев по-прежнему и о том им дать грамоту» (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1056). Вполне вероятно, что Якуп Кульметов, перечисленный среди лучших «башкир» дер.Тураево (Материалы..., ч. I: 224), является сыном вышеупомянутого Кульметко Еналеева, переписавшегося в 1677 г. в окладной ясак.

Таким образом, исследуя многочисленные архивные документы, основываясь на специальной научной литературе по истории края, можно установить, как устраивалась на землях Башкирии часть самовольно поселившихся сходцев, и какие возможности таили в себе местные социально-экономические условия для передвижения их по сословной лестнице.

Примечание. Большинство сходцев устраивалось на новых землях на основании различных припускных договоров. Р.Г.Кузеев пишет: «Очень старым институтом, помогающим понять земельные отношения в Башкирии, является институт припуска». Предпосылки возникновения некоторых особенностей существования припуска, распространённого лишь в Западной Башкирии, проанализированы (Кузеев, 1957: 139–160; Асфандияров, 1987: 59). Мы же ограничимся рассмотрением только некоторых моментов, связанных с социальными и земельными отношениями между вотчинниками-припускающими и пришлыми-припущенниками. Дошедшие до нас источники свидетельствуют о существовании припуска двух видов: устного и письменного. Естественно, припуск на основании устного договора являлся самой древней формой и о существовании его имеются сведения в документах более позднего времени (ГАОО, ф.6, оп.3, ед.хр.3254, л.471; ЦГАДА, ф.42, оп.2, ед.хр.27, л.1; ф.1173, оп.1, ед.хр.980, ед.хр.1331; Васильев, 1950: 142). Из них видно, что положение владевших землями без юридических оснований, т.е. без письменных договоров, без крепостей, было шатким, часто уже ближайшие их потомки объявлялись самовольно, «насиленно» поселившимися.

Письменная форма припуска, надо полагать, также существовала издавна. К XVII в. она имела свою давнюю установившуюся традицию и оформлялась в определённой форме на татарском языке. С начала XVIII в. припускные записи оформлялись только письменно, с переводом на русский язык и в государственном учреждении. Несомненно, письменная форма припуска является продолжением и развитием традиций его устного вида.

Проведём краткий анализ видов письменного припуска по «записям», собранным в «Материалах по истории Башкирской АССР» (Ч. III.—М.-Л., 1949). Записи оформлялись индивидуально, вследствие чего права и обязанности как вотчинников, так и припущенников устанавливались самые различные. Основываясь на архивных источниках, можно проследить, какие земельные отношения сложились между вотчинниками и припущенниками, как происходило оседание и землеустройство сходцев на землях Башкирии путем припуска.

Наиболее интересной является такая форма припуска, по условиям которой припущенники навечно припускаются на отдельное повытье или жребий с полным правом пользования всеми угодьями и с условием платить в казну положенный на это повытье ясак. Тем самым, повытье становится собственностью, вотчиной припущенника.

Так, Ишкой Карманов (Бюлярской вол. Казанской дор.) припускает в 1701 г. ясачного татарина д. Тюрчяевы Салтаная Исакова с условием: «...повытьем, всякими угоды владеть и службу служить и ходить в той вотчине вместо Ишкея, борти делать, и зверя всякова побивать, и ... и ясак в казну вместо Ишкея платить,... Ишкею впредь до той моей вотчины до моего повытья дела нет и не вступатца...» (Материалы...: 10–11; 78, 290, 315 и др.).

Аналогичные факты обнаружены и нами. В ясак умершего вотчинника записаны ясачные татары д. Полского Кыргизу, д. Кутуевы и др. (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.768; 1034, 1035; 1110; 1152; 1329; ф.615, оп.1, ед.хр. 12149, л.11, 1324, л.13-об. и др.). В некоторых записях вотчинники аналогичным же образом уступают часть общей вотчины (Материалы...: 117–118).

Таким образом, по условиям припуска рассмотренной формы, припущенники навечно приобретают земельные угодья (повыток, жребий или часть вотчины), становясь, как и вотчинники, полноправными хозяевами этих угодий.

Интересна также другая, более распространённая, чем первая, форма припуска. По её условиям припущенники навечно получали право «употреблятца» в общем владении угодьями наравне с вотчинниками, припущенники несли все повинности «в равенстве», т.е. сообща с вотчинниками. Припускаемым разрешалось селиться в вотчине «где похотят», «отдельно собою» или вместе с вотчинниками. Нередко такой припуск назывался припуском на правах общего владения. Абсолютное

большинство таких сделок совершалось также навечно. Например, Араслан Бирючаков (Казанская дор. Калнинская вол.) припустил в 1723 г. мещеряка д.Калтаевы той же дороги Юсупа Иштерякова «в своё повытье, которым владеет он со своими свойственниками без разделу. Припущенник обязывается службу служить, положенный в равенстве...». ... «С припускных взятых оброки делить по повытком вообще без всякого прекословия...» (Материалы...: 199). На аналогичных условиях припущены ясачные татары, служилые мишари в Кыр-Иланскую, Иланскую, Дуванейскую, Елдяцкую, Канлинскую, Бюлярскую, Енейскую, Кыр-Калнинскую и др. волости Казанской и в Табынскую и др. волости Ногайской дорог (Материалы...: 78, 136, 142, 144, 150, 156, 165, 276, 283, 309; 60, 317).

Как свидетельствуют архивные материалы, рассмотренная форма сделки была более выгодной для припущенников. Они приобретают права владения угодьями вплоть до припуска самими припущенниками других пришельцев.

Третья форма припуска была также распространённой, условием являлась уплата оброка вотчинникам. Большинство таких записей также оформлялось навечно и на правах общего владения. Припускаемые обязуются нести вотчиннику определённую плату натурально (куницей, медом) или денежно «в помощь ясаку». Так, Аит Мрякеев (Дуванейская вол. Казанской дор.) в 1718 г. припустил в общую вотчину татар той же дороги д. Кусербаевы Янаберде Танатарова с товарищами с условием «где похотят, поселитца усадьбою 4-ми дворами, и пашня пахать, и сено косить... и жить вечно. А с тое вотчины... у... Янаберды ... имать в помощь великому государю в ясак по рублю по 8-ми гривен на всякой год беспереводно... И мне, Аиту, и родственником моим в той вотчине им, Янаберде, обиды и разорения не чинить...». Подобным же образом были приняты в общину ясачные «татары» или служилые мишари — «мещеряки» в Кыр-Калнинскую, Иланскую, Кыр-Иланскую, Дуванейскую, Елдяцкую, Шамшадинскую, Калнинскую, Гирейскую, Старо-Иланскую, Кайлинскую, Киргизскую, Кыр-Кайлинскую волости Казанской и в Минскую волость Ногайской дорог (Материалы...: 37, 57, 83, 87, 93, 94, 96, 103, 104, 109, 113, 118, 128, 130, 135, 144, 160, 172, 174, 178, 187, 189, 212, 235, 237, 258, 280, 299, 301, 327, 364, 375).

Необходимо особо отметить свидетельства записей 1 половины XVIII в. о том, что припущенники уже являлись жителями различных деревень той же дороги или волости, или даже той же деревни: деды и отцы их уже были припущены в эти же вотчины. Абсолютное большинство припущенных по записям в «Материалах...» (544 документа, охватывающих период с 1701 по 1750 г.) являются жителями окрестных или соседних деревень. Этот факт ещё раз свидетельствует об оседании пришлых татар на башкирских землях уже до начала XVIII в.

Итак, выделяются три вида припуска, условиями которых предусматриваются: вечное владение отдельным повытьем самостоятельно как собственник-вотчинник, вечное владение общей вотчиной на равных правах с вотчинниками и вечное пользование отдельной частью вотчины за оброк или в помощь ясаку. Эти три вида припуска выделил также К.Ураков (Материалы...: 556), другие чиновники (Материалы..., т.IV, ч. I: 393), учёные. Так, Р.Г.Кузеев справедливо отметил, что «аренда очень часто превращалась в бессрочную, т.е. фактически была равноценна продаже» (Кузеев, 1960: 185).

Вышеизложенные факты позволяют прийти к выводу о том, что припуск является одним из средств, путей проникновения сходцев в среду вотчинников, несших башкирскую службу.

Юридическое оформление припусков в государственных учреждениях (и обязательно в письменной форме) особенно активизируется после издания указа от 11 января 1736 г., сыгравшего огромную роль в истории землевладения в Башкирии. Этим указом разрешалось продавать представителям определённых сословий, в частности, дворянам, офицерам и мещерякам, тептярям, бобылям земли взбунтовавшихся башкир. Данные положения были ещё раз утверждены указом от 1739 г. (Добросмыслов, 1900: 190; Новиков, 1879: 43–44).

После объявления этих указов освоение (самыми различными способами) земель Приуралья стало возможным для большего числа представителей разных категорий и народов (русских и др.), приток которых до этого был несколько ограничен ввиду запрещения вотчинникам продажи земель. Начавшаяся в связи с этими указами массовая колонизация обострила необходимость юридического оформления взаимоотношений пришлых с вотчинниками. Подтверждение прав на занимаемые ими земли особенно нужно было для тех, кто жил на вотчинных землях по словесному припуску или по нигде не засвидетельствованным договорам. Поэтому абсолютное большинство сохранившихся припускных записей приходится к середине и II половине XVIII в. За этот промежуток времени подавляющее большинство припущенников узаконило занятые ими земли путем оформления припускных записей или же возобновления имеющихся в их распоряжении старых записей. Об этом красноречиво говорят документы фондов Генерального межевания башкирских земель в самом конце XVIII – начале XIX в. (ЦГАДА, фф.1324, 1327 и мн. др.; ЦГА БССР, ф.172 и др.) Проиллюстрируем на некоторых примерах. Жители дер.Слаковой «заселение восприняли по договорному письму башкир Яиксубиминской волости» Белебеевского у. в 1759 г. (ЦГА БССР, ф.2, оп.1, ед.хр.540, л. 173). Жители деревень Кишков, Тимкиной и Салзегутовой были тептярями, потом перешли в башкирское

сословие, припуск оформлен в 1764 г. (ЦГА БАССР, ф.172, оп.1., ед.хр.45, л.81). Дер.Биштяки основана мишарями на земле, взятой у вотчинников Ногайской дороги из оброка, в 1755 г. совершено письменное оформление (ЦГА БАССР, ф.138, оп.1., ед.хр.124, л.391) и др. (ЦГА БАССР, ф.9, оп.1., ед.хр.125, л.118).

Царская администрация принимала ряд мер с целью разграничения припущенников от вотчинников и углубления противоречий между ними, указом же от 1736 г. были нарушены земельные права вотчинников в пользу пришлых (История Татарии..., 1937: 408), припущенники использовались во время подавления восстаний (Витебский, 1897: 429, 871).

Тептяри. Значительную часть припущенников представляли тептяри. Они издавна привлекали внимание различных государственных чиновников и исследователей, вследствие чего накопилась большая литература о них, высказаны различные мнения об их происхождении (конгломерат тюркских и финно-угорских племён, результат скрещенния татар и башкир и др.). Со II половины XIX в. главенствует взгляд на тептярей как на сословную категорию, образованную из самовольно поселившихся беглых из Поволжья и, частично, припущенников-башкир; они состояли из татар, мари, удмуртов, чувашей, башкир и даже русских (Черемшанский, 1859: 166; Филимонов, 1893: 55; Гурвич, 1880: 8; Ахмаров, 1907: 340–364; Асфандияров, 1987: 59–83). Подавляющее большинство исследователей подчёркивали сходство тептярей-татар с казанскими татарами (подр. библиогр. см.: Рамазанова, 1984): «... в образе жизни тептяре-мухаммедане ничем не разнятся от татар...» (Небольсин, 1852: 34). Г.Н.Ахмаров указывает, что язык тептярей — татарский и имеет большое сходство с «наречием казанских татар, с небольшой примесью слов из башкирского наречия» (Ахмаров, 1907: 5).

Лингвисты, как дореволюционного, так и послереволюционного периодов, затрагивающие в той или иной мере вопрос о тептярях, единодушно подчёркивают общность у тептярей-татар и казанских татар не только в языке, но и в образе жизни, материальной и духовной культуре. Материалы, собранные во время наших полевых экспедиций, ещё раз подтвердили справедливость этих положений.

Здесь же несколько подробнее остановимся на двух моментах, выявленных нами в ходе анализа архивных документов: в них слово тептяр употреблялось в разное время в различных значениях.

1. В русскоязычных источниках конца XVII – начала XVIII вв. данное слово встречается лишь в составе выражений «тептярской ясак», «окладной тептярской ясак», платящие же такой ясак названы башкирами-вотчинниками. Так, башкир дер.Якшиванова Байчура Минкин в своей челобитне от 1695 г. указывает, что он платил «на Уфе девятарской (примечательно, что в этом случае сохраняется звонкая огласовка начального согласного; слово восх. к персидск. *дафтэр* — книга, тетрадь, дело) (О версиях возникновения термина *тептяр*: Рычков П.И. История Оренбургская.—Оренбург, 1896.—С. 94; Ахмаров Г.Н. Тептяри...—С. 9–10, 12; Асфандияров А.З. Тептяри...—С. 62; и т.д.) ясак по кунце на год» (ЦГАДА, ф. 1173, ол. 1, ед.хр. 1198, л. 3); башкир Умряска Ишеев платил тептярской ясак по 4 кунцы в год (док. от 1700 г.) (Материалы..., Ч. I: 100–102); ясачные татары дер.Кутуево Казанской дороги переписались в 1701 г. в «окладной тептярской ясак за умершего башкирца за Сартыбучка Тюменчурина...» (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 1329, л. 3–4).

В документах первой четверти XVIII в. слово «тептяр» обозначает и вид ясака (1702, 1712 гг.) и определённый разряд крестьян: тептяр (1715 г.), ясачный тептяр (1723, 1732, 1734 гг.), ясачный тептяр, который платит «по книгам тептярской ясак» (1723 г.) (Материалы...: Ч. III: №№ документов: 116, 376, 170, 285, 365, 401, 285.). Известны случаи, когда тептярями названы и бобыли, также и ясачные татары (Добросмыслов, 1900: 210; Материалы..., ч. III, 336).

2. Начиная с 40-х гг. XVIII в. правительство предпринимает ряд мер для окончательного политико-экономического освоения края (организация Оренбургской экспедиции, строительство г.Оренбурга и т.д.), выявляются и податные ресурсы. Указ Сената от 31 марта 1734 г. гласит, чтоб всех припущенников края «... записывать и расспрашивать, кто откуда и давно ль пришли и в подушный оклад положены ль...» (ПСЗ, Т. X: 337–338). Видимо, во исполнение этого указа часть пришлых вотчинниками была «объявлена» русской администрации. Заводится специальная тептярская книга, где этому выделенному разряду ведётся отдельный счёт, их начинают использовать в определённых видах работ (подр: Рамазанова, 1984: 73), записывают в отдельный ясак, одинаковый, причём, с бобыльским. С этого времени выражение «тептярский ясак» означает ясак, уплачиваемый данной категорией. Сходцы, вновь прибывающие в Западное Приуралье, однако уже с разрешения и под контролем правительства образуют другие категории населения края под названиями государственные крестьяне, ясачные татары, однодворцы, возможно и казан кешесе, т.е. казанский человек, и др. А это означало прекращение прилива новых пришельцев в разряд тептярей. Тем самым, образуется самостоятельный, изолированный в социальном отношении разряд (сословие) тептярей, предками которых являлись (подр.: Рамазанова, 1984: 73; 1985; 1986) преимущественно переселенцы из Казанской губернии (в подавляющем большинстве — татары), успевшие устроиться в крае до издания указа от января 1736 г. и записанные в 1734 г. в тептярскую книгу. В дальнейшем их права уравнивались с правами бобылей.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы по XVII–XVIII вв. свидетельствуют, что тептяри являются потомками ясачных татар, некогда припущенных вотчинниками. Напр., вотчинники дер.Халилово Сунларской вол. Бирского у. припустили ясачных татар дер.Рякаева «той же округи» (припуск оформлен в 1784 г.), а в делах от 1804 г. их потомки именуются тептярями (ЦГАДА, ф. 1324, оп. 1, ед.хр. 4152, л. 80–80 об.). Вотчинники Кирунларской вол. в 1738 г. отдали часть своей земли «жительствовавшим на прежде отданной им земле того же уезда дер.Яхши ясашным татарам», а в делах от 1817 г. жители дер.Якшеево названы тептярями (ЦГАДА, ф. 1324, оп. 1, ед.хр. 4160, л. 3–8); также и жители дер.Шареево, Ильмурзино, Сахаево и др. (ЦГАДА, ф. 1324, оп. 1, ед.хр. 258, л. 15; ед.хр.270, л.708; ед.хр.288, л.360, 366). Тептяри дер.Юнусовой Сунларской вол. в своём прошении указывают, что они поселялись по записи, данной в 1714 г. от вотчинников предку нашему ясашному татарину Юнусу Досмамметеву (ЦГАДА, ф. 1173, оп. 1, ед.хр. 4152, л. 150). О том, что предки тептярей-татар являлись татарами, часто рассказывается и в легендах об истории заселения деревень, сохранившихся в памяти народа.

В документах XVIII в. тептяри рассматривались как пришлое население, сопоставлялись с бобылями (см. напр., мнения переводчика А.И.Тевкелева, начальника Оренбургской экспедиции И.К.Кириллова — очевидцов и современников событий 40-х гг. XVIII в.) (Материалы..., ч. III: 493) и А.П.Чулошникова и др. (Материалы..., ч. III: 16; т. V, ч. 1: 11). Царским правительством ведётся политика уравнивания прав тептярей с правами бобылей. Обе эти категории населения в 30–40-х гг. XVIII в. платили ясак в казну в одинаковом размере, а именно куницу, т.е. 40 коп. и 4 коп. подымных, 5 коп. на выкуп пленных (Витебский, 1897: 391).

С этого времени термин «тептяр» в источниках часто употребляется параллельно со словом «бобыль». Указом от 1736 и 1747 гг. тептяри и бобыли были освобождены от уплаты вотчинникам оброка взамен уплаты ясака в казну (80 копеек с души на год) (Витебский, 1897: 425). По донесению И.И.Неплюева в Сенат, в 1747 г. тептярей и бобылей в Оренбургской губернии по переписи II ревизии (т.е. в 1745 г.) оказалось 28637 мужского пола (ЦГАДА, ф.248, оп.1, ед.хр.1630, л.418-об.; Об их численности см.: Кузеев, 1968: 327 и далее).

Категория тептярей, как общественно-экономическое явление, постоянно находилась в движении и развитии. Происходил и переход тептярей в другое, более привилегированное сословие башкир. В литературе неоднократно указывается, что в имущественном отношении тептяри были неоднородными. Уже то, что они были ясачными или окладными, как отражено в письменных источниках, свидетельствует об имущественной дифференциации среди них. Е.С.Филимонов пишет: «...за особенно выдающиеся услуги они получали ещё и жалованные грамоты от русских государей на вотчинное владение занимаемыми ими землями» (Филимонов, 1893: 54). К концу XVIII в. уже зафиксированы тептяри-вотчинники и тептяри-припущенники (ЦГА БАССР, ф.138, оп.2, ед.хр.147, л.187; Филимонов, 1893: 55). Р.Г.Кузеев также указывает на наличие среди тептярей богатых, которые, «увеличивая тем или иным путем свой надел», становились «башкирами» (Кузеев, 1974: 323). В архивных документах часто можно обнаружить сообщения такого типа (ЦГА БАССР, ф.172, оп.1, ед.хр.45, л.81.). В «посемейном списке о перечисленных в башкирское войско тептярях Белебеевского уезда, проживающих на даче Уршакминской и Куркульминской волостей», зарегистрированы следующие деревни: Верхняя Имай-Карамалы, Бектемирова (Ново-Карамалы), Ташлы Шарыпово, Давлеканово, Япарово (ЦГА БАССР, ф.172, оп.1, ед.хр.98, л. 96.) и т.п.

Таким образом, в течение более двух веков шёл процесс отмежевания группы земледельцев-крестьян, называемой тептярями, от других категорий земледельческого населения башкирского края. Этнические группы, вошедшие в состав тептярей, сохранили свою исконную духовную и материальную культуру, свой быт и свой исконный язык, что проявляется в существовании и в настоящее время тептярей-татар, тептярей-удмуртов, тептярей-чуваши и др. Говор тептярей-татар (в дореволюционных работах они нередко именуется «тептярями-мухаммеданами») весьма близок к татарскому литературному языку. Однако взаимный контакт с башкирами в течение столь длительного времени наложил свой отпечаток: в их говоре имеются некоторые общие с башкирским языком особенности, в основном в области лексики, частично грамматики и фонетики.

В целом же говор тептярей идентичен с говорами татар, живущих по соседству с ними, и других групп татар, известных под различными названиями: казанские татары, казанцы, новобашкиры, башкиры, ясачные и т.п. Однако необходимо учесть, что эти социальные группы делятся на представителей среднего и на представителей мишарского диалектов, о чём совершенно справедливо писала и известный башкирский диалектолог С.Ф.Миржанова (Миржанова, 1970: 238).

Башкиры. После падения Казанского ханства население западноприуральского ареала оказывается в составе Башкирии, признавшей русское подданство. В этническом отношении оно было неоднородным и, конечно, не ограничивалось татарами и башкирами. Данный регион был местом, где могли укрыться недовольные политикой царского правительства представители всех других народностей бывшего Казанского ханства.

Характерно то, что подавляющее большинство тюркского населения края в русскоязычных документах XVII – начала XVIII в. фигурирует под названием «башкиры». На этот факт обратил внимание и У.Х.Рахматуллин, занимающийся изучением архивных источников по данному ареалу. Он указывает, что «чуваша, татары и марийцы западной и северной части Уфимского уезда» «в XVII в. стали называться башкирами» (Рахматуллин, 1981: 7). В архивных документах XVII в., хотя этот период и освещен в них несколько скудно, отразились следы процесса постепенного утверждения за населением края такого названия. Например, в грамоте середины XVII в. каринские татары Уфимского у. названы то башкирами, то ясачными бобылями, то татарами, причём слова «башкиры» и «бобыли» употребляются без дифференциации (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.271), в другом документе про башкир Янгильдика Тлявлиева и др. и ясачных татар Менлогозки Кулчимова и др. говорится: «... тем, башкирам и татарам Янгилдейку с товарищами с роду их и племянникам», причём у этих татар и «башкир» общая вотчина, одинаковые фамилии (Истяковы!) (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.50, л.1–2.); и др. (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.1095, л.2.). Часть жителей деревень Зиянчура, Субханкул, Канчурово 9-го кантона именовалась «из татар башкиры» (ЦГАДА, ф.2, оп.1, ед.хр.2774). В документе от 1639 г. речь идёт об ограждении «башкирского сотника», «сотника ясачных башкир» Ишимбая Кулушева с товарищами от всяких насилий...». В конце документа Ишимбайко назван «ясачным вогулятинным» (Материалы..., ч. I: 73). Участник башкирского восстания 1662 г. «уфимский татарин Ураслан-бек» в том же документе назван и среди «лутчих башкирцев» (Материалы..., ч. I: 92–93). Служилый мурза Умряска Ишеев (док. от 1700 г.) назван то татарин, то башкиром (Материалы..., ч. I: 100). Предки жителей (док. от 1830 г.) дер.Унлар Таныбской вол. Сибирской дороги в том же деле названы «башкирскими татарами» (ЦГАДА, ф.1324, оп.1, ед.хр.4166, л.279). Среди «башкир» Байлярской вол., подававших челобитную в 1679 г. о сенных покосах, есть Арычко Токтамышев, а в «ясачных книгах 7187/1679 г. деревни Байляр за Камою рекой на Човаше на Арычке Токтамышевы да на Агышке Бегеево 3 куницы...» (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.745, л.2–3.). Татарин оказался и Думейка, первым подписавший челобитную башкир, поданную в 20-е годы XVIII в.: «... первым челобитчиком написан татарин Думейка башкирцом, а он не башкирец. Татарин и жил ближе к Казани, на которого в Казани розысками показано, что воровал (т.е. участвовал в восстаниях) в 7190 (т.е. 1682) году и в 1705 году был первый возмутитель» (ЦГАДА, ф. 248, оп. 3, ед.хр.115, л. 1196.). Жители дер.Сарбашевы Иректинской вол. Бекимет и Сарыбаш Акимбетевы названы башкирами «татарского языку» (Материалы..., ч. III: 81). Здесь же приведём некоторые собственные имена людей, названных башкирами и татарами: Иванай, Литва Емелькин и Роман Траваев, Савалей, Максим, Чермыш и др. (Материалы..., ч. III: 98, 210, 178, 154).

Р.Г.Кузеев неоднократно писал о «неопределённости этнического содержания этнонимов башкир и тептяр» на территории современной Западной Башкирии, где, по его мнению, уже в XVIII–XIX вв. не было родовых подразделений, а «основой сельской общины был хозяйственный аул с прилегающими землями» (Кузеев, 1974: 322).

Население Башкирии при присоединении к Русскому государству сохранило старые порядки и под именем башкир было наделено правами вотчинников, оказавшихся, как известно, в довольно привилегированном положении. Как справедливо указывал У.Х.Рахматуллин, принадлежность к башкирам «была в XVIII в. адекватна с пребыванием в составе более привилегированного сословия», «присвоение башкирского имени позволяло пришлым крестьянам освободиться от многих обременительных повинностей, фактически в XVIII в. (особенно в первой половине века) царское правительство и не занималось уточнением этнической принадлежности народов Башкирии...» (Рахматуллин, 1975: 45).

То, что существующее население Башкирии оказалось в привилегированном положении, послужило первой и серьезной причиной, вызвавшей своеобразную ответную реакцию у сходцев Башкирии. Они различными путями стремились стать вотчинниками. И, как уже неоднократно подчёркивалось нами, они в определённой степени достигли своей цели. Условия присоединения Башкирии к Русскому государству, рассмотренные выше формы припуска и др., отсутствие надлежащего контроля со стороны царской администрации, отсутствие (до второй четверти XVIII в.) учёта населения, наличие относительно свободных земель и, наконец, фискальная политика царского правительства в отношении беглых крестьян и др. способствовали проникновению сходцев в ряды вотчинников, в ряды «башкир». Об этом ярко свидетельствуют многочисленные письменные документы, особенно второй половины XVII – первой половины XVIII в., часть которых была рассмотрена нами выше.

В.Филоненко, который приводит целый список челобитных из разных дорог, жалующихся на захват пришельцами их угодий, указывает, что пришлые, особенно «мухамедане», старались избегать исполнения каких-либо обязанностей по отношению к вотчинникам, отказывались платить оброк и стремились стать вотчинниками, «войти в башкирское имя» (Филоненко, 1914: 43–44). Последнее диктовалось как местными общественно-экономическими условиями, так и интересами самих сходцев.

И.К.Кириллов в своём «Изъяснении» сообщает, что башкирцы припускают пришельцев с целью переложить на них ясак, «...а инде уже называли и называют их (т.е. припущенных.— *Д.Р.*) якобы природные башкирцы» (Материалы, ч. III: 493). В другом его «Доношении» от авг. 1735 г. читаем: башкиры «год от году в лутчество и в силу пришли нечем иным, а допущением к ним из Казанского и других уездов беглецов селиться, коих назвали тептярями и бобьями: из которых многие под своё имя башкирское вписали...» (ЦГАДА, ф. 248, од. 4, кн. 109, л. 602). Вхождение пришлых в «башкирское имя» для I половины XVIII в. было очевидным, даже обыденным явлением. Поэтому-то в то время активно употреблялись выражения «природные башкирцы», «настоящие башкирцы» в отличие от «новых башкир».

Эти же факты нашли определённое отражение и в численности населения Башкирии, т.к. за период XVI–XVII–XVIII вв. башкиры находились в более привилегированном положении по сравнению с податными сословиями бывшего Казанского ханства, а также с бобьями, тептярями, ясачными татарами Башкирского края, владели более крупными земельными угодьями. В результате башкирское сословие постоянно пополнялось за счёт пришлых извне и выходцев из других нижестоящих категорий. Р.Г.Кузеев, основываясь на архивных материалах, совершенно справедливо считает, что в XIX в. происходила «инфильтрация в башкирскую среду пришлого населения» (Кузеев, 1968: 347–348). Действительно, в начале XIX в., в связи с учреждением кантонов, произошёл сильный наплыв в ряды башкирского сословия. Однако архивные материалы, извлечённые нами из архивов городов Уфы, Перми, Оренбурга, Москвы, показывают, что инфильтрация происходила не только в XIX в. Об этом красноречиво говорят многочисленные заявления, жалобы, челобитные и правительственные грамоты XVII – начала XVIII в., которые недвусмысленно подтверждают о проникновении пришлых и других категорий в башкирское сословие.

При изучении вопроса о численности башкир нужно учесть и то, что во II половине XVII в. демография численности населения Башкирии неоднократно нарушалась. Как свидетельствуют исследования ряда авторов, письменные источники, легенды, в начальный период после присоединения региона к Русскому государству собственно башкиры мигрировали дальше на восток и юг. По мере активизации политики царского правительства, под его усиливающимся давлением передвижение их отдельными группами на юго-восток наблюдалось и позднее (Очерки по истории...: 159; Кузеев, 1960: 177, 194, 211, 216; 1971: 28; Очерки истории СССР, 1955: 675; 1957: 649.). Уход собственно башкир в некоторой степени облегчал и устройство сходцев на вотчинных землях. Частые волнения и восстания, происходившие на территории Башкирии в течение полутора столетия, также приводили к определённым нарушениям динамики численности башкир (История Татарии..., 1937: 404; Типеев, 1939: 192; Материалы..., ч. I: 433, 466, 468–476; Несколько актов..., 1862: 41–47; Татищев, 1793: 121; ЦГАДА, ф.248, кн. 143, л.504–507; кн. 169, л.689–690; и др.). Несмотря на всё это, численность башкир увеличивалась, и это прежде всего было связано с переходом многих пришлых в башкиры. Современник этих событий П.И.Рычков писал: башкиры, «... в сожительство своё набрав многих беглых иноверцев, сходцев из разных уездов, чрез недолгое время так усилились...» (Рычков, 1896: 4). А.П.Волынский в «Записке о положении башкирского вопроса в Российской империи» от 1730 г. писал, что число башкир «время от времени непрестанно умножается и растёт так, что чрез 20 прошедших лет не было прямых башкирцев больше 35000 или, по крайней мере, 40000, а ныне с беглецами стало больше 100000, а именно: казанские, сибирские, темниковские и протчих тамошних уездов ясашные татара, большая половина в башкиры перешли, к тому ж и протчие иноверцы, мордва, чуваш, черемиса, вотяки целыми сёлами и русских немалое число от подушных податей беглецов в башкиры перешло» (История Татарии..., 1937: 399). В рукописи об Акаевском восстании (1735–1741 гг.) говорится: «... казанские чуваш, черемисы, мордовские и уржумские народы... Все они в книги записывались башкирами и поэтому никто из них к русским не возвращался. И теперь среди башкир их очень много, но, ввиду того, что они называют себя башкирами, потому их трудно узнать» (История Татарии..., 1937: 402).

В записке П.Д.Аксакова от 23 мая 1743 г. также указывается на увеличение башкир за счёт пришельцев: «И хотя их (т.е. башкир.— *Д.Р.*) пришло (в подданство.— *Д.Р.*) число невеликое, только от пришлых из Казанского и других уездов из-за Волги, Касимова, Свияжска, из Синбирска и протчих тамо татар... так их умножилось, как видно из остатков после последнего их беспокойства, начавшего с 735-га (1735 г.— *Д.Р.*) и продолжающегося по 741-й год (1741 г.— *Д.Р.*), как мужеского полу было больше ста тысяч» (Материалы..., ч. III: 526).

И.К.Кириллов писал в 1735 г.: «...но к башкирцам для своевольного житья также по причине обширных и изобильных мест... набрело жить великое множество горных татар, черемис, чуваш, вотяков, так что теперь этих пришельцев вдвое больше, чем башкирцев» (Добросмыслов, 1900: 10).

Эти выдержки примечательны тем, что в них говорится о массовом переходе сходцев (не только мусульман, но и других народов) в башкиры. Это во-первых. Во-вторых, употребление выражения «прямые башкирцы» также свидетельствуют о существовании различных категорий башкир, в данном

случае истинных или коренных, т.е. собственно башкир и людей, перешедших в башкиры, т.е. в башкирское сословие, возможно, называвшихся порой «новыми башкирами».

Исследователи, исходя из различных материалов, также неоднократно указывали на переход пришлых в башкирское сословие (Черемшанский, 1859: 132; Хроника., 1873; Филоненко, 1915: 43–44; Никольский, 1920: 14, 234; Игнатьев, 1873: X; Кармин, 1934: 29–30; Материалы., ч. I; ч. III; Руденко, 1955: 53–54; Кузеев, 1974: 323; и др.). И.И.Неплюев и др., видимо, считали, что слово «башкирцы» исходит из административного названия Башкирии, что оно обозначает вообще население Башкирии, состоящее из мещеряков, вотяков, мордвы, черемис и чуваш (ПСЗ, т. XIII: 830).

В.Н.Витебский пишет: «Желая уклониться от платежа за земли, многие тептяри даже из христиан принимали магометанство и, вопреки запрещению, стали называться башкирами» (Витебский, 1897: 391).

Р.Г.Кузеев процесс перехода пришлых в башкиры характеризует следующим образом: «Земледельческие народы Волго-Камья... поселялись на башкирских землях в качестве припущенников, арендаторов и покупателей. Немало было и таких пришельцев, в том числе из татар, которые во имя приобретения башкирского «вотчинного» права переходили в «башкирское звание», женились на башкирках, выдавали дочерей замуж за башкир и в конечном итоге действительно ассимилировались. Те же процессы, но в меньших масштабах были характерны для взаимодействий башкир с чувашами и марийцами». Р.Г.Кузеев совершенно справедливо указывает, что проникновение в башкирскую среду легче всего удавалось татарам. Так, в составе бурзян, тангауров и усерган было зафиксировано 15 подразделений татар, мишар, казанцев. Представители же других народностей (чуваш, мари и др.), чтобы «войти в башкирское имя», принимали магометанство («омусульманивались»). В обследованных нами населённых пунктах часто приходилось фиксировать семьи, предками которых считаются марийцы, удмурты, чуваш и др. (Кузеев, 1974: 164).

Факт перехода пришлого населения в башкиры отразился и в правительственных указах: «... а которые (беглецы.— Д.Р.) вошли в башкирское имя, о тех до времени умолчать» (История Татарии., 1937: 408). Видимо, до поры до времени, вернее до середины XVIII в., этот факт не затрагивал интересы царского правительства. Однако в дальнейшем Русское государство берет курс на выявление и строгий учёт податных душ Башкирии. Уже во время II ревизии (1745 г.) были сделаны попытки учесть каждое сословие в отдельности, зафиксировать также вновь перешедших крестьян.

Выше нами приводились данные из архивных источников о том, каким образом происходил переход в башкирское сословие представителей различных категорий. С середины XVII в. процесс записи бобылей, ясачных татар и других в окладной ясак шёл весьма интенсивно. Челобитчики мотивировали свой переход тем, что у них есть вотчина, и что они в состоянии платить окладной ясак, при этом обещали дополнительные куницы. Эти челобитные удовлетворялись, т.к. финансовые мотивы играли вообще большую роль в отношении к сословиям. Самое важное то, что этот окладной ясак, в отличие от, например, бобыльского, «взимался с припущенников вместе с башкирским ясаком» (Рахматуллин, 1975: 123) и тем самым облегчал проникновение этих челобитчиков в «башкирское имя». Утверждение термина «башкиры» по отношению к землевладельческому населению края носил двойной аспект. С одной стороны, у русской администрации часто под одним именем подразумевались разные иноверческие народы, и это не ново для исторической науки. С другой стороны, земледельцы края также проявляли острую заинтересованность в этом, т.к. переходя в башкирское сословие, они укрепляли своё положение на новом месте.

В конце XVIII – начале XIX в. переход в башкиры был связан с учреждением кантонного управления и объявлением башкирской категории военным сословием. Мероприятия по укреплению южных и юго-восточных границ (создание укрепленных линий Оренбуржья, введение в Башкирии военного управления и т.п.) вызвали, в свою очередь, новую волну перехода населения Башкирии в башкирское сословие. В материалах 5-й и 6-й ревизий содержатся многочисленные сообщения о перечислении различных людей в башкиры (ЦГА БАССР, ф.2, оп.1, ед.хр.561, л.1; оп.2, ед.хр.35, л.1118; ф.172, оп.1, ед.хр.45, л.81; ед.хр.101, л.96) и в казачье войско (ЦГА БАССР, ф.138, оп.2, ед.хр.56, л. 33, 71-об., 75-об.). Так, Никольская станица, заселённая татарами, в 1815 г. была полностью переведена в башкиры (ГАОО, ф.98, оп.2, ед.хр.25, л. 142), были переведены также и тептяри д. Сайраново, Чувалкипово, и др. (ЦГА БАССР, ф.172, оп.1, ед.хр.98, л.96), мишари, ясачные татары, мещанины, купеческие дети Сеитовского посада, люди, «поступившие в военную службу», незаконнорожденные и т.д., являющиеся выходцами из деревень Буинской, Курмышевской, Карсунской округ Симбирской губернии, Алабужской округи Вятской губернии, Белебеевской округи Оренбургской губернии, а также Нижегородской и Казанской губерний и др. (ЦГА БАССР, ф.2, оп.1, ед.хр.1116, л.5, 6). Архивные источники свидетельствуют, что сословие башкир имело весьма пестрый состав. Так, в это сословие записывались не только татары, но и выходцы из «киргиз-кайсацкой Орды» Ахсерка Токтабаев и др., всего 109 человек муж. пола (1816 г.). Они жили в Стерлитамакском у., были наделены льготами на десять лет (ЦГА БАССР, ф. 2, оп. 2, ед.хр. 561, л. 2). В 1813 г. были переведены

в башкирское сословие «кондуировские татары» — 26 душ муж. пола (ГАОО, ф. 98, оп. 2, ед.хр. 25, л. 128–133) и др.

Как видим, переключение других народов на «башкирское имя» в разные исторические периоды имело различные причины и носило различный характер. Этноним «башкиры» в XVII – начале XVIII в. приобрел и административное значение; в XVII–XIX вв. употреблялся и в сословном значении.

Однако уже в 1782 г., потом в 1812 г. были изданы указы Правительствующего Сената, предписывающие запрещение перехода в башкиры из податного народа (ЦГА БАССР, ф.2, оп.2, ед.хр.561, л.2). Этими указами велено было не включать в башкиры и тех, которые из собственно башкир случайно оказывались в числе податных (ЦГА БАССР, ф.2, оп.2, ед.хр.561, л.1, 3; ГАОО, ф.5, оп.1, ед.хр.36, л.1–7). В XIX в. правительству выгоднее было увеличение податного земледельческого, а не более привилегированного, служилого сословия, необходимость которого с укреплением восточных границ Русского государства отпала в середине XIX в., и оно затем было упразднено. Вообще, XIX в. характеризуется продолжением в Уфимском крае активной хозяйственной, социально-экономической политики со стороны царского правительства. Проходило генеральное межевание и наделение земель в определённых, ограниченных размерах: башкирам-вотчинникам — по 40, мишарям, тептярям, татарам — по 30, крестьянам других различных категорий — по 15 десятин земли на душу (Кульшарипов, 1971: 90). Указом от 1863 г. башкиры окончательно были приравнены к податным крестьянам (Никольский, 1920: 35). Но те, которые перешли в своё время в «башкиры», сохранили за собой это название и по сей день. Всё это очень хорошо сохранилось в памяти населения и весьма чётко отражается в легендах о заселении края, об основании сёл и т.д., записанных татарскими диалектологами во время многочисленных экспедиций, проводившихся ими в течение многих лет на территории западных районов Башкортостана (Рамазанова, 1984: 183–190; МТД 3: 214–224; МТД 4: 13–15; 17–18; 20–23; 53–59; 67–71; 98–102; 121–126; МТД 5: 46–56, 60–66; совместно с Т.Х.Хайрутдиновой: 75–139; МТД 7: 120–125; МТД, 1990: 126–130; Мордва-каратаи: язык и фольклор, 1991: 148–151); см. об этом в диалектологических фондах ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова АНТ, а также МТД, 3: 195–230; Вып. 4: 47–83, 91–95, 121–131; Юсупов, 1972: 475–568). Следует также подчеркнуть, что в данном регионе существует большое количество татарских населённых пунктов (об истории заселения многих из них см. серию книг: Асфандияров А.З. История сёл и деревень Башкортостана: Справочник.—Уфа.—Кн. I, 1997; II, 1993; III, 1993; IV, 1993; V, 1994; VI, 1995; VII, 1997). Во многих деревнях имеются «тептярский», «башкирский», «ясачный», «казан кешесе» концы в различных сочетаниях (любопытно, что даже в составе одной семьи приходится встречать родных братьев, один из которых записан башкиром, другой тептярем и т.д.), хотя в их говоре, материальной и духовной культуре, в происхождении нет никакого различия. Они имеют место лишь в том случае, если жителями деревень являются носители разных татарских (среднего и мишарского) диалектов.

Итак, в этническом формировании носителей говоров западноприуральского ареала основополагающими являются: а) местное земледельческо-скотоводческое население, издавна и генетически, и культурно-экономически, и, видимо, по языку однотипное с поволжскими тюрками; б) переселение в этот регион с XIII в. оседло-земледельческих болгарских племён, положившее начало решающему этапу в формировании носителей говоров как части татарского народа, а их говоров — именно как татарских; в) массовая миграция поволжских татар (казанских татар и мишарей) после падения Казанского ханства, приведшая к укреплению имеющихся общностей в языке, материальной и духовной культуре. Русский этап этнического формирования привёл к сложению в западноприуральском ареале существующей ныне системы татарских говоров. Таковы некоторые вопросы истории этнического формирования татар Приуралья. Этнолингвистические процессы региона чрезвычайно сложны, и данная проблема представляется перспективной для дальнейших комплексных исследований с участием специалистов по ряду смежных наук.

Этнолингвистическая характеристика говоров. Лингвогеографический аспект пространственного изучения языка не только позволяет уточнить диалектное членение языка и установить границы распространения диалектных единиц, но и может помочь выявить по определённым признакам более широкие ареалы. Выделенный на основе материалов Атласа западноприуральский диалектный ареал татарского языка включает в себя говоры и среднего, и мишарского диалектов и характеризуется следующими моментами:

1) этот ареал хотя и находится в административном отношении в пределах Башкортостана и Пермской области, но по своей языковой наполненности является продолжением, неотъемлемой частью татарского языкового пространства; в нём продолжились все те изоглоссы, которые получили начало в поволжских, особенно в заказанских, говорах;

2) восточная часть этого ареала представляет собой контактную зону с башкирским языком, следствием чего сложившиеся здесь златоустовский и тепекеевский говоры приобрели отдельные специфические черты башкирского языка;

3) говоры Западного Приуралья выделяются наличием в них общих языковых черт, отличающих данный ареал от говоров других ареалов.

По составу говоров западноприуральский ареал также представляет собой сложную картину. Прежде чем, приступить к характеристике говоров, необходимо осветить некоторые теоретические положения, принятые в татарской диалектологии, и, в частности, в данной работе.

Классификация диалектов, говоров и подговоров основывается в татарской диалектологии на территориально-лингвистическом принципе (совпадающем также и с этническим делением: мишари, казанские татары, сибирские татары). Первая попытка классификации была предложена Дж.Валиди, поддержана и развита Л.З.Заялем, Н.Б.Бургановой и Л.Т.Махмутовой (Валиди, 1927; Жәләй, 1947; Бурганова, Махмутова, 1962: 7–18), окончательно разработана во время изучения татарских говоров методом лингвистической географии. В ходе создания Атласа уточнены принципы выделения диалектных единиц, на основе всего достигнутого чётко определены дифференциальные признаки диалектов — они противопоставляются по огублённости и неогублённости гласного *a*, соответствием гласных *ы, е-о, ө*, заднеязычным и увулярным вариантами *к, г, х* и *№, Ы, х*, инфинитивными (*-маҫал-мәгә, -ма/-мә, -асы/-әсе, -Үалы/-гәле*) и другими глагольными формами и признаками. На основе материалов Атласа была уточнена классификация татарских говоров (Махмутова, 1983: 5–29; см. также: Юсупов, 1985: 315–318). В данном исследовании при характеристике говоров мы опирались на общепринятые в татарской диалектологии принципы. При установлении диалектных единиц в Западном Приуралье автор придерживался принципа, согласно которому диалектные черты говоров и подговоров являют собой своеобразную, присущую только тому или иному говору (или подговору) систему особенностей, отражённых во всех трех уровнях языка: фонетике, грамматике, лексике (Аванесов, 1963: 306; Бурганова, Махмутова, 1962: 7–12; Тумашева, 1977: 4–5). «Диалект — это местная разновидность языка в его отношении к общенародному языку и говорам, т.е. по своему объёму выражает понятие, среднее между общенародным языком и говором. Диалект — наиболее крупная языковая единица, объединяющая по ряду общих признаков более мелкие языковые единицы, называемые говорами» (Бурганова, Махмутова, 1962: 9). Пространственное же исследование языка обогащает определение диалектных единиц дополнительными атрибутами: диалект — разновидность языка на определённой территории, внутри которой она отграничивается пучком изоглосс (Carreter, 1953: 111). Причём интенсивность изоглосс определяет своеобразие говора. Так, западноприуральские говоры различаются по степени интенсивности изоглосс: наибольшее число изоглосс обнаруживается в пермском говоре, меньше — в тепекеевском и златоустовском, ещё менее — в мензелинском, далее бирском и т.д. Это обусловлено взаимодействием с различными говорами или языками, степенью влияния литературного языка, также и такими экстралингвистическими факторами, как время изоляции от основной массы носителей языка, наслоение различных этнических компонентов, время переселения (аналогичные выводы сделаны и Л.Ш.Арслановым: Арсланов, 1995: 11–23) и, следовательно, вступления в контакт. Результаты сравнительного анализа говоров с учётом истории формирования носителей свидетельствуют о том, что наибольшее число своеобразных древних явлений характерно для тех говоров, представители которых раньше всех оказались изолированными от основной массы в каком-либо (духовном, территориальном и др.) отношениях и развивались в окружении других родственных и неродственных языков: пермский, нукратский, кряшенские и т.д.

Как показали наши исследования и исследования других авторов методом лингвистической географии, в Западном Приуралье распространены говоры обоих основных диалектов татарского языка. Средний диалект представлен мензелинским, бирским, пермским, турбаслинским говорами, бакалинским подговором нижнекамско-кряшенского говора (I группа) и златоустовским, тепекеевским говорами (II группа). Мишарский диалект — байкибашевским, стерлитамакским (см. карту-схему распространения говоров..., стр. 32). Каждому из них присуща своеобразная система диалектных особенностей, что позволяет рассматривать их как самостоятельные единицы в диалектной системе татарского языка.

Говоры среднего диалекта. Анализ накопленного для Атласа материалов по приуральским говорам ещё раз подтвердил общность их с татарским языком, на что неоднократно указывали исследователи как дореволюционного, так и послереволюционного периодов. Об этом свидетельствует то, что они отражают систему фонем и грамматический строй татарского языка, общетатарский словарный фонд.

Глубокая общность их с татарским языком подтвердилась и в процессе изучения их как объект татарской диалектологии и в ареальном аспекте. Рассматриваемая группа (за небольшим исключением II группы) говоров Приуралья объединяется между собой в одно целое наличием ряда особенностей, составляющих ведущие, дифференциальные признаки среднего диалекта татарского языка, являющегося, причём, опорным диалектом татарского литературного языка (Заяль, 1958: 36–50; Современный..., 1969: 6; Татарская..., I, 1993: 38).

В области фонетики: огублённый a° (карта № 1 Атласа); огубление негубных гласных y, e после o, \emptyset , что совпадает с орфоэпическими нормами татарского литературного языка: *kөндөз* — графич. *kөндөз* — днём, *сөңгө* — копьё и др.; увулярные *№, Ё, х* (карта № 27 Атласа); *жс*-оканье, представленное в говорах I группы довольно системно и в начальной, и в срединной позициях, включая и заимствования: *журУан* — одеяло ватное, *аржа№* — *арьяк* — та сторона, *эңҗе* — жемчуг, *дөнҗа* — мир, *хуҗа* — хозяин и т.д. (карта № 33, 34); употребление *№, к* вместо *х* заимствований (последнее в златоустовском, пермском говорах носит систематический характер): *№ан* — хан; *№әрен* — *хәреф* — буква, *ку№на* — кухня, *сә№нә* — *сәхнә* — сцена и т.д.; сохранение *№, Ё* в начале (карта № 29) и в середине арабско-персидских заимствований: *Ёмер* — жизнь, *сәЁт* — часы и др.

Наблюдаются ведущие особенности среднего диалекта и в области грамматики. Инфинитив на *-ма/-мә/-мәгә* (систематически в пермском, менее активно в златоустовском, в остальных — sporadически). Как известно, эта форма бытовала в письменных памятниках татарской литературы («Кисса-и Юсуф» Кул Гали, поэмы Мухамедьяра и др.) вплоть до начала XX в. и в говорах среднего диалекта продолжает существовать по сей день (карта № 90).

Форма на *-асы/-әсе* (карта № 87) употребляется во всех семантических функциях и грамматических конструкциях (Хисамова, 1970: 14), наблюдаемых в среднем диалекте (инфинитив, причастие, имя...).

Форма на *-малы/-мәле* (карта № 88), спектр значений которой включает в себя модальные (долженствование, необходимость) и глагольные (инфинитив, причастие и др.) аспекты, характерна для нагорной группы говоров (включая и подберезинский) (Жәләй, 1947: 48–50; Бурганова, 1955: 47–49; Арсланов, 1965: 21–22), мензелинского, частично бирского (Западное Приуралье) (Хайрутдинова, 1985: 53), абдуллинского (Южный Урал) (Садыкова, 1985: 53), ичкинского (Зауралье) (Юсупов, 1979: 107) говоров. Она имеется в языках огузской группы (Гаджиева, 1975: 146), чувашском (Кононов, 1941: 141–142; Ашмарин, 1898: 295).

Имя действия на *-ыш/-еш* (*барыш, килеш*, карта № 92) распространено, в других говорах среднего диалекта, в языке «Төхфәи Мәрдан» Мухамедьяра и др. старотатарских памятников. Ср.: ног., балк., турецк. и др. языки. Употребление двойного аффикса принадлежности происходит в следующих случаях: *бересе* — лит. *берсе* — один из них, *№айсысы* — *кайсы* — который из них и т.п.

Общность приуральских говоров со средним диалектом многогранна. Она проявляется и в ряде локальных черт, что объясняется различными причинами. Имеется особая общность между пермским и нагорными говорами. Вполне возможно, она связана с болгарским компонентом либо общностью, приобретенной ещё в добулгарский период. Кроме того, во всех говорах Приуралья (включая и Зауралье) употребляются местоимения *анау, монау*, носящие в других диалектах локальный характер (лаишевский, камско-устынский среднего, *ц*-окающие говоры мишарского диалектов), присущие и другим кыпчакским (в т.ч. башкирскому, ногайскому) языкам.

В ряду локальных особенностей, составляющих общность со средним диалектом, нужно рассматривать и употребление *-ай/-әй* вм. лит. *-ый/-у(й)*: *№арай* — *карый* — смотрит, *белмәй* — *белми* — не знает, *песәй* — *песи* — кошка, *шундай* — *шундый* — такой и т.п. (карта № 24), активно наблюдаемое в мензелинском, бирском, златоустовском, тепекеевском (Западное Приуралье), ичкинском (Зауралье), касимовском, нукратском говорах среднего диалекта; в подберезинском говоре и в восточных диалектах; представляет собой древний общетюркский показатель. В мензелинском, тепекеевском говорах продолжается изоглосса sporadического употребления варианта *-сыУыз(d)/-сеgez((d)* аффикса *-сыз/-сез* глагола изъявительного наклонения (*барасыУыз, барырысыУыз, барУансыУыз*; карта № 48), начинающаяся в заказанских (параньгинском, мамашском, лаишевском) говорах, охватывающая также и каргалинский говор среднего диалекта (Садыкова, 1985: 107). Употребление дифтонга *-ай/-әй* (Махмутова, 1962: 65), варианта *-сыУыз/...* является исторически общим для татарского и башкирского языков. Сохранение их в татарских говорах Приуралья подерживается наличием этой формы в башкирских говорах.

Одной из общих со средним диалектом особенностей, имеющих локальный характер, следует считать формы дательного-направительного падежа личных местоимений 1 и 2 л. ед.ч.: *мийә, сийә*, наблюдаемые во всех говорах Западного Приуралья, хотя употребление их носит факультативный характер. Ср.: *мийа, сийа* в дубязском, нагайбакском говорах среднего диалекта.

Общность со средним диалектом проявляют и мишарские говоры Западного Приуралья, что объясняется влиянием на них говоров среднего диалекта ареала, воздействием соседних башкирских говоров; большую роль сыграл и татарский литературный язык, функционировавший в исследуемом крае (Хисамова, 1981: 8–9) издавна.

Итак, общность приуральских говоров (особенно I группы) со средним диалектом весьма многогранна.

Система особенностей говоров Западного Приуралья включает в себя и другие группы явлений, не менее важных для определения их места в диалектной системе татарского языка.

Специфичные особенности говоров. I группа. Как указывалось выше, она характеризуется близостью к татарскому литературному языку, имеет очень много общего с говорами среднего диалекта. Эта группа говоров в территориальном отношении является как бы продолжением среднего диалекта, включающего, как известно, все говоры, распространённые на территории проживания основной массы татар, т.е. на Нагорной стороне, в Закавказье и др.

Говор пермских татар распространён в южных районах Пермской области. Наблюдается преобладание выводов исследователей, подтвержденных в свою очередь Атласом татарских народных говоров: это один из говоров среднего диалекта татарского языка и в основе своей един. Вопросы формирования этого говора подробно изложены в нашей работе (Рамазанова, 1996), ввиду чего здесь будут указаны лишь отдельные стороны этой проблемы.

См. также: Рамазанова, 1974; 1976; 1983; 1997). В то же время, в нём выявляются особенности, имеющие локальное распространение, на основе обобщения изоглоссов которых выделяются шесть подговоров.

Бардымский подговор (пределы Бардымского, Чернушкинского районов): $-ay/-əy > -oy/-əy // -y/-y$: *бозу/бозу/бозу* — лит. *бозау* — телёнок; *теркəу/теркəу/терку* — диал. *теркəу* — приданое девушки и т.д.

Так же и в нурлатском, нукратском говорах среднего диалекта; имеется в уйгурском, хакасском языках, в Codex Cumanicus (Махмутова, 1982: 121); $ay > u$ — характерный признак чувашского языка (Сергеев, 1963; 1973); озвончение начального *n* в словах *беитек* — деловитый, *бочма№* — угол; случаи употребления межзубного *d* и др.

Муллинский подговор (пределы Пермского района): $-ay/-əy > -oy/-əy // -y/-y$; сочетание афф. $-ny№ы/-неке$ с афф. принадлежности: *абзыйны№ысы* — лит. *абзыйныкы* — принадлежит брату; *ба№чаны№ысы* — у сада (так же в нурлатском, подберезинском, нукратском (Материалы автора; Бурганова, 1962: 37); тавтологическое употребление частицы *да-дә*: *бер дә-дә ашамый* — несколько не кушает и др.

Шаквинский подговор (пределы Березовского, Кишертского р-нов; бассейн р. Шаква): $n \sim$ лит. *м.*: *туУын* — *тугым* — обод; спирализация *№*: *хайын/№айын* — берёза, *ахриннап/а№ериннап* — потихоньку; метатеза: *та№са№* — в остальных подговорах *тас№а№* — помещение для сбруи; сочетание афф. $-ny№ы/-неке$ с $-сыл-се$: *чебечләрнекесе* — у цыплят; и др., тавтологическое повторение союза *да-дә*: *эл дә-дә шулый* — и нынче так; и др.

Сылвинский подговор (Суксунский р-н; бассейн р.Сылва): $n \sim б$: *бочма№* — *почмак* — угол, *№алды№-босто№* — остатки и др.; единичные случаи $z > d$: *үде* — он сам и др.; $ч \sim с$ в афф. $-Уач/-гəч$ (*кургəс* — лит. *күргəч* — увидев; и др.); отсутствие сокращенной формы притяжательных местоимений: *аны№ы* — в говоре *аң№ы* — его; и т.п.

Карьевский подговор (бассейн нижнего течения р. Ирень: пределы Кунгурского, Ординского р-нов): $ч \sim с$ в окончании деепричастия на $-Уач$ (*килгəс* — после того, как пришёл); метатеза (*№унчы* — *куныч* — голенище, *очлан* — *чолан* — сени); и др.

Иренский подговор (бассейн верхнего течения р.Ирень, пределы Октябрьского р-на): употребление формы прошедшего незаконченного времени на $-ыр + иде$: *жырлар ий*, *бийеп китәр ий* — бывало и пела, и плясала; союза *да-дә*, *та-тə* в форме *даУын/дəген*, *таУын/тəген*: *сылый даУын сырлый* — замазывает, красит и т.п. (ср.: так же в мамадышском говоре).

Подговоры пермского говора имеют отличия и на лексическом уровне. По ряду диалектизмов противопоставляются бардымский подговор и кунгурская группа подговоров: бард. *бəхерниса*, кунг. *лəгүшə* — лягушка, *кийезтек* — *түни* — валенки; *гəлбəдийə* (бард.), *№а№ бəлеш* (ирен.), *жылəк бəлеш* (др. подговоры) — многослойный ритуальный пирог и т.п. Подговоры могут отличаться семантическими функциями диалектизмов: *түни* — бард. войлочные носки, кунг. валенки и т.д.

В возникновении подговоров большую роль сыграли административные границы, установленные в XVII в. Некоторая неоднородность говора объясняется также и расселением носителей в настоящее время отдельными островками, ослаблением культурно-экономических связей между ними. Татары, живущие в разных районах области, общаются с татарами различных регионов. Например, связи татар Пермского района с нукратскими татарами (Валиди: 143), носителей иренского подговора с населением Северного Башкортостана и др. (Рамазанова, 1996: 6–8, 16–17).

Наряду с дифференциальными признаками среднего диалекта, на что указано выше, в пермском говоре обнаруживаются и многие другие особенности. Ряд явлений говора имеют параллели в соседних финно-угорских языках: а) палатализованный (европеоидный) *л*, употребляющийся преимущественно в заимствованиях и диалектизмах: *лтамбы№* — коренастый, *лпана№* — клоп, *лгың№у* — болтать, *лгың№ылг* (прил. от гл. *лгың№у*) — болтун, *малг* — ягода, *ышколта* — школа и т.п. Такой же вариант звука *л* известен в мишарских говорах, имеет место также и в русских говорах рассматриваемого ареала (Смолякова, 1959: 341); б) шелевые *дг* и *тл/ дг* — преимущественно в заимствованиях: *əмəдгə/əмəжə* (< коми *модо*) — малина, *əдгийал* — одеяло, *судгийа* — судья и т.п. *тл*

— в определённой группе слов из таких лексико-семантических разрядов, которые характеризуются наибольшей устойчивостью: *әттей* — папа, *тәпәни* — ножка; в заимствованиях и диалектизмах: *ботто***№а** — жидкая грязь, жижа, *тәҗәҗ*, — лит. *kəgazy* — бумага, *пәтир* — квартира и т.д.

Эти особенности, видимо, отражают в себе следы контактов говора с финно-угорскими языками, могут быть объяснены и как субстратные явления, некоторые из них встречаются и в мишарском диалекте.

Говору присущ ряд и таких специфичных черт, которые находят своё объяснение на тюркской почве, но в татарских говорах встречаются редко, либо вообще отсутствуют. Параллели их находятся в ограниченном числе тюркских языков (шор., хакас., алт., уйгур. и др.). Большинство из них имеет место и в восточных диалектах: а) по степени незавершённости передвижения шкалы гласных (*о, ө — у, ү, и — ә*) говор стоит ближе к восточному диалекту, в котором эта особенность распространена более широко, нежели в среднем и мишарском диалектах (*сурау* — лит. *soraу* — вопрос, *оторау* — утрау — остров, *үләшә* — *өләшә* — раздаёт, *жүгин* — *йөгән* — узда и т.д.); б) метатеза в словах **№унчы** — голенище, **№омала№е** — хмель, вместо литературного *куныч, колмак*; в) узкий вариант афф. многократности действия: *-Үйла/-гелә/-№ыла/-келә* (лит. *-gala/...*), характерный для кыпчакской и восточной групп тюркских языков; г) понудительный залог глаголов, корень или основа которых оканчивается на *з, с*: *узҗар* — лит. *уздыр* — проведи, *бизгер* — *биздер* — отучи, *бас№ыр* — *бастыр* — поставь; д) склонение имён существительных с афф. принадлежности 1 и 2 л. ед. числа и по огузскому типу не только в винительном (что распространено во всех диалектах), но и в исходном падеже: **№улыңан** — лит. *кулыңнан* — от твоей руки, *әтийемән* — *әтиемнән* — от моего отца, *илләремән* — *илләремнән* — из моей Родины (ср.: аналогичные формы в говоре мордвы-каратаев (Мордва-каратаи, 1991: 151), в барабинском диалекте (Дмитриева, 1951: 97); е) исторически полный вариант афф. — *ның№ы/-неңке*, лит. *-ныкы/-неке* (так же в диалектах сибирских татар; в нукратском — *узезбезненкесе* и т.д.); ж) краткие варианты притяжательных местоимений, объясняемые выпадением сонанта *н*: *аң* — *аның* — его, *миң* — *минең* — мой, *шуң* — *шуның* — у того; так же в нукратском говоре, в восточных диалектах (Материалы автора); отсюда в говоре *аң№ы* — *аныкы* — его, *миңке* — *минеке* — мой. Формы типа *миңке, аң№ы, сиңке* отмечены лишь в ак-ногайском диалекте ногайского языка (Баскаков, 1940: 75); з) выпадение конечного *л* у местоимений *ул, шул* (Дмитриев, I, 1955: 280); и) наречия типа *жәйгедә* — летом, *кичкедә* — вечером, **№ыш№ысын** — зимой и т.п.; к) прилагательное *башилан№ы* — первый, первичный; л) частица утверждения **№ый** — ведь, же; так же в златоустовском говоре, в восточных диалектах; ср.: башк.диал., казах., алт., хакас., монг. и др.; м) группа диалектизмов: *мәшкә* — лит. *гәмбә* — гриб, *түз* — основа, *тет* — листовница, **№араҗат** — смородина, **у№сын** — чеснок, **№оно** — рысь.

Выделяется группа специфичных особенностей, сближающих говор с уйгурским языком: а) склонение личных и указательных местоимений в пространственных падежах с двойными аффиксами: *минеңә, аныңа/аныҗа, шуныңа/шуныңа, тегенеңә* (дат.-напр.п.); *минеңән/минеңнән/минеңдән, шуныңнан, шушыныңнан, тегенеңнән* (исх.п.); *синеңдә, аныңда, тегенеңдә, шушыныңда* (местн.-вр.п.). Изоглосса данного явления продолжается и на части территории распространения златоустовского говора (Хайрутдинова, 1985–1: 58), примеры в дательном-направительном падеже отмечены в башкирских говорах (Миржанова, 1979: 181; Максютлова, 1963: 100). Полная парадигма наблюдается в языке «Кутадгу билиг» (Абдрахманов, 1967: 38), в диалектах уйгурского языка (Малов, 1954; 1956; 1957). С.Е.Малов рассматривает это явление как сочетание аффиксов родительного и пространственного падежей (Малов, 1957: 173, 177); б) оформление существительных, обозначающих человека (множественное число при сочетании с количественными числительными): *алты уланнар* — *алты улан* — шесть детей; *өч кешеләр* — *өч кеше* — три человека, *биш йазучылар* — *биш язучы* — пять писателей и т.п. Аналогичное явление зафиксировано нами и в нукратском говоре. По характеру данной особенности говор сближается особенно с древнеуйгурским языком, где, как отмечает В.М.Насилов, «множественное число при количественном определении употребляется, главным образом тогда, когда определяемый предмет — одушевлённый или, может быть, когда он является предметом почитания» (Насилов, 1963: 46). Случаи употребления этого своеобразного явления отмечены в тувинском (Исхаков, Пальмбах, 1961: 207), якутском (Харитонов, 1947: 147), караимском (Мусаев, 1964: 15) языках.

Как видим, особенности говора, общие с восточно-тюркскими языками, довольно значительны и представляют собой цельную систему, охватывающую все три уровня языка: фонетику, морфологию, лексику. Несомненно, такой факт свидетельствует об особой общности носителей этого говора с алтайскими тюрками. Некоторые из указанных особенностей имеют место и в восточных диалектах татарского языка. Таким образом, связь исследуемого говора с алтайскими языками проходит через диалекты сибирских татар. Примечательно то, что в асинском, кубалыкском и кизилском говорах башкирского языка отмечены формы *минеңә, hineңә* (Миржанова, 1967: 12). Всё это позволяет

высказать мнение о том, что в этническом формировании пермских и сибирских татар, некоторых групп башкир участвовал общий, на наш взгляд, восточно-тюркский компонент.

Специфику говора составляет также и группа черт, сближающих его с такими реликтовыми говорами среднего диалекта татарского языка, как касимовский, нукратский, кряшенский, носители которых в течение сравнительно небольшого исторического отрезка времени в том или ином отношении (территориальном, политическом, экономическом, культурном) обособились от казанских татар и сохранили в себе реликтовые явления, черты, бытовавшие в старотатарском языке. Рассмотрим подробнее эту группу особенностей, представляющих особый интерес с точки зрения истории формирования татарского языка и его диалектов. Они следующие.

Нелабиализованный открытый *a* (тат.лит. и средн. диал. *a*^o): *бал* — мёд, *чаба* — бежит, *саУьна* — тоскует и т.д. Так же и в касимовском, кряшенских, дубязском, нукратском говорах среднего диалекта и в мишарском диалекте.

Уподобление широкого гласного *ə* закрытого слога узким гласным корня: *түгерик* — лит. *түгэрək* — круглый, *чепкин* — *чикмән*, диал. *чепкән/чепкән* — чекмень, *мөрлигин* — *бөрлегән* — костяника, *жүгин* — *йөгән* — узда, *чеприк* — *чүпрək* — тряпка, *күгерчин* — *күгәрчен* — голубь, *кибин* — *кибән* — стог и т.д. Ср.: соответствие фонемы *u* фонеме *ə* литературного языка в конце многосложных слов и в окончаниях в касимовском (Махмутова, 1955, 150); узкий вариант фонемы *ə* в словах с узким корневым гласным в нукратском (Бурганова, 1962: 23–24) и др.

Употребление дифтонга *-ей* вместо лит. *и* в открытом слоге: *əней* — лит. *əни* — мама, *кей* — *ки* — одень, *көргелей* — *көргəли* — захаживает, *кейем* — *кием* — одежда и др. Ср.: *-ий* в касимовском, долгое *-и* в нукратском, *-ей* в кряшенских говорах среднего диалекта и в восточных диалектах (Бурганова, 1962: 23–24; Баязитова, 1986: 56; Тумашева, 1961: 58, 65, 70, 82).

Архаичный тип изафета, компоненты которого связаны с притяжательным значением: *шартлама НеаНе* — *шартлама кагы* — пастила из клубники; *утын чана* — сани-дровни; *дар жарма* — *тары ярмасы* — пшено; *дар жарма ботНеа* — каша пшенная и т.п. Данный тип изафета служит способом образования сложных слов: *дымНеорт* — *дым Неорты* — мокрица, *алчеприк* — *ал чүпрəге* — передник, *үкəртə* — *өй киртəсе* — двор и т.п. Ср.: тат. лит. *алмагач* — *алма агачы* — яблоня, *табагач* — сковородник и др. Древний безаффиксальный тип изафета распространён во многих говорах татарского языка. По степени активности его пермский говор проявляет общность с нукратским говором и восточными диалектами.

Инфинитив на *-ma/-mə*. Весьма активно выступает в вышеуказанных говорах, а также в нурлатском, бастанском говорах среднего диалекта, на западе распространения мишарских говоров, в говорах Приуралья; имеется в чувашском, кумыкском, караимском языках (Ашмарин, 1898: 312; Дмитриев, 1940: 126; Мусаев, 1964: 294).

Употребление слов с аффиксом *-ныкы/-неке* в функции определения, причём они могут стоять как перед, так и после определяемого слова, или одно из них может служить определением к другому: *Бир-нəне НеызыныНеы жиңгəсе тарата* (кызның жингəсе) — Подарки раздаёт сноха невестки. *ТаныНесыз рəвештə тормош үзгəрде аларныНеы* — Жизнь у них изменилась до неузнаваемости. *ЄоданыНеы быратыныНеы Неатыны* — Жена брата свата.

Аналогично в говорах нукратских татар, подберезинских кряшен, сибирских татар, пензенских мишарей; так же и в диалектах узбекского языка, караимском, уйгурском языках.

Оформление предикативных отношений с помощью показателя притяжательного падежа: *Ике илəсə дə бер Неулның* (бер кулныкы) — Обе варежки для одной руки. *Ойа турУайларның* (тургайларныкы) *була* — Гнездо принадлежало жаворонкам. Такая специфичная особенность выступает также в нукратском говоре, сибирских диалектах татарского языка, памятниках старотатарской письменности («Кисса-и Юсуф»: *Зөлəйха сəнең ула, сən аныңсən*) и т.п. Она известна в караимском, турецком языках, зафиксирована в уйгурских письменных памятниках (Благова, 1965: 102; Малов, 1954: 78; Мусаев, 1964: 14, 137, 227; Кононов, 1956: 77; Малов, 1937: 9; Кол Гали, 1983: 130, 170). Тем самым, рассматриваемые аффиксы по своим синтаксическим функциям взаимозаменяют друг друга.

Это объясняется тем, что в ранние периоды развития языков не было полной дифференциации категорий притяжательного падежа и принадлежности, имеющих сходные семантические функции (Щербак, 1977: 87). Явление это в большей мере присуще древним этапам развития тюркских языков. Вследствие изолированного формирования, в пермском говоре функционирование рассматриваемых показателей получило несколько иное развитие.

Как видим, нукратский, касимовский, кряшенские и пермский говоры, находящиеся в настоящее время на значительном расстоянии друг от друга и развивавшиеся в отрыве от основной массы татарского народа, сумели сохранить «основные специфичные черты разговорного языка казанских татар» (Бурганова, 1985: 18–19), определившиеся гораздо раньше, в болгарский период, в период развития их в составе одного административно-территориального объединения (Закиев, 1977: 103;

Хакимзянов, 1985: 80). В этой связи особый интерес представляет ряд диалектизмов: *илэсэ*, чув. *йльса* < *алиг* — рука; *№онжорый№* < *кун* + *чары№*, распространён в языках кавказского ареала (т.е. в местах прежнего обитания предков болгар?) и т.д. Необходимо также подчеркнуть наличие ряда лексических параллелей с карачаево-балкарским языком: к.балк. *чаратабакъ* — перм. то же — большая чаша; к.балк. *чукукъ* — перм. *чы№ы№* — икота; к.-балк. *эгер* — борзая, перм. *экэр* — самец (кошек, собак); к.балк. *еч* — перм. *уч* — жадный до ..., падкий на ... (напр., *балъа еч* — *балЪа уч* — охотник до мёда), к.балк. *туч* — алюминий, перм. *туч балда№* — кольцо из дешёвого металла и т.д.

Комплексом черт пермский говор обнаруживает общность с определённой (нагорной) группой говоров среднего же диалекта: *-ау/-әү> -оу/-өү* или *-у/-ү* (*бозау>бозоу>бозу* — телёнок, *икәү>икөү>ику* — вдвоём), зафиксировано нами в нурлатском, подберезинском говорах; соответствие *-ай/-әй> -ый/-ий* (*алый* — *алай* — так, *чүрәлий* — *чүрәләй* — вокруг); системность *ф — п, х — №* (*тупра№* — почва, земля; *№әрен* — хәрәф — буква); замена *ч* звуком *с* в деепричастиях на *-Ъач* (*барЪас* — *баргач* — после того, как ходил); употребление давно прошедшего времени на *-ды иде* (*килдегез ий* — *килгән идегез* — вы приехали было; *өстәмә алыштым ый*, *ба№чаЪа чыЪам дин* — и переделалась было, намереваясь выйти на огород); является характерной чертой нагорных говоров (Жәләй, 1947: 51; 62; Бурганова, 1955: 54, 64; Арсланов, 1966: 74, 120, 177, 212); также имеет место и в чистопольском, сергачском говорах мишарского диалекта (Шәмгунова, 1962: 166–167; Шакирова, 1953: 298); зафиксировано в старотатарском памятнике «Кисса-и Юсуф», характерно для огузских (тур., гагауз., также и киргизского) языков (Кононов, 1956: 240; Покровская, 1964: 202; Орузбаева, 1955: 11); диалектизмы *№ур№ыныч* — пугало, *иртча№/иртчәк* — утром, *кәжәнкә* — чулан в сенях, *орчо№*, *сөйәк* — щиколотка, *тырнавыч* — грабли и др.

Общность со средним диалектом наблюдается и в более широком распространении или возникновении инноваций в употреблении отдельных грамматических показателей литературного языка.

Субстантивированные указательные местоимения имеют форму *аЪысы* — анысы — тот, та, то, *боЪосы* — *монысы* — тот, *шуЪысы* — *шунысы* — этот, тот из них, *шушыЪысы* — *шушысы* — этот из них, также и *№айсыЪысы* — *кайсы* — который. Такой способ в татарском литературном языке наблюдается в слове *тегесе* — тот (из них). В других татарских говорах такое явление не отмечено.

Основной формой прошедшего многократного времени, выражающего регулярно повторяющееся или длительное действие, в говоре, как и в литературном языке, является аналитическая конструкция *-а/-ә, -ый/-и(й)* плюс различные модификации вспомогательного глагола *иде*, т.е. *ийе* (так же и в средн. диал.) *ий/и/ый*. Специфичным для говора является присоединение показателей лица к основному, а не к вспомогательному, как принято литературной нормой, глаголу: *Озур итеп бәләш пешерәбез ий* — Бывало (мы) пекли большой бляш. *Кун суЪам ий №анны* — Бывало (я) много ткала рожаю.

Изоглосса этого явления выходит за пределы территории распространения пермского говора, охватывает часть бирского, байкибашевского говоров (карта № 102 Атласа). Такое же явление имеется и в говоре подберезинских кряшен (материалы автора), заболотном, тевризском говорах тоболо-иртышского диалекта (Тумашева, 1961: 66, 79).

Наряду с этим, в пермском говоре в 1 и 2 л. ед. и мн.ч. указанная форма выступает в более усложненном виде, где основной глагол уже является полной формой: *киләйег ий* < *килә идек иде* — бывало мы приходили; *йазайыЪ ый* < *йаза идек иде* — бывало, мы писали. *Түнийеме йаратайым ый, тишелде №ый* — Валенки мои я любила, продырявились ведь (является специфичной чертой говора).

Таким образом, пермский говор по своим уникальным особенностям имеет много общего с говорами среднего диалекта татарского языка. Примечательно, что это находит подтверждение и в исследованиях по другим смежным наукам: истории, археологии, этнографии, ономастике (Рамазанова, 1996: 13–38; Закиев, 1986: 42–43, 54; 1992: 126–133; 1995: 58–67; Хлебникова, 1984: 39–44; Бадер, Оборин, 1958: 175, 214; Историко-географическое..., 1801: 5, 25; Гарипова, 1991: 104; и др.). Как показали лингвогеографические исследования, западноприуральский ареал, куда входит пермский говор, составляет собой часть территории распространения татарского языка.

Одной из характерных сторон пермского говора является отсутствие в нём специфичных черт башкирского языка (Грамматика современного...: 39, 53, 60), т.е. межзубного варианта общетюркского з, употребления *с* вместо татарского *ч* и *һ* вместо татарского *с*, *й*-оканья и т.д. Общность с башкирским языком в большей степени проявляется в области лексики, в т.ч. в значительной части диалектной, что связано не только с непосредственными контактами носителей исследуемого говора с башкирским, но и возможно, общностью какого-то древнего компонента.

В говоре имеется определённое число явлений, общих с мишарским диалектом: монофтонгизация дифтонга *-өй* (*түмә* — *төймә* — пуговица, *сүвәк* — кость); *ө* — *ү* (*бөгөн* — *бүген* — сегодня, *төгөл* — отрицание *не*), *к* — *т* (*келәү* — *теләү* — хотеть, *итмәк* — *икмәк* — хлеб, *читләвек* — *чикләвек* — орех), диалектизмы (*тәртешкә*, *сырлау*, *ызба*, *күләсә*, *көзнеч*) и др.

Лексические особенности исследованы с различных точек зрения. Генетический аспект позволил выявить в лексико-семантической системе говора наличие русских заимствований, характерных как для среднего (*бүрәнә, уҗым, ...*), так и для мишарского (*пытлук, ызба, ...*) диалектов, также и специфичных для говора (*пүмич* — лит. *өмә* — помочь, *мылток* — молоток, *лүҗәнкә* — лежень, боров, *уграт* — 1) ограда, 2) в муллинском подговоре: двор, ...). Среди последних выделяются: 1) общие для западноприуральских говоров (*бида* — очень, *печтек/мечтек* — пестик, ...), 2) диалектизмы окружающих русских говоров (Словарь русских..., 1964) (*дырапач* — борона треугольной формы, *бутала* — колокольчик в четырехгранной форме, ...) и др.

По объёму арабско-персидских заимствований говор совпадает со средним диалектом; вместе с тем обнаруживаются и специфичные слова: *бәхерниса* — лягушка (в бардымском подговоре) < *бәхер* (море) + *ниса* (женщина); *бәхер* — море — активно бытовало в памятниках старотатарской литературы; *мысНеалтабаНе* — весы < *мысНеал* — золотник (мера веса) + *табаНе* — чаша, ср.: *мысНеал* — маленькие весы в параньгинском говоре; *әргиз* — перс. *һәргиз* — вовсе, совсем не...; *хәттин ашНеан* — замечательно, удивительно < араб. *хәдда* — край, предел, отс. лит. и в говорах *хәтле* — до, по (последлог), *хәтта* — даже, вплоть, до (частица усиления); в приуральских говорах *ихата* < *өй* — дом + *хата* — ограда, двор, усадьба и др.

Специфику говора составляют такие финно-угорско-пермские заимствования: *әмәҗә/мәҗә/әмеҗе* — малина < *өмидз, эмезь* (имеется в коми, удмуртском, марийском, мордовском языках (Лыткин, 1964; 156; Лыткин, Гуляев, 1970), оно было зафиксировано в словарях пермского языка XVIII в. и начала XIX в. (Баталова, 1967: 71). *Малт/мәл/мал: Неарамалт* — черника, *күкмалт* — голубика < коми. *моль* — жемчужина, пуговица, диал. *туримолт, нурмолт* и др. — клюква (Лыткин, 1964: 70). *Үҗин* — снегирь, ср.: коми диал. *жонг* в том же значении и др. (Лыткин, 1964: 53–54; Лыткин, Гуляев, 1970: 102).

По говору записаны автором и включены в диалектологические словари около 4000 диалектных слов. Подавляющее большинство из них — общетатарские слова и корни. По отношению к татарскому литературному языку выявлены морфологические (*эрек* — *эремчек* — сухой творог, *шәндекле* — *ышанычлы* — надёжный, *НеурНеыч* — *куркыныч* — страшно, ...), семантические (*НеашыНе* — половник — лит. ложка, *җир җиләге* — земляника — лит. клубника, ...), абсолютные диалектизмы (*әпә* — немой, *айаНе* — стакан, ...).

При сравнении с другими говорами выявлена лексика:

— общая со средним диалектом: *наҗаҮай* — зарница, *арҮыш* — супружеская пара, сопровождающая невесту в дом жениха, *ушаНе* — ябеда (ср.: касимовск. *үши'* — сплетня, ябеда, сиб. диал. *ошаНе* — донос, ябеда; в таких же значениях оно зафиксировано в словарях И. Гиганова 1804 г., Л.З.Будагова 1869 г., известно в кыпчакских, алтайских языках) и др.;

— общая с мишарским диалектом, кряшенскими, касимовским говором среднего диалекта: *күңчек* — конец прореза платья, *басма* — ситец, *тумыртНеа* — дятел, *тәртешкә* — кочерга, *мөгәш* — угол, *сырҮа* — серьги и мн.др.;

— общая с восточными диалектами: *тет//тет аҮач* — лиственница, *түз: йылҮа түзе* — устье реки, отсюда название деревень: *Башан түз* — Усть Ашап; *Тәләс түз* — Усть Телес, *Әри түз* — Усть Арий и др., *җүргәк* — пелёнка и ряд др.

Специфичная для говора диалектная лексика относится ко всем отраслям жизнедеятельности человека. Уникальные диалектизмы, переносы значений, образцы местного словотворчества выявлены нами в ходе анализа лексики говора по тематическим группам (Рамазанова, 1996: 169–195).

Одной из характерных сторон словарного состава говора пермских татар является сохранение древнетюркского лексического пласта или древнетюркских вариантов отдельных слов: *НеодоНе* — прорубь, др.-тюрк. *НеузуҮ*, алт. *кутук*, уйг. *кузук*, казах. *кудык*, башк. *НеозоНе*, тат. *кое* — колодец, *ола* (др.-тюрк. *ула*) — присоединять, наращивать, добавлять, продлять. Широко распространено в тюркских языках к востоку от Урала, зафиксировано во многих древнетюркских письменных памятниках; тат. лит. *олау* — обоз, подвода. Такого же характера слова *күңәк* — небольшая посуда цилиндрической формы из бересты, *сыНегау* — лит. елау — плакать, *күз* — горячий уголь, *ыру: ыруы бетү* (*тыНегау*) — перестать рожать, *иләсә* (см. выше) — рукавица, *орҮау* — умножаться и др. О терминах родства см: (Рамазанова, 1982: 52–58; 1984: 113–120; 1991: 169–173; и др.).

Анализ показывает, что пермский говор есть один из самостоятельных, причём интереснейших говоров среднего диалекта татарского языка. В нём сохранились следы более древнего этапа развития языка поволжско-приуральских татар.

Мензелинский говор. Несмотря на то, что он распространён на обширной территории — восточные районы Татарстана и западные районы Башкортостана — в основе своей он един.

Наиболее характерными особенностями мензелинского говора являются: 1) употребление межзубного спиранта *d* вместо литературного *з*, отличающегося от башкирского *з* преобладанием смычного элемента, на что указывали Л.Залая, А.Ш.Афлетунов (Рамазанова, 1967: 55–60); отсутствие,

как и в венгерском языке, его глухой пары наталкивает на мысль, что он является угорским субстратом; 2) активное, систематическое употребление дифтонга *-ай/-эй* вместо литературного *-ый/-ий*: в определительных местоимениях (*ниндэй/нидэй* — лит. *нинди* — какой, *андай* — *андый* — такой), в глагольных образованиях (*сүләмэй* — лит. *сүләми* — не говорит, *ташлай* — *ташлый* — бросает); в определённой группе слов (*үгэй* — лит. *үги* — неродной, *песэй* — кошка, *жиңгэй* — сноха, ...). Указанная особенность имеется в ряде говоров среднего диалекта, в восточных диалектах, бытовала в татарском письменном литературном языке вплоть до XX в., связана с фонетическими закономерностями общетюркского характера и вполне справедливо определена как исторически общее явление для татарского и башкирского языков (Махмутова, 1962: 65); 3) *д > з* в интервокальной позиции (*изэн* — *идэн* — пол, *бозай* — *бодай* — пшеница...). Изоглосса этого явления охватывает мамадышский, параньгинский, нукратский и др. говоры (см. карту № 44 Атласа); 4) сочетание *рт*: *чыбырт* *№ы* — *чыбыркы* — кнут, *шартлы* *№о* — *шатлык* — радость, *№ортлау* — *котлау* — поздравлять, *себертке* — *себерке* — метла и др.; 5) причастия на *-малы/мэле*, *-ышлы/-ешле*, выражающие постоянный, обычный признак, возможность или (в сочетании со словом *түгел*) невозможность действия; 6) послелог *өчөңгә* — лит. *өчен*; 7) более активное употребление имени действия на *-ыш/-еш* и др.; 8) афф. уменьшительно-ласкательности *-№ачай/-кәчэй*: *бөбөкәчэйем* — дитяtko моё, *голөкәчэйем* — цветик мой, *№ызы* *№ачайы* — её доченька и т.д.

В ходе формирования говор испытывал влияние различных соседних говоров, смежных языков, в результате чего на различных территориях распространения говора сформировались те или иные своеобразные черты, несколько отличающие отдельные регионы друг от друга. По материалам Атласа в говоре выделяются, в основном, четыре подговора.

Центральный подговор (районы Восточного Закамья Татарстана, узкая прибрежная полоса правого бассейна р.Ик в Башкортостане). Данный подговор в пределах Татарстана одним из первых стал объектом исследования в трудах Л.Залая (Жәләй, 1947; 1954). Лингвогеографическим методом подговор изучен Ф.С.Баязитовой и автором данных строк. Центральный подговор характеризуется наиболее последовательным проведением всего комплекса вышеуказанных ведущих признаков мензелинского говора.

Агрызский подговор (Агрызский р-н Татарстана и близлежащие к нему татарские нас.п.п. Удмуртии) (Рамазанова, 1970: 26–28; 1990; 1992: 22–23). В заселении этого региона участвовали каринские татары (ЦГАДА, ф.1173, оп.1, ед.хр.861, л.9, 22–26; ЦГА БАССР, ф.168, оп.1, ед.хр.57 и др. См. также: Рамазанова, 1986: 70–79), в XVIII в. — выходцы из Заказанья (Рамазанова, 1990: 20–35). На севере территории распространения подговора существовал в прошлом мощный культурный очаг — Иж-Бобьинское медресе, славившееся в начале XX в. прогрессивными методами обучения, передовыми демократическими воззрениями. Ф.С.Фасеев неоднократно подчёркивал большую роль культурных очагов в формировании разговорных языков окружающего региона (Фасеев, 1987: 112, 146; и др.). Влияние медресе на культуру, язык окружающих нас. пп. стало причиной более активного употребления в подговоре некоторых книжных форм (*-ды исә*, *-ма№о/-мәк*, отсюда *-ма№ылы/-мәкле*, послелог *мисале* — ‘подобно, как’ и т.п.), привело к ослаблению на севере территории распространения агрызского подговора ведущих особенностей мензелинского говора, сохранению архаичной лексики: *чарача* (<перс.) — предбанник; *дая* (др.-тат. — кормилица) — длинная жердь, на которую подвешивается люлька и др.

Янаульский подговор (Янаульский и близлежащие к нему районы Северо-Западного Башкортостана) имеет общие с пермским говором особенности: несколько активное употребление формы на *-маУа/-мәгә*, безаффиксального изафета и т.п. Он частично входит в зону распространения формы повелительного наклонения на *-ың/-ең/-ң* (*барың* — *барыгыз* — идите). Кроме них, для подговора характерны: присоединение частицы *-дыр/-дер* перед личными аффиксами: *беләдерсен* — лит. *беләсеңдер* — знаешь, наверное, *килгәндерсез* — *килгәнсездер* — вы, наверное, пришли; активное употребление вопросительного местоимения *нәмә* (ср.: башк. так же), диалектизмы *келиткә* — чулан в сенях, *чарача* — предбанник и др.

Белебеевский подговор распространён на юго-западе Башкортостана, охватывает квадрат *Шаран* — *Чекмагуш* — *Күмертау* — *Бишбуляк* (в основном бывш. Белебеевский у.). Для него характерно нарушение системности специфических особенностей мензелинского говора, что объясняется непрерывной миграцией до XX в. на данную территорию представителей различных говоров среднего диалекта: *з//д*, *-ай/-эй// -ый/-ий*, незавершённость нивелировки как в фонетико-грамматическом, так и, особенно, в лексическом уровнях; влияние смежного стерлитамакского говора мишарского диалекта: спряжение модального слова *кирәк* (*кирәккәч* — *кирәк булгач* — раз стало нужным), сохранение интервокального *б* (*чобар* — пёстрый, *чобан* — чуан — чирей), усечённый вариант притяжательного падежа местоимений при сочетании с послелогом (*аны белән* — *аның белән* — с ним, *моно кебек* — *моның кебек* — как этот) и др.

Условия формирования мензелинского говора отразились и в его лексико-семантической системе.

Общий словарный фонд говора также свидетельствует о близости его к татарскому литературному языку. Основу его составляют общетатарские слова и корни.

Выделяется группа диалектизмов, совпадающих по фонетическому звучанию корня с соответствующими словами литературного языка, но отличающихся по семантике: *бастыру* — 1) лит.; 2) молотить; 3) гнаться за кем-то, догонять; *буш* — 1) лит.; 2) вегетарианский (суп); *гәүдә* — 1) лит.; 2) верхняя часть платья; *Неойо* — 1) лит.; 2) реже: родник; *тату* — 1) лит.; 2) задушевная подруга и т.д.

Морфологические диалектизмы: *тәпсә* — лит. *тәп* — пень; *йотма* — *йоткылык* — зев, глотка; *өлгәшү* — *өлгерү* — успеть; *Неушам исем* — *кушамат* (*ат* и *исем* — синонимы) — прозвище; *эзлек* — *эзләп килүче*, *эзләүче* — розыск (ср.: др.-тюркск. *iʔlik* — башмак, у М.Кашгари *iʔlik* — ичиги) и т.д.

Большую часть диалектной лексики говора составляют слова, общие с говорами среднего диалекта: *бәкәй* — ягнёнок (так же в заказанских говорах), *мөртлөк/мөтлөк* — мята (так же в заказанск., камско-устыинск., заказанск.-крш.), *Неара Неайын жимеше/Неамыр жимеше* — боярышник (ср.: заказанск. *Неара Неайын*, дубъязск. *Неамыр чийә*, пермск. *НеамырлавыНе*, байкибашевск. *камыр чийә*, каргалинск. *Неамыр жыләге*, златоустовск. *Неамыр йемеш*, тепекеевск. *Неамыраш* — в том же значении), *чәбен/шәбен* — ворох сена на один подъём (ср.: заказанск., нагорн., чистопольск. в том же значении) и др.; *аНе //сийыр аҮы* — молоко, молочные продукты: *АҮыбыз да йуНе ичмасаНе*, *сийырыбыд дийаннады* — И молока ведь нет, корова умерла. Известно также в лаишевском, нукратском говорах татарского языка; так же в башк., кирг., ног., ккалп., туркмен. языках.

ПосНеаНе — остатки, обрезки шкуры < др.-тюркск. *бич-* — резать, рубить + афф.-*НеаНе*. Ср.: перм. *почНеаНе* — шкура, снятая с ног лошади или коровы — используют для подшивки детских валенок, чтобы в них можно было кататься; ичкинск., златоустовск. *пысу* — пилить, нагайбакск. — резать, пилить, кроить; миш. диал. *печ-/пец-*, заказанск.-крш. *печ-* — кроить (т.е. сингармонические параллели), заказанск. *печтеки* — маленький, так же и тат.лит. *пычак*, *печу* и т.д. Др.-тюрк. *висгаq* — 1) угол; 2) сторона; 3) шкурка, снятая с конечностей животного, из которой делают обувь.

Наши исследования показали, что формирование носителей мензелинского говора шло в течение ряда веков в условиях постоянного переселения на территорию его распространения, особенно белебеевского подговора, татар из различных регионов. Нивелировка их говоров, видимо, не завершена, о чём свидетельствуют следующие особенности в составе диалектной лексики белебеевского подговора.

1. Для передачи некоторых понятий употребляются синонимичные ряды. *СаулыНе*, на юге территории распространения белебеевского подговора *орҮачы* — овцематка. *Гөлҗимеш*, к югу и востоку — *этборон* (так же в заказанско-кряшенском, лаишевском, камско-устыинском, чистопольском, златоустовском, шарлыкском говорах) — шиповник.

НәҗәҮәй, *җалаҮай*, *аҗаҮан*, *наҗыҮый*, *аҗыҮай*, *арыш Неамчаулы* (мамадышск. *арыш Неамчылы*), *жылдырым* (чишминский регион) и др. — зарница. Ср.: перм. *жылдырым*, так же и лаишевск., нагорные говоры: *жылдырым*, др.-тюрк. *йулдырым* — молния. *Кузикмәк*, *йоНеа/җоНеа*, *җәймә*, *Неазан ашы*, *чәлтәк* — национальное, ритуальное блюдо (тонко раскатанное тесто, замешанное на яйце и жаренное в масле). Все названные синонимы имеются и в других говорах, в основном, среднего диалекта (ТГДС, 1969; 1993).

2. Наличие узколокальных диалектизмов: *бикәч* (в нас.п. Айдарали; так же в мамадышск., дубъязск., лаишевск. говорах) — овцематка; *инәч* (в нас.п. Таукай Гайны) — овцематка < *инә* (т.е. ана) + уменьш.-ласкат.афф. -ч; миш.диал. *әнәч* — молодка-курочка и др.

3. Синонимические ряды обнаруживаются даже в речи жителей одного и того же населённого пункта, причём носители и сами это осознают: *уратма//беләзек* — хворост трубкообразной формы (Тукаево, Ст.Ибраево), *сәмбүсә/пирүк* (Верхн.Услы) — маленький пирожок с различными начинками; *нәҗәҮай/әҗәҮай/җалаҮай* (Турмаево) — зарница и др.

Специфичными для говора являются диалектизмы: *тазҮара* — гриф (?), *Неушамисем* — прозвище, *мантай* — дурень (тат. разг. *сантый-мантый* — всякие глупые, дураки), *эзлек* — розыск, *ту* — 1) яловая (о животных и гусыне), 2) бесплодная самка домашних животных: *Бу ту Неад икән, ни ата, ни инә түгел* — эта гусыня, оказывается, бесплодная, неспособна иметь потомство, ни самец, ни самка. *Ту бийә* — а) бесплодная кобыла; б) рабочая лошадь. Ср.: башк., казах., кирг. *ту*, ккалп. *туу*, хак. *туҮ* — яловая, ног. *тув* — бесплодьё, туркмен. *дог* — годовалая неокотившаяся коза; 3) злаковые культуры, выросшие сами из осыпавшихся в прошлые годы семян или выросшие не из специально высеванных семян: *ту тары*, *ту киндераш*, *ту арыш//азау арыш*, *ту суҮан* и др. На основе этого слова образованы другие диалектизмы: *тучаҮа чыҮу* — животное на третьем году. Ср.: тат. *тпруча*, мамадышск. *туча* — слово, которым отгоняют корову. Слово *туча* имеется и в других кыпчакских языках (подр.: Рамазанова, 1992, 68–69.).

Подытоживая, констатируем, что основные номенклатурные названия всех тематических групп совпадают с соответствующими названиями татарского литературного и общенародного языка. Вариативность диалектизмов в белебеевском подговоре объясняется незавершённостью нивелировки и

обусловлена сложными процессами взаимовлияния между мензелинским и окружающими говорами, при ведущей роли среднего диалекта татарского языка. По своей фонематической системе, показателям всех грамматических категорий говор совпадает с татарским языком. Система особенностей мензелинского говора включает в себя также черты, общие для всех говоров Западного Приуралья.

Бирский говор распространён в северо-западной части Башкортостана (Бураевский, части пределов Калтасинского, Балтачевского, Татышлинского, Кара-идельского, Бирского, Мишкинского районов) (Махмутова, 1962: 57–86; Хайрутдинова, 1985: 36–62; Рамазанова, 1982; 1990; 1993: 426).

Известно, что по большинству черт бирский говор совпадает с мензелинским. В то же время он имеет и своеобразие, выраженное в отсутствии межзубного *d*, составляющего одну из ведущих особенностей мензелинского говора. В бирском отсутствует также и вариант *-сы Ыыз/-сегез* афф. 2 л. мн.ч. изъявительного наклонения: *барасыз* — вы идёте, *килгәнсез* — вы пришли (как и в литературном языке), тогда как в заказанских, параньгинском, мензелинском факультативно *барасы Ыыз, килгәнсегез*.

Бирский говор имеет общие черты с окружающими говорами: присоединение афф. лица не к вспомогательному, а основному глаголу в аналитической конструкции *-a + иде*: *барабыз ийе* — лит. *бара идек* — бывало ходили (так же и в пермском говоре); форма повелительного наклонения на *-ың/-ең/-ң* (*килең* — приходите); пространственные падежи личных местоимений: *миңәргә/мийәргә* — мне, *сиңәргә/сийәргә* — тебе; *миңәрдән/мийәрдән, сиңәрдән/сийәрдән, миңәрдә/мийәрдә; сиңәрдә/сийәрдә*. Некоторое своеобразие говора выражено и в лексике: *хәйкә* — перевязь, *йафан* — поляна, открытое поле, *тезмә* — занавес у матицы, *телмәт* — бойкий на язык, *йарлы Ыу* — обеднеть; *пар жіңгә* — супруги, сопровождающие невесту в дом жениха, *төк/ана төгә* — маточная ячейка, где сидит матка, *№ама чаң Ыы* — лыжи, обитые шкурой и т.д., которые в других говорах пока не зафиксированы.

Любопытно, что носители бирского говора отличаются и по внешнему облику, видимо, местный угорский (или отюреченный угорский) компонент в составе их предков восходит к какому-то отдельному этносу.

В формировании носителей бирского говора решающую роль сыграл ранний поволжско-тюркский компонент, усилившийся позднее мощным казанско-татарским слоем, переселившимся после падения Казанского ханства. Дальнейший ход их историко-культурного развития шёл в тесной связи с поволжскими татарами, миграция которых продолжалась до XX в.

В западноприуральском ареале представлен говор нижнекамских кряшен в лице *бакалинского подговора*. Носители этого подговора проживают в Бакалинском районе Башкортостана, он изучен и описан Ф.С.Баязитовой (Баязитова, 1986: 35–38). Об их происхождении высказаны различные мнения: большинство учёных вполне справедливо связывают их с заказанскими кряшенами (до крещения: татары Арской дороги Казанского у. (Рычков: 183–190; Стариков, 1884: 176; Витебский, 1891: 257–286; Токарев, 1958: 180–181; Ахметзянов, 1985: 65–66). По всей вероятности, они после крещения были переселены для охраны новых границ Русского государства. По мнению некоторых исследователей, в их формировании предполагается участие татарских мурз, ногайцев и т.д. (подр. и библиогр. см.: Юсупов, 1979: 15; Исхаков, 1995: 4–18; Шакуров, 1987: 119–126). По указу от 1736 г. часть из них была определена «в службу казатскую...» (Материалы по истории..., 1900: 193). Видимо, эта часть и была переселена в 1842 г. на новые рубежи Русского государства, т.е. в Верхнеуральский у. для продолжения казачьей службы, и на её основе начали формироваться носители говора нагайбакских кряшен в Зауралье.

В подговоре продолжают бытовать черты, присущие кряшенским говорам, например, систематическое *жс*-оканье: *жал* — лит. *йал*, графич. *ял* — отдых, *жу№о* — нет и др.; систематическое сохранение этимологического *n, k, №* в исконно татарских словах: *тупра№о* — лит. *туфрак* — почва, земля; *керпек* — *керфек* — ресница, *жапра№о* — *яфрак* — лист, *№ан* — хан, *№атын* — жена и др., *жс>з*: *заный* — *жаный* — милый; *бозора* — *божра* — кольцо (ср.: так же и в отдельных подговорах заказанско-кряшенского говора); спирантизация увулярного *№о*: *хырау* — *кырау* — заморозки; выпадение *n* в позиции перед *л, г, з*: *туЎан* — *тулган* — наполнился, *Мизәлә* — Минзәлә — Мензелинск и др.; сокращение среднеязычного *й* в окончаниях определённого будущего времени: *ашача№о* — лит. *ашайачак*, графич. *ашаячак* — ‘будет кушать’ и др. Вместе с тем, он испытал влияние окружающего мензелинского говора: наличие *k* в конце определённой группы слов (*менәтерәк* — *менәтерә* (в говорах) — вот, *№ыс№а№о* — *кыска* — короткий, *жу№а№о* — *юка* — тонкий и др.; характерно и для других татарских говоров, особенно, приуральских); форма на *-малы/-мәле*: *көрмәле түгел* — *керерлек түгел* — невозможно войти; *суЎа жар буйлап бармалы* — ... *барасы* — за водой нужно идти по берегу; и др. Этот же подговор можно отнести к нас.пп., заселённым отатарившимися и некрещёнными чувашами, марийцами, мордвой и др., говор которых не отличается от рассматриваемого подговора. До сих пор они сохраняют заднеязычные *k, g*, своеобразные названия реалий, связанных с предметами быта, одеждой и украшениями (Ст. Азмеево: *кикча* — платок, *тарпан* — тастар; Базгиево: *качмык* — тастар, *тунгәләк* — бант из ленты; и др.) (Баязитова, 1986: 35–38).

В бакалинском подговоре, как и в других говорах ареала, имеются ведущие особенности среднего диалекта, рассмотренные выше, и черты, общие для всех говоров Западного Приуралья (см. ниже).

Турбаслинский говор. Он распространён в средней полосе Башкортостана, в Иглинском (Әхмәтжанов, 1984: 138–146), частично и Нуримановском районах (Материалы экспедиции Ф.С.Баязитовой и З.Р.Садыковой, 1983). Этот говор, хотя и находится в контактной зоне, где сформировалась вторая группа говоров среднего диалекта Западного Приуралья, характеризуется татарской системой согласных и гласных, т.е. ему присущи *ж*-оканье, употребление переднеязычных *ч*, *с*, *з* (как и в татарском литературном языке).

Всё это свидетельствует о ведущей роли представителей среднего диалекта в формировании его носителя. Вместе с тем, нельзя не отметить участие в этом процессе служилых мишарей, получивших наделы в окрестностях Уфы, а также башкир.

В говоре отдельных деревень Нуримановского, Иглинского районов наблюдаются случаи употребления особенностей, характерных для II группы, в частности, *с* вместо *ч*, *d* вместо *з*, случаи *й*-оканья и др.

Специфику говора составляют: употребление сочетаний *ңз*, *ңУ* вместо *ң* в интервокальной позиции: *миңгә* — лит. *миңа* — мне, *йаңУа* — *яңа* — новый, *тиңге* — *тиңе* — равный ему (так же в дубъязском говоре); *и*>*ый* в позиции после *№*, если последующий слог оформлен с гласными заднего ряда (преимущественно в заимствованиях): *№ыйна* — кино, *№ыйтан* — *китан* — книга (так же и в стерл. говоре); активность употребления *ч* вместо *с*: *№ыч№ыч* — щипцы, *бач№ыч* — лестница (так же и в казанских говорах) и др. Кроме того, в нём обнаруживаются все особенности, общие для приуральских говоров (см. ниже). Исследование говора продолжается.

II группа. Территория распространения этих говоров охватывает центральную полосу современного Башкортостана с севера на юг. О западных границах (р.Караидель) северной части этой территории по данным языка писала Л.Т.Махмутова (Махмутова, 1962: 59; 81–84 карты); о южной — рр. Дёма и Агидель — Д.Б.Рамазанова (1984: 7). Атлас показал, что к востоку от северной части (пределы Караидельского, Мечетлинского, Салаватского, Китайского, Белокатайского районов) распространён златоустовский говор, на центральной части (Турбаслинский, Нуримановский, Иглинский районы) — турбаслинский, и к югу от них, к востоку от р.Агидель (Гафурийский, Ишимбаевский районы) — тепекеевский говоры. С линии р.Караидель — г.Уфа — р.Агидель западноприуральского ареала в татарских говорах начинаются изоглоссы специфических особенностей башкирского языка, к числу которых Н.К.Дмитриев относил наличие *ч*, употребление *с* вместо *ч*, *h* вместо *с*, *й*-оканье и др. (Дмитриев: 23–32).

Весьма любопытно, что именно эта линия рассматривается учёными-башкироведами как граница между восточной и западной (к югу от р.Демы — южной) этнографическими группами башкир. На основе комплексных (лингвистических, этнографических, антропологических и др.) данных доказывается, что западная этнографическая группа башкир проявляет глубокую и разностороннюю общность с казанскими татарами, отличаясь в то же время от восточных башкир (подр.: Руденко: карты-приложения после с. 352; Кузеев: 22; Янгузин, Акимова, Шитова, Бикбулатов и др.: IV вып. АЭБ). Указанную территорию мы называем контактной зоной, т.к. именно там сформировались татарские говоры (златоустовский, тепекеевский и др.), имеющие общие с башкирским языком особенности.

Однако общность с башкирским языком распределена в них неравномерно. Так, *й*-оканье (как в начале, так и в середине слова) наблюдается в обоих говорах: *йәйәу* — *жәяу* — пешком, *йеләк* — *желәк* — ягода, *дәһиә* — *дәһиә* — мир, вселенная и др. В то же время необходимо учесть и то, что *й*-оканье — дифференциальный признак мишарского и восточного диалектов и нукратского говора татарского языка. *ж*>*ж* в интервокальной позиции в ряде слов: *бажа* — лит. *бажа* — свояк, *хужа* — *хужа* — хозяин и т.п. (ср.: так же в дубъязском говоре казанской группы говоров среднего диалекта). Употребление *с* вместо литературного *ч*: *сәй* — *чәй*, *песән* — *печән* — сено, *килгәс* — *килгәч* — после того как пришёл и т.п. (ср.: так же и в касимовском, дубъязском говорах среднего диалекта, факультативно в некоторых мишарских говорах, башкирском языке). Последнее в златоустовском говоре связано, на наш взгляд, с *ц*-оканьем мишарского компонента, т.к. согласно архивным источникам, в данном регионе в XVIII в. поселилась часть носителей *ц*-окающего байкибашевского говора (Рамазанова, 1984: 53; Хайрутдинова, 1985-1: 16).

Возможно, употребление *с* в данном случае представляет один из этапов развития *ц*-оканья: *ц*>*с*>*ч*, т.е. развитие *ц* остановилось на этапе *с*. С другой стороны, это можно рассматривать и как прямое влияние башкирского языка на рассматриваемый говор.

В тепекеевском говоре общность с башкирским языком проявляется шире. В нём вместо литературного *з* систематически употребляется межзубный спирант *d*: *ned* — *без* — мы, *сигед* — *сигез* — восемь, *даман* — *заман* — время, эпоха и др.

Есть основания предполагать, что башкиры участвовали в формировании носителей тепекеевского говора и как этнический компонент.

Кстати, отметим, что специфичные черты башкирского языка ещё больше проявляются в учалинском (Средний Урал), сафакульском (Зауралье) говорах. Так, к явлениям, общим с башкирским языком, имеющимся в златоустовском и тепекеевском говорах, прибавляется характерная для башкирского языка многовариантность аффиксов мн.ч., падежей, притяжательности, глагольного спряжения, словообразования и др.: *аттар* — тат. лит. *атлар*, *һыер^аар* — сыерлар и т.п. Сафакульский говор рассматривается в татарской диалектологии (несмотря на чёткое татарское самосознание носителей) вне системы татарских диалектов.

Итак, приуральские говоры среднего диалекта татарского языка отличаются между собой и степенью влияния на них башкирского языка.

Златоустовский говор. Распространён в северо-восточных районах Башкортостана (территория распространения прежде входила в Златоустовский уезд). В ходе ряда экспедиций, методом лингвистической географии изучен и подробно описан в монографии Т.Х.Хайрутдиновой, при этом были использованы исторические и архивные материалы (Хайрутдинова, 1985-1: 4–18). Ещё в XVII в. здесь существовали нас.п., заселённые татарами. Большинство же деревень региона возникло в результате переселения пермских татар, а также вторичного переселения сюда *ц*-окающих мишарей, носителей байкибашевского говора, и казанских татар из южных и юго-западных регионов Башкортостана. Представители говора сохраняют чёткое татарское самосознание. Татарские деревни расположены по соседству с башкирскими деревнями. Языковые данные говорят о том, что решающая роль в формировании говора принадлежала представителям среднего диалекта, в то же время выделяются особенности, общие с мишарским диалектом. Тесная связь носителей говора с башкирским населением региона также оставила свой определённый след в их говоре.

Систему фонетических особенностей говора, кроме вышеуказанных явлений, общих со средним диалектом татарского языка и башкирским языком (см. выше), характеризует ряд соответствий, имеющих в ограниченных группах слов: *ә — е — и: сике* — лит. *сәке* — нары, *дегәнәк* — *тигәнәк* — репейник (ср.: казанск. *тигәнәк*); *ы, е — а, ә: Науа* — *кыя* — скала (ср.: башк. *Науа*), употребление передних гласных вместо гласных заднего ряда и наоборот: *бәрсә* — *борча* — блоха, *сихыр* — *сихер* — колдовство; и др. Особенности имеются и в консонантизме. Соответствия: *б — м: көмөрә* — *бөкрә* — горбатый, *миндек* (казанск. *миллек*) — веник; *тарбаНәлы* — *тармаклы* — ветвистый; *м — н: күнгес* — *күмгеч* — мотыга, *йунысНәа* — *йомычка* — стружка; и др. Говору присущи также и явления ассимиляции, вставки, метатезы и т.д.

Одной из специфичных особенностей говора является употребление афф. 2 л. ед.ч. настоящего времени изъявительного наклонения в сокращенном варианте: *бараң* — лит. *барасың* — идёшь, *йәшиң* — *йәшисең* — живёшь и т.п. Аналогично в ташкирменском подговоре говора казанских кряшен, в говорах зауральских и сибирских татар (Баязитова, 1986: 21; Юсупов, 1979: 87; Юлдашев, 1953: 338; Тумашева, 1961: 75), в смежных башкирских говорах (Башкирский диалектологический..., 1959: 36, 50; Башкирская диалектология, 1963: 170) и хакасском, алтайском языках (Дмитриев, 1956: 14–15; Севортян, 1956: 22). Своеобразие говора проявляется в активном употреблении аналитических форм настоящего времени на *-п утыра* (*йәйәүләп килеп утыра* — идёт пешком), *-п йата* (*Науаитып йата* — возвращается), *-а торУан* (*иртүк китә, кис Науаита торУан* — обычно уходит рано утром и возвращается поздно). Изоглоссы этих форм в единичных примерах начинаются с казанских (ср.: *Әйбәт кенә әшләп җатабыз* — работаем хорошо), других приуральских говоров, активизируются в говорах II группы и продолжают в зауральских, сибирских говорах. Эти формы имеются во многих тюркских (в т.ч. и в башкирском) языках (Юлдашев, 1965: 57, 64; Современный казахский..., 1963: 337; Баскаков, 1952: 368; 1966: 73; и др.). Для говора характерны частицы утверждения *Нәый/Нәуй* — ведь; сомнения *шай, баса* — кажется и т.д.

Специфику его составляет также и значительное число диалектных лексем: *йаңаНә* — грецкий орех, *терке* — молодая сосна, *мунтас* — неприветливый, *эрлүс* — качели и др. Выделяются диалектизмы, характерные для среднего (*алтамыш* — человек-великан, *мөгөш* — угол), мишарского (*тирес* — упрямый, *кәркеш* — оборка лаптей) диалектов, пермского говора (*ирмәк* — забавно; и др.), для башкирского языка (*Нәоралай* — косуля, *аНәсырдаНә* — чайка и т.д.) и др.

Особо следует отметить наличие в говоре явлений, общих с мишарским диалектом. Они проявляются и в области фонетики: *й*-оканье, монофтонгизация дифтонга *өй* в позиции перед согласными: *түмә* — лит. *төймә* — пуговица и т.п.; оглушение *б* перед глухим *т*: *пот* — *бот* — бедро, *потаНә* — *ботак* — ветка (так же и в *ц*-окающих говорах миш. диал.); озвончение интервокального *Нә* в определённой группе слов: *йаУа* — *яка* — воротник, *тыУрыНә* — *тыкрык* — переулочек и т.д.

Тем самым, златоустовский говор имеет сложную систему диалектных черт, что связано с особенностями формирования носителей, в котором принимали участие представители обоих

диалектов, носители пермского говора и др. В говоре бытуют также явления, общие для всех приуральских говоров.

Тепекеевский говор (Рамазанова, 1982; 1984: 7; 1987; 1988; 1993: 427). Носители его считают себя тептярями, татарами или тепекеевцами, а свой язык — татарским, «намного отличающимся от языка башкир», проживающих по соседству с ними. Название «тепекэйлэр» распространено как среди самих тепекеевцев, так и среди татарского населения юго-западного Башкортостана; связано с произношением вместо звонких *д, б, г* в определённых позициях их глухих пар, т.е. *т, п, к*.

Говор изучен автором во время диалектологических экспедиций в 1973, 1986 гг. на основе «Программы...» для диалектологического Атласа. По легендам, бытующим среди населения, в их формировании участвовали выходцы из Нагорной стороны Татарстана, мишари и чувашаи (видимо, те татары, которые в XV–XVI вв. именовались сословным термином *човаша*), что подтверждается и архивными материалами (ЦГАДА, ф. 1324, оп. 1, ед.хр. 5766, лл. 13-об., 99 и др.). В сохранившихся среди населения шеджере прослеживается тесная, также и родственная связь местного духовенства с казанскими татарами. В конце 50-х гг. в школах в качестве родного языка был введен башкирский язык.

Специфику говора составляют, кроме вышеназванных, ещё следующие особенности. Дифтонг *өй* произносится как и в татарском литературном языке, т.е. в этом говоре монофтонгизации не наблюдается. В области согласных — систематическое оглушение *б* в начальной позиции в исконно тюркских словах и систематическое озвончение начального *п* в заимствованиях: *пер* — лит. *бер* — один, *пабай* — *бабай* — дед, *пэйлә* — *бэйлә* — завязки; *бост* — пост, *балатка* — палатка, *бинсийә* — пенсия и т.п. В ограниченной группе тюркских слов постоянно сохраняется звонкое начало, т.е. *б*: *бысНы* — лит. *пычки* — пила и др. Оглушение шумных согласных — характерная особенность восточного диалекта татарского языка (Тумашева, 1961: 23; 1977: 53).

Языками с преобладающим начальным *п* в тюркских словах считают чувашский, хакасский, шорский и тувинский, а башкирский язык относят к числу последовательно сохраняющих начальное *б* (Дмитриев, 1948: 31; 1955: 270). Отклонения в употреблении *б-п* отмечены во многих говорах татарского языка, и связаны они с закономерностями общетюркского характера.

Необходимо отметить и такие явления, как *w~z* (*мал-туУар* — лит. *мал-туар* — домашний скот, *йануУыс* — *янавич* — брусок для заточки, *йилтуУыс* — лит. *жилтуч* — ночва; выпадение сонорного *л*, как и в кряшенских говорах, в позиции перед *з, Ё, ж* (*пуУан* — лит. *булган* — был, *пөгәжә* — *бөгәлжә* — колыбель из коры) и др., представляющие собой значительный интерес с точки зрения истории развития тюркских языков.

Специфику говора составляет систематическое употребление на стыке морфем или слов консонантных сочетаний типа «сонорный + глухой смычный»: *нт* (*анта* — лит. *анда* — там; *үрәнте* — научился; *кинтер* — конопля); *лт* (*НәалтыНә* — остаток, остались; *авылташ* — односельчанин; *йыл та* — *ел да* — ежегодно); *мт* (*минем тә* — и у меня; *урамта* — на улице); *ңт* (*парың та* — *барың да* — все вы без исключения); *рт* (*парты* — ходил; *Нәыртан* — из поля); *ңНә* (*йаңНәйд* — ялгыз — одинокий, *маңНәай* — лоб); *мНә* (*НәомНәан* — чайник, *йамНәыр* — *яңгыр* — дождь); *мк* (*имкәнкән* — *имгәнгән* — получил увечье); *ңк* (*тәңкә* — ночной); *нНә* (*урынНәа* — на место) и т.п. Отдельные случаи употребления таких сочетаний имеют место в сибирских диалектах (Тумашева, 1977: 62) и в татарском языке (*юнитык* — помой; *каралты* — постройка; *көянтә* — коромысло; *балкыш* — сияние; *куркак* — трус и т.д.), так же и в других тюркских языках, в смежных башкирских говорах (Максютова, 1976: 104; Миржанова, 1979: 110; Хисамутдинова, 1980: 9), в уйгурском языке (Малов, 1951: 6; Тенишев, 1963: 17; Тенишев, Тодаева, 1966: 16); явление активно бытовало в языке орхоно-енисейских письменных памятников V–VIII веков (Тенишев, 1973: 40–45).

Говору свойственны соответствия *и — э, о, ө — у, ү, м — н*, явления метатезы, ассимиляции и др.

В области грамматики своеобразие говора составляют: дательно-направительный падеж личных местоимений 1 и 2 лица (*мийә, сийә*; ср.: дубязск. *миа, сиа*; башк. *миңә, хиңә*); 1 лицо ед.ч. будущего времени изъявительного наклонения (*пармасмын* — лит. *бармам* — не пойду), инфинитив на *-уУа/-үгә* (*эсүгә әйбәт* — лит. *эчәргә әйбәт* — хорошо пить, *йөрүгә Нәыйын* — ходить трудно); так же и в сибирских диалектах (Тумашева, 1977: 72, 198).

Лексико-семантическая система говора включает в себя семантические (*бийала* — окно, тат. лит. — стекло, мордва-кар. — окно, заказ.-кряш. — бутылка; *сирәм* — двор, тат. *чирәм* — лужайка, травка; *НәырНәу* — резать, тат. стричь; *көрән* — фиолетовый, тат. — коричневый), морфологические (*Нәыйа* — лит. *кыйгач* — наискосок; *йаУылмаНәлы* — *ягымлы* — любезный; *тегемсе* — *тегүче*, в ичкинском *тегенце* — швея) и др. диалектизмы. Лексические диалектизмы относятся к различным областям: *таш йшләге* — тат. *жир жыләге* — земляника, *бүкәй баш* — одуванчик, *иләу* — муравейник, *таНәыйа* — тюбетейка, в татарских говорах — шапка, женский головной убор и т.п.; *Нәысима* — *кече жомга*, ср.: тат. *кече атна* — четверг; *шилыНә* — обряд вымаливания дождя; так же у кряшен и др. Т.е.,

обнаруживаются древние слова и любопытные примеры местного словотворчества, что связано, прежде всего, с несколько изолированным формированием этого говора, в иноязычном окружении.

Таким образом, в тепекеевском говоре имеются архаичные явления, общие с говорами крышен, мордвы-каратаев, сибирских татар. По всей вероятности, в формировании его носителей основную роль сыграли самые давние переселенцы из Поволжья. Говор испытал и испытывает сильное влияние башкирского языка.

Говоры мишарского диалекта. Мишари, представители как *ц*-окающих, так и *ч*-окающих говоров, миграция которых продолжалась в течение более чем четырех столетий (начиная с XVI в.), со времени своего переселения на исследуемую территорию вошли в тесный культурно-экономический и языковой контакт с представителями среднего диалекта, с местным населением, башкирами. Процесс взаимодействия и взаимовлияния в области языка происходил при ведущей роли среднего диалекта. Мишарские говоры восприняли ряд особенностей окружающих их говоров и, в то же время, сохранили специфичные мишарские черты. Как показали наши наблюдения, степень употребления в их говорах особенностей мишарского и среднего диалектов проявляется в разных регионах по-разному, что непосредственно связано: с количественным соотношением представителей этих двух диалектов; временем переселения и, следовательно, вступления, в контакт; территорией, откуда мишари переселились в Приуралье.

Носители *байкибашевского говора* (Махмутова, 1962; Рамазанова, Хайрутдинова, 1985) — одни из самых ранних переселенцев мишарей Приуралья, являются прямыми потомками тех служилых мишарей, которые были определены Русским государством служить на Уфе и поселены на землях Дуванейской, Каршинской, Кушинской, Унларской волостей Осинской дороги Башкирии с условием уплаты оброка вотчинникам.

Начиная с XVII в., они представляли собой довольно многочисленную и компактную группу, как в этнокультурном, так и в языковом отношении, что способствовало устойчивому сохранению в их говоре ведущих особенностей мишарского диалекта. Постоянно мигрируя на юг и восток, участвовали в формировании стерлитамакского и златоустовского говоров, вместе с другими переселенцами-мишарями оказали заметное влияние в языковом отношении и на другие говоры Приуралья.

По составу гласных и согласных фонем говор не отличается от татарского литературного языка, однако имеет некоторые (артикуляционные особенности, характерные для мишарского диалекта: нелабиализованный *a*; более передние, чем в литературном языке, *ə*, *y*; заднеязычные *k*, *g*, *x* и др. (Махмутова, 1978: 33). Говор является одним из *ц*-окающих говоров мишарского диалекта.

Довольно систематически выступает и характерная для мишарского диалекта монофтонгизация дифтонгов *-ай/-эй*, *-уй/-үй*, *-ый* в основе слов перед переднеязычными *t*, *d*, *s*, *ц*, *n*, *л*: *балтык* — лит. *байлык* — богатство, *бэли* — *бэйли* — вяжет и др., однако *этэ/эйтэ* — говорит; *өй>y*: *күмэ* — *көймэ* — повозка, *сүвэлү* — прислоняться и др.

Другие фонетические особенности говора сводятся к различным общемишарским соответствиям: *и* — *e*: *йел/йил* — *жил* — ветер; *o*, *ə* — *y*, *y*: *бөген* — лит. *буген* — сегодня, *осак* — *усак* — осина, *үмэ* — *өмэ*; соответствия узких гласных широким гласным литературного языка наблюдаются, как и в мишарском диалекте, в ряде слов: *кагыз* — *кəгазь* — бумага, *мәктәп* — *мəктəп* — школа, в афф. - *ганчы/-гәнче* (*баргыңчы/баргыңча* — прежде, чем ходил) и др.; соответствие заднерядных гласных переднерядным литературного языка: *мый* — лит. *ми* — мозг, *йогора* — *йөгөрə* — бежит и др.; протеза; наращение гласных: *тапы* — *тап* — пятно; выпадение гласных: *кой* — лит. *койы*, графич. *кое* — колодец, *нэки* — *инэки* — маменька, *зан* — *ызан* — межа и др.

Своеобразие говора составляет ряд соответствий и в области согласных. *n* — *б*: как и в *ц*-окающих говорах, в начале определённой группы слов звонкий *б*, уподобляясь глухим согласным, оглушается: *пети* — амулет и т.п.; *m* — *б*: 1) под воздействием регрессивной ассимиляции (*малан/палан* — калина, *мэндə* — человек), 2) так же и в других словах (*мышый* — *поши* — лось, *матис* — батист и др.); *б* — *б^w* — *w* в интервокальной позиции: *таб^wа* — находит, *цыбар* — *чуар* — пёстрый. Продолжает бытовать и ряд других соответствий, характерных для мишарского диалекта: *t* — *d*: *ибдəш* — лит. *иптəш* — товарищ, *абдырау* — *аптырау* — недоумевать, *селдəу* — тат. *селтəу* (махать) — бросить, выкинуть; *k* — *t*: *кели* — *тели* — хочет; *z* — *s*: *зəлəмə* — *сəлəмə* — изношенный; *k* — *g*: *тыгырык* — *тыкрык* — переулок, *цыгыр* — *чокыр* — овраг; метатеза: *бурке* — *бүрек* — шапка, *ирне* — *ирен* — губа; и т.д.

Специфичные мишарские особенности сохраняют устойчивость и на уровне грамматики: употребление двойного афф. принадлежности: *самавыр парысы* — лит. *самовар пары* — пар от самовара, *үз алнысыннан* — *үз алдына* — сам по себе и т.п.; притяжательный падеж местоимений: *минен/минең* — лит. *минем* — мой; пространственный падеж местоимений: *анарга* — лит. *аңа* — ему, *шунарда* — *шунда* — в том; более активное, чем в литературном языке, употребление афф. пунудительного залога *-кыз/-гыз/-гез/-кəз/-гəз..*: *күргəз/лит. күрсəт* — покажи, *үткəз* — *үткəр* — проводи, *тигез* — *тидер* — дай коснуться и т.д.; указательные частицы *вунгы/вангы* — вон, *ваты(кай)* — вот; присоединение вопросительной частицы *-мы/-ме* к тому слову предложения, на которое падает

логическое ударение: *озакмы торасыз* — лит. *озак торасызмы* — долго ли будете; спряжение модального слова *кирәк*: *кирәкте* — *кирәк булды* — пригодилось, *кирәксә* — если будет нужно; передача внутреннего непроизвольного желания с помощью формы *-гы/-ге, -кы/-ке/-к + келә* (желать, хотеть): *ашак кели* — лит. *ашыйсы килә* — хочется кушать, *баргы келәми* — *барасы килми* — не хочется идти; и др.

В говоре обнаруживаются и явления, присущие среднему диалекту: форма прошедшего незаконченного времени на *-ыр иде*: *йырлар иде* — бывало, пела; причастие на *-уцан/-үцән*: *татарлар калтак кийүцән* — татарки обычно носят калфак; и др.

В лексико-семантической системе говора, с одной стороны, продолжают бытовать мишарские слова (*птырац, кашнга, киндераи* и др.), с другой стороны, имеются и общие с окружающими говорами лексемы (*кушйаулык, дзэймә, цоба* и т.д.) и др. Наряду с этим, в говоре обнаруживаются и особенности, характерные для всех говоров приуральского ареала.

Под **стерлитамакским говором** подразумеваются мишарские говоры, распространённые на юго-западе современного Башкортостана. Нами выделены три типа говоров. I тип подвергся наиболее сильному влиянию среднего диалекта и сохранил лишь sporadическое произношение мишарских вариантов звуков *к, г, ү, а* и некоторых аффиксов, например, *-гынчы/-генче* (узкий вариант). Носители этого типа составляют меньшинство в нас.пп. (напр., Максютково, Имян-Купер, Кальшали Туймазинского, Ст.Сулли, Абдулкаримово Белебеевского районов). II тип — говор мишарей-переселенцев XVIII–XIX вв., живущих островками (по несколько деревень) и довольно хорошо сохранивших специфичные черты мишарского диалекта: кусты Салихово Бавлинского р-на Татарстана, Бузат Стерлибашевского, Буздяк Буздякского, Уршакбаш-Карамалы Миякинского районов, Каргалы и Бальшлы Благоварского, Сафарово Чишминского районов Башкортостана и ряд других. III тип — говор потомков мишарей, одними из первых переведенных в качестве служилых и затем мигрировавших в XVIII в. в южном направлении (т.е. потомки байкибашевцев), потомки уфимских мурз и дворян (Чишминско-Аургазинский куст). Этот тип говора претерпел сильное изменение в сторону сближения с татарским литературным языком, носители его в легендах связывают своё происхождение и с булгарами. Вокализм имеет следующие особенности. Как и для всего мишарского диалекта (Махмутова, 1978: 33–34), для стерлитамакского говора характерен, в основном, открытый вариант фонемы *а*, который в качественном отношении проявляется в различных вариациях: в говоре нас.пп. II типа бытует обычный нелабиализованный вариант, хотя в то же время в ряде нас.пп. этого же типа (кусты Бузат, Буздяк, Стерлибаш) выступает сильно огублённый *а*, приближающийся к *о* с оттенком *а: о^а*. Многовариантность присуща и для кряшенских говоров. Она, видимо, связана с ассимилятивными процессами, происходившими в ходе этнического формирования носителей. Характерные для мишарского диалекта варианты гласных *ә* и *ү* также сохранились в нас.пп. II типа. В кустах Бузат, Каргалы, Буздяк зафиксирован дифтонгоидный *ү^о*: *кү^{пер}* — лит. *күпер* — мост, *дү^{рт}* — четыре, иногда преобладает оттенок *ө*: *көп/көп* — *күп* — много. Это явление, хотя и в ограниченной группе слов, свойственно мишарским говорам, распространённым в Нижегородской, Пензенской областях (Махмутова, 1962–1: 134; 1978; Шакирова, 1955: 95; Борханова, 1962: 94–95), имеется также и в нукратском говоре (Бурганова, 1962: 25). В этом явлении сохраняются особенности древнетюркского вокализма.

Другие особенности вокализма говора сводятся к звуковым соответствиям. Причём, многие из них имеют в стерлитамакском говоре ярко выраженный двойкий характер: продолжают сохраняться в той или иной мере собственно мишарские особенности, наряду с ними выступают и соответствия, характерные для окружающих говоров среднего диалекта. Например, *и — ө*: *нөк* — лит. *шик* — зачем, *мәләш* — рябина (ср.: так же и в мишарском диалекте); к востоку распространения говора: *кәбән* — лит. *кибән* — стог, *кәртә* — изгородь (т.е. как и в др. приуральских говорах). *Э/е* вместо *и*: *энеч* — *инеч* — подкладка, *энде* (Буздяк), *энде/ынды* (Каргалы) — уже, же и т.д.; *о, ө — у, ү*: *корчак* — *курчак* — кукла, *ылым* — мой сын (ср.: мишар. д.), также и *сом* — *сум* — рубль, *молла* — *мулла* и т.п. (как и в приуральск.).

В ряде слов *ы* соответствует литер. *у*: *шырна* — *шурна* — бульон и т.д. Как и в соседних говорах, *у > ы*, *и* в позиции перед *й*: *бийына* — *буенча* — в продолжение, *мыйын/мийын* — шея, *Тимазы* — Туймазы и т.д.

Соответствия узких и широких гласных отражаются: а) в ряде слов: *йаңы* — *яңа* — новый, *мәктәп* — *мәктәп* — школа; б) в глагольных афф.: *килгенче, йазгынчы* (деепричастие от глаголов *кил-, яз-*); *йагарга/йагырга* — топить, *төртөр/төртәр* — ткнёт; в) в союзе *ды/де* — лит. *да/дә*: *барды ды, килде де*.

Характерная для мишарского диалекта делабиализация губных гласных в говоре претерпела сильное изменение в сторону сближения с литературными орфоэпическими нормами. Однако в нас.пп. II типа — вариативность: *ы/ы^о, е/е^о*.

Соответствие задних гласных передним и, наоборот, передних гласных задним в словах, свойственных мишарскому диалекту (*йурый* — *юри* — нарочно, *сыр* — *сер* — тайна; *чэйкәү* — *чайкау* — полоскать), также и для окружающих говоров (*йәбешү* — *ябышу* — начинать, *йен* — *йон* — шерсть) и др.

Специфику вокализма говора характеризуют также и явления протезы (*өтөрү/этеру* — завернуть), вставки (*күреше* — *күрише* — сосед; ср.: *көриш* — сосед (в словаре Л.З.Будагова), выпадения (*йәрчән* — *иярчен* — сообщник) и др.

Монофтонгизация дифтонгов *-ай/-эй*, *-уй/-үй*, *-ый* в основе слов перед переднеязычными *т*, *д*, *с*, *н*, *л*, *ч* в нас.пп. I и III типов утрачена; в нас.пп. II типа системность также разрушена, наблюдается вариативность в виде различных переходных форм: *мунг/муйн* — *муен* — шея, *батгак/байтак* — изрядно, *канги/каñний* — кипит и т.д. В словах с переднерядными гласными *й* опускается: *бәли* — *бәйли* — вяжет, *әләнә* — кружится, *әтә* — говорит.

Монофтонгируется и дифтонг *-ый*: *кибат* — *кыйбат* — дорого, *уки* — *укый* — читает, либо выпадает конечный *й*: *Бары* — *Барый* — имя собств., и т.п. Вместе с тем, в заимствованиях вместо *и* в позиции перед гласными заднего ряда произносится дифтонг *-ый*: *кыйло* — кило, *кыйтап* — книга, *кыйно* — кино; так же и *кыйндыраш* — диал. *киндераш* — конопля, *кыйсап* — *кисап* — ступа и т.п.

Дифтонг *өй*, восходящий к др.-тюркск. *ög, üv, öw, ev, ev, ij, öj*, в нас.пп. II типа, как и в мишарском диалекте, монофтонгируется в *у*: *түмә* — *төймә* — бусы и т.п., а в нас.пп. I, III типа — превалирует лит. *өй*. Нередко наблюдается *өй>уй*: *тийә/тейә* — грузи, *өй/уй* — дом и др., что объясняется влиянием смежных татарских говоров. Ср.: *өй>уй* в заказанских, нукратском, касимовском, камышлинском, частично, в пермском говорах (Татар теленәң диалектологик., 1969: 619), так же и в мишарских говорах, испытавших влияние среднего диалекта (Мингулова, 1963: 43–46; Арсланов, 1966: 74).

Система согласных стерлитамакского говора также претерпела изменения в сторону приближения к консонантизму среднего диалекта. Это отражается в явлении *жс/й* в начале и в середине слова (*жакын* — близкий, *аржак* — та сторона и т.п.).

Специфичные для мишарского диалекта заднеязычные *к*, *г*, *х* (Махмутова, 1978: 62; и далее) нередко представляют собой варианты более заднего образования типа *к^хг*, *г^хг*, *х^хг*. Аналогичные явления отмечены в чистопольском говоре, в говорах волгоградских, астраханских, златоустовских, оренбургских татар, в процессе формирования носителей которых участвовали представители и среднего, и мишарского диалектов (Арсланов, 1974: 139; Хайрутдинова, 1985–1: 39; Садыкова, 1985: 32).

Говор является одним из *ч*-окающих говоров мишарского диалекта, причём, *ч* и *жс*, как и в среднем диалекте, — щелевые. Начальный *б*, как и в смежном белебеевском подговоре, иногда произносится с элементом глухости или вообще оглушается (ср.: тепекеевский говор): *бала/бала/пала* — ребёнок. Аналогичное явление отмечено и в башкирских говорах (Ишбулатов, 1963: 22; Максютлова, 1963: 79).

В интервокальной позиции, наоборот, наблюдается ослабление *б* (*таб^{ва}* — лит. *таба* — находит, *тавып* — *табып* — находя) или (*ы*, *о*)*б* ~ (*у*)*в*: *чобар* — лит. *чуар* — пёстрый, *йыбану* — *юану* — утешиться и т.п. Специфику говора образуют соответствия *т* — *к*: *йекмеш* — *житмеш* — семьдесят; *з* — *с*: *зәләмә* — *сәләмә* — изношенный (об одежде); *ч* — *с*: *бачкыз/бачкыч* — лестница (так же и в мишарском диалекте); *с* — *ч*: *тыскан* — *тычкан* — мышь, *итләс* — *итләч* — мясистый; *к* — *г*: *кәрәбә* — *гәрәбә* — янтарь, *гәпшә* — *кәпшә* — трубчатый стебель (так же и в окружающих говорах); и др.

Явление *с* — *ч* имеется в касимовском (в конце слова), нагорных, пермском (в афф. деепричастия на *-Уач*) говорах, sporadически проявляется и в ряде нас.пп. мишарского диалекта; употребление *с* вместо общетюрк. *ч* представляет собой одну из специфичных особенностей башкирского языка.

В некоторых нас.пп. наблюдается употребление дифтонга *-ай/-эй* вместо литературного *-ый/-и(й)*: *карай* — смотрит, *үгәй* — неродной; *д>з/д*: *хәдер* — сейчас, *бодай* — пшеница, *зөһйә* — дөһня — мир и др., что объясняется влиянием соседних говоров, кроме того, видимо, и участием башкир как этнического компонента в формировании носителей говора, о чём рассказывается в преданиях о возникновении, напр., деревень Туктар-Абдрашитово, Шланлыкүль и др.

Наиболее характерные грамматические особенности говора проявляются в склонении местоимений: притяжательный падеж имеет варианты *минен/миңен/мине* (ср.: мишарские говоры Рязанской области и Мордовии, говоры мордвы-каратаев и кряшен Нижнего Прикамья (Арсланов, 1965: 129; Баязитова, 1974: 62), в тюркских языках кыпчакского типа (Дмитриев, 1940: 78; Филоненко, 1940: 28; Современный казахский...: 230; Кононов, 1960: 91; Курышжанов, 1956: 10); двойные аффиксы пространственных падежей: *анарга*, *шынарга* и т.п.; форма повелительного наклонения: *баргын* — лит. *бар* — иди; так же в мишарском диалекте, кряшенских говорах; личное склонение инфинитива: *Пиҗ бурларгабыз бар* — Нам нужно белить печь, *Йагаргасы беткән* — Кончились дрова и т.п.; форма кратности действия: *укыкый* — лит. *укыштыра* — почитывает; и др. Употребляется своеобразная конструкция прошедшего времени на *-а* (или *-ыр*) *булган* — лит. *-а торган булган*. Например: *Ире*

базарда чабата сатар булган — Её муж обычно продавал на базаре лапти. *Менгән атларны эжиген китә булган* — (Он) обычно запрягал верховых лошадей; и др.

В стерлитамакском говоре в ходе взаимовлияния со смежными говорами столкнулись две формы, выражающие произвольное желание: *-гы кели* (<тели; миш. диал.) и *-асы килә* (средн. диал.), в результате чего возникли контаминированные формы типа *-асы кили* (отрицательный аспект: *киләми/келми*), *-ыргасы кили*, *-ырга кели/кили*. Например: *Тубәтэй аласы келәгән* — Захотелось ему купить тюбетейку; *барыга киләсә* — если ему хочется идти; *ашак келми* — кушать не хочется; и др.

Для говора характерно параллельное употребление присущих и среднему, и мишарскому диалектам вариантов или форм вопросительных местоимений: *нәстә/нәрсәкәй/нийәрсәкәй* и др.; послелогов: *тике/тәке/тиңне/тиңке/тигелтен/тигетен* — до; *чикле/чәке/чик/чак/чиклеге/чаклыгы/чагы* — до; *сымак/сынны/сыман* — как и др.

То, что говор сформировался под значительным влиянием среднего диалекта татарского языка и, в некоторой степени, смежных говоров башкирского языка, нашло отражение и в его лексико-семантической системе.

Интенсивное взаимовлияние с мензелинским говором обусловило сходность и их основного словарного состава (подр. см.: Рамазанова, 1987), в чем можно убедиться, ознакомившись диалектологическим словарем 1993 г. выпуска.

Наряду с этим, продолжают сохраняться и специфичные для мишарского диалекта слова: *тудыкай* — двоюродные, *кагау* — ястреб (миш. диал. коршун), *кырмау/кырмауык* — репей, *киндераиш* — конопля, *мошко* <морд. — конопля; *йомшак* — пшеничный хлеб, *мошко* — домашний творог, *парнта* — паровое поле, *парнта паргу* — поднимать пар и др.

В говоре бытуют русские заимствования, характерные для мишарских говоров: *кучарка* — кочерга, *акулча* (<рус.) — округа деревни, изгородь вокруг всего селения; *силизин* — селезень, *күләсә* — *тәгәрмәч* — колесо и т.п.

Наличие синонимических рядов свидетельствует о том, что представители говора были выходцами из различных регионов и нивелировка в их говоре ещё не завершена: *оргачы/тешекәй/саулык* (Мендяново), *тешекәй/саулык* (Бузат) и узлокальное *йаркай/йәркә* (Каргали) и др. Понятие «шиповник» передаётся словами: *айу камыры*, *камыр йеләге*, *эт борно*, *кәжә сакалы*, также и узлокальными *әлморон* (Старотимошкино), *кәжә камыры* (Алга) и т.п. В ряде нас.пп. бытует несколько названий: *кәзә сакал*, *айу камыры*, *мәмешкәк* (Сафарово) и т.д.

Специфичными для говора являются *кыз тирәсе* — приданое, *сәвәнәйле уйнау* — вид молодёжной игры с участием ряженных (тат. лит. *сәвәләй* — ряженный, в касимовск. *сәбәләүдәй* — о женщине, одетой в платье, имеющее неуклюжий вид), *котол* — стручок у гороха, *чебешки* — небольшая деревянная миска и др. Особенности наблюдаются и в названиях одежды и украшений: *сакма изу* (ср.: в темниковском *сакма йага*) — старинный женский нагрудник, надеваемый поверх платья, расшитый бахромой, позументом, монетами; *сылаугыч* — женский головной убор, расшитый спереди бисером и надеваемый поверх платка.

Следует отметить, что в говоре некоторые мишарские слова претерпели семантические сдвиги: *путмар/пүтнәр/пүтмәр* — место или соседи, куда часто заглядываешь, где часто бываешь. В темниковском говоре *покмор* <морд., в карсунском *путмар* — небольшие нары, устроенные напротив шестка печи, служащие одновременно кухонным столом и шкафчиком для посуды. *Винек*, *вингык* — кормовой веник для ягнят (миш. диал. — любой веник).

Говор имеет некоторые отличия и по составу арабско-персидских заимствований: *хыйтлык* — трудности, *хөрт* — плохой, дрянной, *ануз* — всё равно и т.д.

Большинство особенностей, выявленных в стерлитамакском говоре, наиболее полно обнаружены в говорах мишарей Пензенской области. Такая общность подтверждается и архивными материалами (Рамазанова, 1984: 63–64).

Особенности, общие для всех говоров Западного Приуралья. Говорам Западного Приуралья присуща сложная система диалектных особенностей, основные группы которых рассмотрены выше. Наряду с этим, накопленный богатый материал для Атласа, исследования по отдельным говорам показали, что в западноприуральском ареале имеется ещё ряд черт, объединяющих эти говоры между собой и, в то же время, отличающих их в той или иной степени от татарских говоров других ареалов, причём часть из них бытует в мишарских говорах Поволжского региона. Необходимо отметить, что подавляющее большинство из них имеется и в башкирском языке.

В области фонетики общими для всех рассматриваемых говоров являются следующие особенности.

Употребление *ә* вместо литературного *и*. Изоглосса его начинается в правом бассейне р.Ик и в бассейне нижнего течения р.Агидель (пределы мензелинского, стерлитамакского говоров) в единичных примерах (*кәм* — меньше), постепенно расширяясь к востоку исследуемого региона: *кәтмән* — лит. *китмән* — кетмень, *кәртә* — *киртә* — жердь, *кәбән* — *кибән* — стог, *кәгәвен* — *кигәвен* — овод,

кәштә — *киштә* — полка (в пермском: *кәрәк* — *кирәк* — нужно). Такие же примеры и в башкирском языке.

Однако, при интерпретации этого явления необходимо учитывать то, что аналогичные широкие варианты в несколько больших примерах бытовали и в языке письменных памятников старотатарской литературы («Кисса-и Юсуф», Мухамедьяр, М.Кулый и т.д.) и до сих пор сохранились в мишарских говорах Поволжья, и, видимо, относятся к общекыпчакской общности.

у, ү>о, ө или *ы, е*: *топса* — лит. *тупса* — порог, *жәNә/йока* — *юка* — тонкий, *была* — *була* — будет, *намыс* — *намус* — честь.

ы, о, у>и в позиции перед среднеязычным *й*: *бийак* — *буяк* — эта сторона, *бийыл* — *быел* — нынче, *бийау* — *буяу* — краска, *бийына* — *буена* — в продолжение, *тийына* — *туена* — на её (его) свадьбу и др. Эта особенность иногда встречается в различных примерах и в других татарских говорах.

ы, е>и по соседству с *ч, ж*: *ич* — *эч* — живот, *пичән* — *печән* — сено, *ичу* — *эчу* — пить, *чиргән* — *чергән* — сгнил, *жигерләү* — диал. *жәгерләү* — лит. *эрләү* — прясть, *чиршы* — *чыршы* — ель и т.д.

Соответствия *а* — *ы, ә* — *е* в глагольных формах: *күмәрләр/күмерләр* — похоронят, *сатырга/сатарга* — продать, *өзәргә/өзергә* — отрывать и т.п. Также распространены в мишарских говорах Поволжья и в кыпчакских языках.

Для приуральских говоров характерна замена задних гласных передними и, наоборот, передних — задними. Например: *жән/йән* — *йән* — шерсть, *йәбешу* — *ябышу* — браться, *әлсә* — *алайса* — если так, *тәрих* — *тарих* — история и т.п.

Для говоров Приуралья характерны такие случаи вставки гласных: *карышы* — *каршы* — против, также и *күреше* — *күрише* — сосед; перм.: *тамычы* — *тамчы* — капля; соответствия согласных *л* — *н*: *тешиңәү* — *тешиләү* — кусать; *н* — *р*: *үткер* — *үткен* — острый; *к* — *г*: *чикә* — *чигә* — щека; *кәрәбә* — *гәрәбә* — янтарь; *с* — *з*: *жәләз* — *жәләс* — прохладно; *г* — *д*: *билдәле* — *билгеле* — известный и некоторые другие; метатезы: *чәчкә* — *цветок* (*чәчәк* — оспа), тогда как лит. *чәчәк* в обоих значениях и др.

В абсолютном конце слова, в открытом слоге вм. гласных *у, ү* иногда произносится дифтонг *-ыw/-эw*: *бару/барыw* — идти, *су/сыw* — вода, *тегу/тегев* — шить, *сывык* (лит. *сувык*, графич. *суык*) — холодно, *йөвеш/йүвеш* (лит. *йүвеш*, графич. *юеш*) — мокро и т.д. Данное явление, хотя его изоглосса и начинается с нижнекамско-кряшенского говора, выступает неравномерно: на восточной части территории распространения мензелинского (белебеевск., янаульск. подговоры) говора наблюдается факультативно, тогда как довольно активно выступает в мишарских говорах исследуемого ареала, пермском, златоустовском, тепекеевском говорах, в татарских говорах Зауралья и Сибири. Употребление дифтонга *-ыw/-эw* характерно для мишарского диалекта, касимовского говора среднего диалекта; имеется в башкирском языке (общекыпчакское явление).

Во всех говорах наблюдается систематическое выпадение фарингального *h* как в начальной, так и в срединной позициях: *awa* — лит. *hava* — воздух, *uш* — *huш* — сознание, *өнәр* — *һөнәр* — ремесло и др. Возникшее в интервокальной позиции зияние либо восполняется сонорным *й*, либо компенсируется долготой гласного: *шәэр/шәр* — лит. *шәһәр* — город; *зийен/зин* — *зиһен* — сообразительность, разум и т.д. Нехарактерный для тюркских, в т.ч. и татарского, языков звук *h* не употребляется и в мишарском диалекте: *шәгәр* — город, *Зегрә* — *Зөһрә* и т.п., тогда как в башкирском *h* активно выступает ещё и вместо общетюркского *s*.

В ряде слов выпадают сонорные звуки *w* и *й* вместе с последующим гласным: *ку-ш/куш/кушыш* — лит. *кушыш*, графич. *куыш* — навес над погребом, *су-нды/сунды/сушынды* — остыл и т.д.; *тйн/тин* — лит. *тийен*, графич. *тиен* — копейка, *сийрчык/сирчык/сийырчык* — скворец, *жип бирде* — *жып бирде* — собрал и отдал и др. Так же и в смежных башкирских говорах.

В области грамматики общими для всех говоров Западного Приуралья являются следующие особенности:

а) присоединение к абстрактным именам и прилагательным, названиям неодушевлённых предметов уменьшительно-ласкательного афф. *-кай/-кәй* без эмоционального оттенка: *нәрсәкәй* — что, *хатынкай* — женщина, *каракай* — чёрный, *эпекәй* — хлеб и т.п. Это явление распространено и в татарских говорах Зауралья, смежных башкирских говорах;

б) выражение основного падежа и конечного пункта направления движения: *Бәләбәй киткән* — лит. *Бәләбәйгә киткән* — Уехал в Белебей. Аналогичное явление имеется также в нукратском, ичкинском говорах среднего диалекта, встречается в мишарских говорах (Бурганова, 1962: 49; Юсупов, 1976: 131; Мингулова: 186; Махмутова, 1978: 114). В древнетюркском языке основной падеж известен и в функции винительного падежа (Кондратьев, 1970: 11);

в) случаи употребления вариантов *миңә* — лит. *миңа* — мне, *сиңә* — *сиңа* — тебе. Ср.: башк. *миңә, һиңә*;

г) в приуральских говорах значительно активнее, чем в литературном языке, употребляется глагольная форма на *-ыңкыра/-еңкерә*, выражающая неполноту (*айак өшөңкерей* — нога немного

мёрзнет), обычность, постоянство (*усакны тактага йарыңкериләр* — осину обычно распиливают на доски), усиление (*коймак ачыңкыраган* — блинное тесто чуть-чуть прокисло) действия;

д) оформление именного сказуемого личными аффиксами: *Алтыбыз да исәмбез* — Мы все шестеро живы; *Үдә йуқлар* — Их нет дома. Распространено и в мишарских говорах Поволжья;

е) употребление причастной формы на *-ыр* и с оттенком долженствования: *укырга керер жылы* — в этом году должен пойти учиться.

ж) отклонения в употреблении залогов: *бетү* — лит. *бетерү* — заканчивать, *йазышу* — *язу* — писать, *суу* — *суыну* — остывать и др.;

з) возвратный залог без прямого дополнения выражает действие для себя вообще, обобщённость: *тегенә* — шьёт, занимается шитьем, *үтүкләнә* — гладит и т.п.;

и) употребление собирательных числительных вместо количественных при присоединении аффиксов принадлежности: *берәүсе* — лит. берсе. *Берәүсе кайтмаса да кыйын* — Тяжело, если даже один из них не вернется. *Бу икәүсен* (икесен) *былтыр алдым* — Этих двоих купила в прошлом году. Так же и в каргалинском говоре (Южный Урал) среднего диалекта татарского языка (Садыкова, 1985: 107). Ср.: башк. диал. так же (Ишбулатов, 1963: 43); зафиксировано в «Огуз-наме» (Щербак, 1959: 59);

к) во всех говорах Приуралья наблюдается употребление формы на *-мак/-мәк* в определённых падежах или сочетаниях: *нишләп йөрмәк кирәк* — зачем нужно ходить; *тумактан калмагач, үлмәктән калмабыз* — раз родились, то и умереть придется; *сынамаг өченә* — чтобы испытывать... Изоглосса таких явлений начинается с камышлинского говора татарского языка, они имеют место в мишарских говорах Поволжья, распространены и в башкирских говорах. Форма на *-мак* особенно активно выступает в агрызском подговоре (в функции имени действия, инфинитива, причастия и др.), известна как книжная форма, активно бытовала в татарском письменном литературном языке до начала XX в.;

л) употребление союза *исә* в сочетании с формой прошедшего категорического времени на *-ды*. Конструкция *-ды + исә* выражает причинно-следственные, условные или временные отношения между действиями или состояниями: *барды исә күрер* — после того, как пойдет, увидит; *ныНелап Неарады исәм таныдым* — поскольку посмотрела как следует, узнала и т.п., *йаттың исән урын жәйүле* — если ложиться, постель постелена. Аналогично в нукратском, зауральских говорах татарского языка (Бурганова, 1962: 48; Юсупов, 1986: 110), в говорах башкирского языка (БДС: 39; БД: 50, 104). Она широко представлена во всех памятниках старотатарской, древнетюркской письменностей, в т.ч. «Кисса-и Юсуф», «Кутадгу билиг», в словаре М.Кашгари (Шукуров, 1966: 75; Тенишев, 1963; Юсупов, 1986: 110).

Как видно, в приуральских говорах обнаруживается ряд явлений, активно бытовавших и в памятниках старотатарской литературы. Видимо, когда-то литературный язык и местное койне имели довольно много общего (Закиев, 1976: 313–318; Тумашева, Усманов, Хисамова: 51).

Общие со старотатарским литературным языком черты обнаруживаются гораздо больше в пермском говоре. Например: присоединение частицы вопроса *-мы/-ме* в глаголах 2 л. ед. и мн.ч. настоящего и будущего времени непосредственно к основе глагола (*беләмесен* — *беләсеңме* — знаешь ли); употребление формы давнопрошедшего времени на *-ды + иде* (*бардымый* — лит. *барган идем*), зафиксировано в «Кисса-и Юсуф»; употребление показателя притяжательного падежа в предикативной функции (*китап минең* — *китап минеке* — книга моя); группа диалектизмов: *иләсә* <др.-тюрк. *әлик* + афф.-*сә* — рукавица, *чүрә* (<тат. *тирә*) — вокруг (ср.: чув., уйг., караим., др.-тюрк. так же), *чаНеыру* («Кисса-и Юсуф», с. 254: *чагыру*) — петь (о кукушке, петухе), *Неәлвәт* — вид материи (в памятниках широко бытовало *хәлҮәт* — одежда) и т.д.

Поскольку «литературный язык и разговорный язык... постоянно взаимодействовали» (Б.А.Ларин) (цитировано по работе: Горшков, 1983: 22), причину наличия общности письменного-литературного и народно-разговорного языков можно объяснить и как результат воздействия последнего на первый (Тумашева Д.Г., Усманов М.А., Хисамова Ф.М. Там же). В.Х.Хаков также отметил, что в поэме «Кисса-и Юсуф» «употреблены пословицы, поговорки, меткие выражения, характерные для народно-разговорной речи этого времени» (Хаков, 1969: 17). Об этом говорят и наши наблюдения.

В языке произведений, создателями которых являются выходцы из этого же региона (как случилось, видимо, с «Кисса-и Юсуф»), могли отразиться и особенности родного диалекта автора. Насыщенность элементами разговорной речи характерна и для языка памятников последующих периодов — периода Золотой Орды и т.д. (Хаков, 1969: 17; Бурганова, 1969: 39–40; Типы наддиалектных..., 1981: 128).

Рассмотренная группа особенностей, на наш взгляд, свидетельствует о том, что они были присущи приуральским говорам с древнейших времен. Пермский же говор, развивающийся особенно изолированно, больше всех сохранил эти древние явления. В сложившихся исторических условиях сохранение их в рассматриваемых говорах поддерживалось книжно-письменным языком и в дальнейшем, тем более что грамотность татар была на высоком уровне и в жизни татарского населения книжная литература занимала важное место (см. напр.: Фасеев, 1982: 122, 129 и др.).

Проблема «литературный язык и диалекты» многоаспектна. В татарском языкознании ею занимались и продолжают исследовать Л.Т.Махмутова (1962; 1969, с. 26–35; 1982, с. 68–163; 1985, с. 117–142), М.З.Закиев (1977, с. 94–106; 1986, с. 108–120), М.А.Усманов (1972), Ф.С.Фасеев (1966, с. 807–813; 1982), Ф.С.Хакимянов (1978; 1987 и др.), В.Х.Хаков (1969, с. 14–26; 1993 и др.), Ф.М.Хисамова (1981; 1988; 1990; 1991 и мн. других), А.Х.Алеева (1988; 1993), Х.Р.Курбатов (серия сборников 1987, 1988, 1989, 1990 гг.) и др.

Некоторые диалектные черты выделяют определённые территории в Приуралье. Одной из таких особенностей следует считать форму повелительного наклонения 2 л. мн.ч. на *-ың/-ең/-ң*. Например: *Сез җатып җоклаң, мине көтмәң — Вы ложитесь спать, меня не ждите. Безләрни монда күб йыратмаң, өйләргә кергәч йавап бирәлмәм — Не заставляйте меня долго петь, т.к., когда окажусь в избе, не смогу отвечать (из обрядовой песни). Как свидетельствуют наши наблюдения и собранные материалы, форма на *-ң* при почтительном обращении, при категорическом повелении детям и подросткам употребляется и в единственном числе: *Төшөң аннантын — Слезай оттуда! Инде син кийеп Мәараң — А теперь ты примерь.**

Изоглосса этой особенности охватывает приуральский ареал в пределах пермского говора, янаульского подговора мензелинского говора, частично бирского, златоустовского говоров Западного Приуралья, также и ичкинского говора Зауралья и сибирских диалектов, т.е. ту территорию, где обнаруживаются по письменным источникам следы остяков (см. выше). Системность функционирования этой формы позволяет предполагать об её этногенетическом характере.

В памятниках старотатарской письменности эта форма бытовала в такой же функции (в «Нахдж эль-Фарадис», у М.Кулья, у У.Имяни — *-ың/-ыңыз* (Борынгы., 1963: 226, 490, 546, 569 и др.).

Ср.: баш.диал. *алың* (Максютова, 1976: 55, 137), якут. *ылың*, тува. *алыңар*, хакас. *алынбар*, уйгур. *алиңлар*, турецк., гагауз. *алың/алыңыз*, туркм. *алың/алайың*, узб. *алын* (Исхаков, Пальмбах, 1961: 395; Покровская, 1964: 204 и др.). А.М.Щербак считает, что форма глагола на *-(y)ң/-(y)ң/-(i)ң* передаёт оттенок почтительного отношения, однако чаще выражает множественное число (Щербак, 1961: 143; Батманов, 1959: 87).

Одним из локальных особенностей западноприуральского ареала является склонение личных и указательно-субстантивных местоимений в пространственных падежах со сложными окончаниями: *миңарҮа//миңәргә//мийәргә, сиңарҮа//сиңәргә//сийәргә, аңарҮа, мыңарҮа, шуңарга* (дат.-напр. падеж), *мийәрдән, сиңәрдән//сийәрдән//сиңардан, аңардан, шуңардан, мыңардан* (исх. падеж); *миңәрдә/миңарда/мийәрдә, сиңәрдә/сиңарда//сийәрдә, аңарда, шуңарда* (местн.-вр.падеж). Это явление наблюдается в златоустовском, бирском, частично (северо-восточная часть территории распространения) стерлитамакском говорах, т.е. оно локализуется в пределах мишарских или сформировавшихся с участием мишарского компонента говорах западноприуральского ареала. Оно, по всей вероятности, представляет собой явление контаминации. Ср.: указательные местоимения *аңарга, моңарга, тееңәргә* — средн. диал. и *анарга, шынарга* и т.п. — миш. диал. В итоге получилась цельная система, охватывающая как указательные, так и личные местоимения.

В число локальных особенностей внутри ареала можно включить также и гораздо активное употребление, чем в литературном языке, причастной формы на *-учан/-үчән* (в стерлитамакском), *-уцан/-үцән* (в байкибашевском). Она выражает постоянное свойство, склонность к чему-либо, выступает, в основном, в функции сказуемого, реже — определения: *Ахирәтмәнең сеңләсе беләзек кийүчән — Младшая сестра моей подруги обычно носит браслет. Анда жыланнар бала җанына бишеккә кереп җатучан булган — Там змеи имели обыкновение заползть в люльку к ребенку (из легенды о переселении села).*

Изоглосса на *-учан* охватывает территорию распространения байкибашевского и часть территории стерлитамакского говоров: села, расположенные по обоим берегам среднего течения р.Уршак, в заселении которых участвовали и потомки служивых мешеряков бывшей Осинской дороги, мигрировавшие оттуда в XVIII в. в южном направлении (см. выше).

Общие для всех говоров Западного Приуралья особенности проявляются и в области лексики. Прежде всего данный ареал, вместе с Зауральем и Сибирью, выделяется номенклатурой терминов родства: *карт әни/карт инәй* — лит. эби — бабушка, *карт әти/карт атай* — лит. бабай — дед, *инә/инәкә* — лит. әни — мать, *әби* — старшая сестра отца или матери, *бабай* — старший брат отца или матери; в пермск., златоустовск., тепекеевск. *Нәәйенбиқә/Нәәймиқә* — старшая сестра мужа для жены или жены для мужа.

Изоглосса такой терминологической системы начинается в правом бассейне рек Ик и Нижней Агидели (а в агрызском и центральном подговорах мензелинского говора употребляется номенклатура, характерная для литературного языка; исключение составляет лишь вариант *әнә* термина *әни*); охватывает зауральские говоры, диалекты сибирских татар, также и восточные говоры башкирского языка (Юсупов, 1959: 124). Изоглосса корня *-ин/-ән* включает в себя ряд тюркских языков кыпчакской, восточной групп, коми язык (Сидоров, 1952: 62), по Г.Рамстедту — корейские языки (Севортян, 1974:

280–281), что свидетельствует о древности данного термина родства по крови (подр.см.: Рамазанов, 1991; 1990; ТГДС, 1992; 1993; Атлас...).

Во всех татарских говорах Западного Приуралья выделяется общая башкирская лексика: *ток* — мешок, *токчай* (в говорах II группы: *тоҠсаи*) — кисет, мешочек (тат. лит. *капчык* и *янчык*); *сәрмәү* — тат. лит. *кармалау*, баш. *һәрмәү* — шупать; *тукал* — лит. *мүкләк* — комольи; *башай* — *оекбаш* — носки и т.п., распределённая, однако, неравномерно (напр., перм.: *йенчек* — голень; златоуст.: *бибек* — чибис, *көрәгә* — бочка для браги; тепекеевск.: *пәwetу* — качать) и т.д.

Таковы основные положения этнолингвистической характеристики татарских говоров западноприуральского ареала.

Заключение. Итак, всесторонний тщательный анализ особенностей говоров Западного Приуралья позволяет вычлени в татарском языковом пространстве западноприуральский диалектный ареал, характеризующийся сложной и своеобразной структурой в языковом плане, не менее сложной и в плане этнического формирования. Сопоставительный анализ с литературным языком, с другими татарскими говорами, а также тюркскими (в т.ч. ближайшим башкирским, оказавшим непосредственное влияние) языками позволил прийти к выводу, что татарские говоры Западного Приуралья по фонематическому составу, грамматическому строю и по основному словарному фонду представляют собой часть татарского языка. Основа такого единства находит своё объяснение в истории формирования этих говоров и их носителей. Данный ареал являет собой специфическое лингвистическое пространство, сложившееся в зависимости от экстралингвистических условий, в ходе сложных исторических процессов.

Как показывают данные исследований по истории, археологии и этнолингвистике, архивных источников, пути этнического и культурного развития населения Волго-Камья и Западного Приуралья были тесно переплетены ещё в первой половине I тысячелетия н.э. Продвижение на восток болгарских и других племён, испытавших болгарское влияние, привело к дальнейшему усилению генетической общности тюркоязычного населения этих двух смежных ареалов: Поволжья и Западного Приуралья. В периоды Золотой Орды и Казанского ханства эта общность продолжала углубляться. После падения Казанского ханства и присоединения Приуралья к Русскому государству, в конце XVI в., в XVII–XVIII вв. произошли весьма интенсивные и массовые переселения поволжских татар в исследуемый нами ареал, что ещё более укрепило как этническую, так и культурно-экономическую общность населения рассматриваемых территорий. В XVI–XVII вв. правительством были переселены в Западное Приуралье служилые мишари, сыгравшие значительную роль в этнолингвистических процессах, происходивших в данном регионе.

Этноязыковая ситуация рассматриваемого ареала складывалась в весьма специфических политико-экономических условиях. Изучение многочисленных архивных источников позволило нам прийти к выводам о том, что существование татар Западного Приуралья под различными названиями, носившими в большинстве случаев сословный характер, связано со способами устройства переселенцев на занятых ими землях. А это, в свою очередь, позволяет раскрыть происходившие на территории Западного Приуралья сложные социально-экономические процессы и подтверждает справедливость наших выводов об этническом единстве, общности языка различных сословных групп земледельческого населения данного региона.

Сложность исторических судеб населения края не отразилась на языке: как носители говоров среднего диалекта, известные под различными названиями («тептяри», «башкиры», «новобашкиры», «казанцы», «ясачные»), так и носители говоров мишарского диалекта («тептяри», «алатырцы», «башкиры», «тәмәннәр», «мещане», «крестьяне» и др.) до сих пор сохранили свои исконные черты.

Многолетние монографические исследования автора (также и некоторых других учёных) и исследования методом лингвистической географии, ареалогии позволили установить, что в Западном Приуралье бытуют следующие татарские говоры, относящиеся к среднему диалекту: мензелинский, бирский, пермский, бакалинский подговор нижнекамско-кряшенского говора, турбаслинский, а также златоустовский, тепекеевский; стерлитамакский и байкибашевский говоры относятся к мишарскому диалекту. Представляет важный научный интерес то, что изоглоссы многих явлений, характерных для этих говоров, начинаются на территории Поволжья.

Ареальный подход предоставляет в распоряжение исследователя пространственное размещение различных явлений как в пределах одного говора (напр., явление *ау/әү>оу/оү>у/ү* в бардымском и муллинском подговорах пермского говора; оно сближает данный говор с такими реликтовыми говорами, как нукратский, подберезинский, также и нурлатский; с таким тюркским языком, как чувашский), либо всего рассматриваемого нами ареала (формы пространственных падежей личных местоимений I и II л. ед.ч. типа *миңәргә*, *миңәрдән*, *миңәрдә*; и др.), так и между татарскими говорами, распространёнными в более широком ареале (изоглоссы глагольных форм на *-ың*, *-сыгыз///-сыз*, *й-оканья* и *ж-оканья*, соответствий гласных, согласных и мн. др.), либо ареалы в общетюркском

масштабе (склонение местоимений в пространственном падеже двойными аффиксами типа *шуньңда*, *миненңдә*, *тегенеңдә*, параллели которых известны в уйгурских диалектах и др.).

Выделенные явления, присущие и восточнотюркским языкам, локализованы: а) группа черт в пермском и златоустовском говорах (исторически полный вариант показателя абстрактной принадлежности *-ныңы* и др., ряд лексем: *карагат* < *кара* + *кат* — ягода, *тет* и др.); б) группа особенностей в говорах контактной зоны (глухой анлаутный *n*, аналитические формы настоящего времени *-п утыра* и др.).

Большинство особенностей, являющихся общими для всех говоров западноприуральского ареала, носит общекипчакский характер. Важный и объективный итог ареального подхода — это единство западноприуральских говоров с татарским языком, хотя сочетание внутренних и внешних факторов генетического и ареального развития этих говоров обусловило их специфику, своеобразие среди остальных говоров татарского языка.

В приуральском ареале шёл двусторонний процесс взаимовлияния говоров либо одного и того же, либо различных диалектов татарского языка, что привело к возникновению в них особенностей другого диалекта (напр.: *чобар*, *чобан*; *моно кебек*; спряжение модального слова *кирәк* и др. в говорах среднего диалекта; разрушение системности дифференциальных признаков, напр., открытого *a*, монофтонгизации дифтонгов и др. в мишарских говорах), к появлению контаминированных вариантов типа *к[№]*, *з^У*, *х^х*, параллельных употреблений различных вариантов, напр., *мун*//*муйн*//*муйын*, контаминированных форм типа *миңәргә*, *барасы кили* или *баргы кили* в стерлитамакском говоре и т.д.

В ходе взаимодействия диалектов наибольшую устойчивость проявляет фонетический уровень. С этой точки зрения особо следует подчеркнуть чисто татарский характер фонематической системы говоров, сохранение мишарского произношения звуков в III типе говоров стерлитамакского говора, где мишарские черты на грамматическом уровне почти утеряны и др.

Все говоры в течение нескольких веков испытывали и ныне продолжают испытывать, в той или иной мере, влияние башкирского языка, что способствует, во-первых, устойчивому бытованию в татарских говорах исследуемого региона явлений, исторически общих для татарского и башкирского языков: употребление *-ай/-эй* вм. лит. *-ый/-и(й)*, соответствие *и – ә* (*кәбән*, *кәртә* и т.п.), глагольных окончаний *-сыгыз/-сегез*, *-ыңкыра/ -еңкерә*, *-ышлы/-ешле*, причастия на *-улы/-үле* и др. С другой стороны, единая географическая среда, культурно-экономические контакты на одной и той же территории в течение ряда веков привели к возникновению общего пласта в татарских и смежных башкирских говорах: варианты *миңә*, *сиңә*; различные звуковые соответствия, встречающиеся в ограниченной группе слов и др.

Особого внимания заслуживает группа диалектных черт, общих для всех рассматриваемых говоров, большая часть которых имеется в мишарских говорах поволжского ареала и в башкирском языке. Они носят общекипчакский характер. В татарских говорах восточной части исследуемого ареала, представляющей собой контактную зону с башкирским языком, обнаруживаются отдельные специфические черты башкирского языка. Таковы: *й*-оканье вместо *ж*-оканья среднего диалекта и соответствие *с* общетатарскому *ч* в златоустовском и тепекеевском говорах, межзубный *d* в мензелинском и тепекеевском говорах, хотя несколько отличающийся по своей артикуляционной характеристике (в нём преобладает смычный элемент). Более заметное место занимают башкирские заимствования в наиболее подвижном уровне языка — в лексике.

Как видно из вышеизложенного, комплексный подход и тщательный анализ большого числа языкового материала в связи с данными исторических источников даёт возможность объективно и научно обоснованно определить место говоров западноприуральского ареала в диалектной системе татарского языка и доказать, что носители их составляют часть татарского народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдрахманов Г.А. Исследования по старотюркскому синтаксису (XI век).—М, 1967.
Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов.—М., 1963.
Аграрный вопрос и крестьянское движение в Татарии XIX века —М.-Л., 1936.—512 с.
Акимова М.С. Этногенез башкир по данным антропологии // АЭБ.—Вып. IV.
Алекторов А. История Оренбургской губернии.—Оренбург, 1883.
Алишев С.Х. К вопросу об образовании булгаро-татарской народности // ИИДТЯ, 3.—С. 109–117.
Алишев С.Х. Татары Среднего Поволжья в Пугачевском восстании.—Казань, 1973.—215 с.
Алмаз Ж. Башкортстанның Дуртиле һәм Илеш районнары татарларының сөйләшенә карата // Уч. зап. Казанского гос.ун-та.—Т. 119.—Кн. 6.—Казан, 1959.—Б. 145–165.
Арсланов Л.Ш. Некоторые особенности говора мордвы-каратаев // Татар теле һәм әдәбияты мәсьәләләре.—Казан, 1965.—Б. 117–139.
Арсланов Л.Ш. Татар теленә Идел уңьяк ярында (Татарстан һәм Чувашстан территориясендә) таралган сөйләшләр // Татар теле һәм әдәбияты.—3 кит.—Казан, 1965.—Б. 5–26.

- Арсланов Л.Ш. Татарские говоры правобережных районов Татарской и Чувашской АССР: автореф. дис. ... канд. филол. наук.—Казань, 1966.—29 с.
- Арсланов Л.Ш. Из материалов диалектологической экспедиции 1968 г. в Волгоградскую и Астраханскую области // МТД, 3.—С. 136–138.
- Арсланов Л.Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя.—Набережные Челны: Газетно-книжн. изд-во «Камаз», 1995.—195 с.
- Асфандияров А.З. История сёл и деревень Башкортостана: Справочник.—Уфа.—Кн. I, 1997; II.—1993; III.—1993; IV.—1993; V.—1994; VI.—1995; VII.—1997.
- Асфандияров А.З. Тептяри: (Социально-этническое и лингвистическое содержание термина) // Башкирская этнонимия.—Уфа, 1987.
- Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья и «Комментарии к Атласу...».—Казань, 1989.
- Ахмаров Г.Н. Тептяри и их происхождение // Известия Общества археологии, истории и этнографии.—Т. 23.—№ 5.—С. 340–364.
- Ахметзянов М.И. К этнолингвистическим процессам в бассейне р.Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья.—Казань, 1985.—С. 58–75.
- Ахметьянов Р.Г. Татарский язык в волго-камском языковом союзе: автореф. ... докт. филол. наук.—Казань, 1993.
- Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка.—Казань, 1898.—398 с.
- Әфләтунов Ә.Ш. БАССРның көнбатыш, көньяк-көнбатыш өлешендә яшәүче татарлар сөйләшенен тел үзгәрткеләре: дис. ... канд. филол. наук.—Казан, 1960.
- Әхмәтжанов Р.Г. Турбаслы төбәге // Исследования по татарскому языкознанию.—Казань, 1984.—С. 138–146.
- Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья.—Пермь: Кн. изд.-во, 1958.—244 с.
- Баишев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку.—М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи).—М.: Наука, 1966.—173 с.
- Баскаков Н.А. Каракалпакский язык.—Ч. 1.—М.: Изд-во АН СССР, 1952.—544 с.
- Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты.—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940.—271 с.
- Баталова Р.М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв.) // Вопросы финно-угорского языкознания.—Вып. IV.—Ижевск, 1967.—С. 68–74.
- Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности.—Фрунзе: Изд-во АН Киргизской ССР, 1959.
- Бахрушин С.В. Научные труды.—Т. 3.—М.: Изд-во АН СССР, 1955.—375 с.
- Башкирская диалектология.—Уфа, 1963.—210 с.
- Башкирский диалектологический сборник / Под ред. Т.М.Гарипова, Н.Х.Ишбулатова, А.А.Юлдашева.—Уфа, 1959.—222 с.
- Баязитова Ф.С. Татарские говоры Нижнего Прикамья: автореф. ... канд. филол. наук.—Казань, 1973.—29 с.
- Баязитова Ф.С. Түбән Кама тирәсендәге керәшен татарлары сөйләшенен фонетик һәм грамматик үзгәрткеләре // МТД, 3.—Б. 48–73.
- Баязитова Ф.С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении.—М.: Наука, 1986.—249 с.
- Бессонов А.Г. О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения.—Ч. ССХVI—СПб., 1881.—С. 200–242.
- Благова Г.Ф. Узбекская диалектология и изучение староузбекского языка // Вопросы языкознания.—1965.—№ 1.
- Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении.—М.: Наука, 1982.—304 с.
- Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии (на материале диалектов французского языка).—М.-Л., 1966.—Гл. IX.—С. 191.
- Бородина М.А. Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов // Взаимодействие лингвистических ареалов.—Л.: Наука, Ленингр. отд.-е, 1980.—С. 7–36.
- Борынгы татар әдәбияты.—Казан: Татар. кит. нәшр., 1963.—580 б.
- Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов северо-западной Сибири.—Омск: Омское обл. гос. изд., 1952.—187 с.
- Бурганова Н.Б. Говор каринских и глазовских татар // МТД, 2.—С. 19–56.
- Бурганова Н.Б. Диалекты татарского языка и памятники древней письменности // Вопросы татарского языка и литературы.—Кн. IV.—Казань, 1969.—С. 35–40.
- Бурганова Н.Б. Особенности говора татар Нагорной стороны ТАССР // Материалы по диалектологии.—Казань, 1955.—С. 28–69.
- Бурганова Н.Б. О формировании татарских говоров Заказанья // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья.—Казань, 1985.—С. 3–31.
- Бурганова Н.Б., Махмутова Л.Т. К вопросу об истории образования и изучения татарских диалектов и говоров // МТД, 2.—С. 7–18.
- Валиди Дж. О диалектах казанского татарского языка // Вестник научного общества татароведения.—Казань, 1927.—№ 6.—С. 50–64.
- Васильев С.М. Припущенники на башкирских землях в первой половине XVIII в. (тептяро-бобильское население Башкирии): дис. ... канд. истор. н.—М., 1950.
- Витебский В.Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Тр. четвертого археологического съезда в России.—Т. 2.—Казань, 1891.—С. 257–286.
- Витебский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.—Казань, 1891.—232 с.
- Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики.—М.: Наука, 1975.—393 с.
- Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики.—М.: Наука, 1979.—303 с.
- Гарипов Т.М. Об изучении разговорной речи западных башкир: (К постановке проблемы) // Башкирский диалектологический сборник.—Уфа, 1959 — С. 40–52.
- Гарипова Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана.—М.: Наука, 1991.—294 с.

- Генинг В.Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды КФАН СССР. Серия гум.наук.—Вып. 2.—Казань, 1959.—С. 157–221.
- Горшков А.И. Теоретические основы истории русского литературного языка.—М.: Наука, 1983.—160 с.
- Грамматика современного башкирского литературного языка.—М.: Наука, 1981.—495 с.
- Григорьев В.В. Булгары // Энциклопедический лексикон.—Т. VII.—СПб., 1836.
- Гурвич Н.А. Племенной состав населения Уфимской губернии и приблизительная численность его в 1878 г.—Уфа, 1880.
- Демидова Н.Ф. Социально-экономические отношения в Башкирии в первой четверти XVIII в. // 400-летие присоединения Башкирии к Русскому государству.—Уфа, 1958.
- Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки.—Т. 68.—М., 1961.—С. 212–220.
- Дмитриев А.А. «Житие св.Трифона Вятского» как источник сведений о Перми Великой XVI века // Труды Пермской учёной архивной комиссии.—Вып. II.—Пермь, 1893.—С.13–19.
- Дмитриев А.А. Пермская старина.—Вып. 1.—Пермь: Типография Каменского, 1884.—196 с.
- Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка.—М.-Л., 1948.
- Дмитриев Н.К. К истории аффиксов сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.—Ч. II.—М., 1956.—С. 14–15.
- Дмитриев Н.К. Неустойчивое положение сонорных *p, l, n* в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.—Ч. I.: Фонетика.— М.: Изд-во АН СССР, 1955.—С. 280.
- Дмитриев Н.К. Фонетические закономерности начала и конца тюркского слова // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.—Ч. I: Фонетика.—М.: Изд-во АН СССР, 1955.—С. 270.
- Дмитриева. Л.В. Язык татар Западной Сибири (барабинцев и тобольских татар): дис. ... канд. филол. наук.—Л., 1951.
- Добросмыслов А.И. Материалы по истории России.—Т. I–II.—Оренбург, 1900.—290 с.
- Ефремов В.А. Из истории Уфимского края // Вестник Оренбургского учебного округа.—№ 1.—Уфа, 1913.
- Жәләй Л. Татар диалектологиясе.—Казан, 1947.—136 б.
- Жәләй Л. Татар теленең урта диалекты буенча монография (докторская диссертация, хранится в архиве ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова АН РТ, ф. 5, оп. 23, ед.хр. 127, 128).—Казан, 1954.
- Закиев М.З. О взаимоотношении татарского литературного языка и диалектов в различные периоды их развития // Лингвистическая география, диалектология и история языков.—Ереван, 1976.—С. 313–318.
- Закиев М.З. Татар халкы теленең барлыкка килүе.—Казан, 1977.
- Закиев М.З. Татарское языкознание 70-х годов в свете достижений советской лингвистики // Проблемы типологии татарского и русского языков.—Казань, 1980.—С. 48–49.
- Закиев М.З. Проблемы языка и происхождения волжских татар.—Казань: Таткнигоиздат, 1986.—303 с.
- Закиев М.З. К изучению проблемы возникновения и развития волго-камского языкового союза // Сущность, развитие и функции языка.—М., 1987.—С. 176–182.
- Закиев М.З. Отношение Биармии к Волжской Булгарии // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка.—Казань, 1992.—С. 126–133.
- Закиев М.З. Татары.—Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995.—464 с.
- Закиев М.З. Төрки-татар этногенезы (Тюрко-татарский этногенез).—Казан-Мәскәү, 1998.
- Заляй (Залялетдинов) Л.З. Опорный диалект в формировании татарского языка // Вопросы диалектологии тюркских языков.—Баку, 1958.—С. 36–50.
- Игнатъев Р.Г. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии.—Уфа, 1873.
- Историко-географическое описание Пермской губернии, сочинённое для атласа 1800 года.—Пермь, 1801.
- История Татарии в документах и материалах.—М.: Соцэкгиз, 1937.—503 с.
- История Татарской АССР.—Казань: Таткнигоиздат, 1968.—719 с.
- История Урала.—Т. I.—Пермь: Кн. изд-во, 1976.—395 с.
- Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка: фонетика и морфология.—М.: Наука, 1961.—395 с.
- Исхаков Д.М. Из истории изучения формирования тюркоязычного населения Пермского края // Пермские татары.—Казань, 1983.—С. 53–54.
- Исхаков Д.М. Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу об этнической истории татарского народа.—Казань, 1985.—С. 44–53.
- Исхаков Д.М. К вопросу об «остячком» компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья.—Уфа, 1987.—С. 119.
- Исхаков Д.М. Пермь татарлары // Казан утлары.—№ 8.—1991.—Б. 176–178.
- Исхаков Д.М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона.—Казань, 1993.—472 б.
- Исхаков Д. М. Этнодемографическое развитие нагайбаков до первой четверти XX в. // Нагайбаки.—Казань, 1995.—С. 4–18.
- Ишбулатов Н.Х. Диалекты и говоры башкирского языка // Вопросы башкирского языкознания.—Уфа: Изд-во вост. лит-ры, 1972.—С. 105–128.
- Ишбулатов Н.Х. Кизилский говор // Башкирская диалектология.—Уфа, 1963.—С. 20–28.
- К истории башкирского землевладения в Пермском уезде и грамоты башкир // Труды Пермской учёной архивной комиссии.—Вып. 3.—Пермь, 1896.—С. 70–81.
- Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии.—М.: Наука, 1978.—130 с.
- Кармин М. Очерки из истории классовой борьбы в Башкирии в XVIII–XIX вв. // Социалистическое хозяйство Башкирии.—№ 3–4.—Уфа, 1934.
- Катанов Н.Ф. Отчёт о поездке, совершенной с 20 мая по 20 августа 1898 года в Белебеевский уезд Уфимской губернии // Уч. зап. Имп. Казанского университета.—Год XVII.—Кн. 7–8.—июль–август.—Казань, 1900.—С. 1–32.

- Киекбаев Ж.Г. Башҡорт диалекттәре һәм уларҙың тарихенә Ҡыҫҡа аңлатма // илми язмалар. Башҡортстан дәүләт университеты.—III сыуарыш. Башҡорт филология серияһы.—№ 2.—Өфө, 1958.—Б. 41–78.
- Клочков М. Население России при Петре Великом по переписи того времени. Т. I. Переписи дворов и населения.—СПб., 1911.
- Кол Гали. Кыйсаи Йосыф.—Казан: Тат. кит. нәшр., 1983.—543 б.
- Кондратьев В.Г. Очерк грамматики древнетюркского языка.—Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1970.—65 с.
- Кононов А.Н. Грамматика турецкого языка.—М.-Л., 1941.—312 с.
- Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка.—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.—569 с.
- Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка.—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960.—446 с.
- Кузеев Р.Г. Башкирские шежере.—Уфа, 1960.
- Кузеев Р.Г. Очерки исторической этнографии башкир.—Ч. I.—Уфа: Башкирское книжное издательство, 1957.—184 с.
- Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа.—Уфа, 1974.
- Кузеев Р.Г. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // АЭБ.—Вып. IV.
- Кузеев Р.Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // АЭБ.—Вып. III.—Уфа, 1968.
- Кульшарипов М.М. Из истории земельных отношений в Башкирии // Труды Башк. гос. ун-та.—Вып. 59.—Серия гум. наук.—№ 11.—Уфа, 1971.
- Курьшжанов А. Формы и значения падежа в языке Codex Cumanicus: автореф. дис. ... канд. филол. наук.—Алма-Ата, 1956.—15 с.
- Лепехин И.И. Записки путешествия // Полное собрание учёных путешествий.—Т. III.—СПб., 1821.
- Лызлов А. Скифская история.—М.: Наука, 1990.—519 с.
- Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков.—М.: Наука, 1964.—270 с.
- Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка.—М.: Наука, 1970.—386 с.
- Любавский М.К. Вотчинники-башкиры и их припущенники в XVII–XVIII вв. // Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им В.И.Ленина. Ф. 364, оп. 2, карт. 6. Очерк 1.
- Мажитов Н.А. Происхождение башкирского народа // АЭБ.—Вып. IV.
- Максютова Н.Х. Бурзянский говор // Башкирская диалектология.—Уфа, 1963.—С. 76–100.
- Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка.—М.: Наука, 1976.—292 с.
- Малов С.Е. Лобнорский язык: Тексты, переводы, словарь.—Фрунзе: Изд-во АН Киргиз. ССР, 1956.—198 с.
- Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности.—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.—452 с.
- Малов С.Е. Уйгурские рукописные документы экспедиции С.Ф.Ольденбурга // Записки Института востоковедения.—Ташкент, 1927.—21 с.
- Малов С.Е. Уйгурский язык (хамийское наречие).—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954.—203 с.
- Малов С.Е. Язык жёлтых уйгуров: Словарь и грамматика.—Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1957.—197 с.
- Материалы по истории Башкирской АССР.—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936.—Ч. I.—631 с.; Ч. III.—1949.—691 с.; Т. IV.—Ч. I.—1956.—495 с.; Ч. 2.—1956.—667 с.; Т. V.—Ч. I.—1960.—788 с.
- Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735–1736 гг.—Т. 2.—Оренбург, 1900.
- Махмутова Л.Т. Фонетические особенности касимовского говора татарского языка // Материалы по диалектологии.—Казань, 1955.—С. 135–157.
- Махмутова Л.Т. О татарских говорах северо-западных районов Башкирской АССР (по материалам экспедиций 1954–57 гг.) // МТД.—Вып. 2.—Казань, 1962.—С. 57–85.
- Махмутова Л.Т. Некоторые наблюдения над лексикой касимовского говора татарского языка // МТД, 3.—С. 223–235.
- Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: мишарский диалект татарского языка.—М.: Наука, 1978.—271 с.
- Махмутова Л.Т. Введение // МТД, 5.—Казань, 1983.—С. 5–29.
- Махмутова Л.Т. Краткая схема описания тюркских диалектов // Советская тюркология.—1983.—№ 5.—С. 106–109.
- Махмутова Л.Т. О некоторых татарско-куманских параллелях: (По материалам фонетики и грамматики) // ИИДТЯ, 3.—С. 117–142.
- Махмутова Л.Т. Татарское языкознание в ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова КФ АН СССР за 25 лет (1961–1986). Краткий обзор // Исследования по лексике и грамматике татарского языка.—Казань, 1986.—С. 3–12.
- Мещерский К.А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе.—М.-Л., 1958.
- Мингулова Р.Р. Чистай сөйләшенен үзенчәлекләре: дис. ... канд. филол. наук.—Казан, 1963.—С. 43–46.
- Миржанова С.Ф. Кубалыкский говор башкирского языка: автореф. ... канд. филол. наук.—Уфа, 1967.—20 с.
- Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние).—Уфа, 1991.—296 с.
- Миржанова С.Ф. Этнолингвистические процессы на северо-западе Башкирской АССР // Развитие языков и культур народов СССР в их взаимосвязи и взаимодействии.—Уфа, 1976.—С. 232–241.
- Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка.—М.: Наука, 1979.—272 с.
- Мордва-карагаи: язык и фольклор.—Казань: Таткнигоиздат, 1991.—153 с.
- Мусаев К.М. Грамматика караимского языка.—М.: Наука, 1964.—344 с.
- Народы Сибири.—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.—1083 с.
- Насибуллин Р.Ш. Закамские говоры удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук.—Тарту, 1973.
- Насилов В.М. Древне-уйгурский язык.—М.: Наука, 1963.
- Насипов И.С. Древнетюркский пласт диалектной лексики мензелинского говора татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук.—Казань, 1994.—22 с.
- Небольсин П. Отчёт о путешествии в Оренбургский и Астраханский края // Вестник Императорского Русского географического общества.—Кн. 1–2.—СПб., 1852.—С. 34.

- Несколько актов к истории башкирского бунта в царствование Императрицы Анны Иоанновны // Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 гг., отд. IV.—Казань, 1862.—С.41–47.
- Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии.—№ 6–7.—Уфа, 1928.
- Никольский Н.В. Народности Поволжья.—Казань, 1920.—480 с.
- Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства.—СПб., 1879.
- Орузбаева Б.О. Формы прошедшего времени в киргизском языке.—Фрунзе, 1955.—16 с.
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XVII в.—М.: Изд-во АН СССР, 1955.—1032 с.
- Очерки истории СССР. XVIII в., вторая четверть.—М.: Изд-во АН СССР, 1957.—866 с.
- Очерки по истории Башкирской АССР.—Т. I.—Ч. I.—Уфа, 1956.
- Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка: фонетика и морфология.—М.: Наука, 1964.—299 с.
- Полное собрание законов (ПСЗ).—Т. 1.—СПб., 1830; Т. VII.
- Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в.—М.: Изд-во АН СССР, 1956.—302 с.
- Рамазанова Д.Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии.—Казань, 1984.—192 с.
- Рец.: Юсупов Ф.Ю. Тарих сукмаклады буйлап // Социалистик Татарстан.—1985.—13 февраль; Фаттах Н. Татар диалектологиясенә зур өлеш // Татарстан яшьләре.—1985.—13 июль; Алишев С.Х., Ахметьянов Р.Г. Д.Б.Рамазанова. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии // Советская тюркология.—1985.—С. 94–96.
- Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке: в 2-х кн.—Казань, 1991.—Кн. 1.—86 с.; Кн. 2.—С. 87–191.
- Рец.: Сафиуллина Ф.С. Жиде бабаны эзлэгәндә... // Шәһри Казан.—1994.—22 января.
- Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар.—Казань, 1996.—240 с.
- Рец.: Ягфаров Р.Ф. Милләтне бүлгәләмик // Татар иле.—№ 5.—1997.—февраль; Хисамова Ф.М. Телебез хезинәсе турында // Шәһри Казан.—№ 36.—1997; Исмәгыйлова А. Тарихи хезинәләрне бөртекләп жыйбыз // Таң («Рассвет» — Бардымский район Пермской области).—1997.—1 февраль; Ислаев Ф. Говор пермских татар // Татарстан.—№ 3.—1997.—С. 85–86.
- Рамазанова Д.Б. Туйлар, туйлар.—Казань, 1997.—104 с.
- Рец.: Махмутов Х.Ш. Туйларыгыз котлы булсын // Мәдәни жомга.—1992.—8 август.
- Рамазанова Д.Б. Фонетические особенности говора агрызских татар // Вопросы татарского языка и литературы.—Казань, 1967.—С. 55–60.
- Рамазанова Д.Б. Әгерҗе урынчылыгынын төп грамматик үзенчәлекләре // Совет мәктәбе.—№ 3.—1970.—С. 26–28.
- Рамазанова Д.Б. Грамматические особенности говора пермских татар // МТД, 3.—С. 92–113.
- Рамазанова Д.Б. Образцы текстов // МТД, 3.—С. 214–224; МТД, 4.—С. 13–15; 17–18; 20–23; 53–59; 67–71; 98–102; 121–126; МТД, 5.—С. 46–56, 60–66; совместно с Т.Х.Хайрутдиновой: С. 75–139; МТД, 7.—С. 120–125; МТД, 1990.—С. 126–130; Мордва-каратаи: язык и фольклор.—Казань, 1991.—С. 148–151.
- Рамазанова Д.Б. Некоторые вопросы формирования мишарских говоров юго-западных районов БАССР // Конференция по татарскому языкознанию, посвященная 50-летию СССР. Тезисы докладов.—Казань, 1972.—С. 66–69.
- Рамазанова Д.Б. Фонетические особенности говора пермских татар // Татар теле һәм әдәбияты.—Казань, 1976.—С. 129–147.
- Рамазанова Д.Б. Некоторые материалы о бобылях Башкирии // Исследования по историографии Татарии.—Казань, 1978.—С. 110–148.
- Рамазанова Д.Б. Общие моменты лексики говора пермских татар с восточно-тюркскими языками // Источниковедение и история тюркских языков.—Казань, 1978.—С. 140–148.
- Рамазанова Д.Б. Некоторые вопросы истории формирования белебеевского подговора мензелинского говора татарского языка // ИИДТЯ, 1979.—С. 4–43.
- Рец.: Юсупов Ф.Ю. Тел тарихы — халык тарихы // Социалистик Татарстан.—1980.—16 февраль.
- Рамазанова Д.Б. Функционирование терминов «мешеряки», «башкирь», «тептяри» в Западной Башкирии // Исследование языка древнеписьменных памятников.—Казань, 1980.—С. 142–157.
- Рамазанова Д.Б. О взаимовлиянии говоров близкородственных языков на смежной территории (по материалам белебеевского подговора) // Исследования по диалектологии и истории татарского языка.—Казань, 1982.—С. 29–37.
- Рамазанова Д.Б. К вопросу формирования татарских говоров на западе Башкирии (с учётом архивных и исторических данных) // Взаимовлияние и взаимодействие языков народов СССР.—Казань, 1982.—С. 88–97.
- Рамазанова Д.Б. Термины родства у татар Пермской области // Лексика и стилистика татарского языка.—Казань, 1982.—С. 52–58.
- Рамазанова Д.Б. К истории формирования говора пермских татар // Пермские татары.—Казань, 1983.—С. 137–154.
- Рамазанова Д.Б. Некоторые вопросы этнической истории пермских татар по данным языка // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (тезисы докладов).—Омск, 1984.—С. 27–31.
- Рамазанова Д.Б. Некоторые материалы по обрядовой лексике говора пермских татар // Исследования по татарскому языкознанию.—Казань, 1984.—С. 113–120.
- Рамазанова Д.Б. К истории формирования татарских говоров северо-западной Башкирии (по данным архивных и исторических источников) // ИИДТЯ, 3.—С. 5–36.
- Рамазанова Д.Б., Хайрутдинова Т.Х. К вопросу о формировании байкибашевского говора мишарского диалекта татарского языка // ИИДТЯ.—Вып. 3.—Казань, 1985.—С. 62–92.
- Рамазанова Д.Б. К вопросу об истории формирования татарских говоров северо-западной Башкирии (дополнительные материалы) // Исследования по лексике и грамматике татарского языка.—Казань, 1986.—С. 70–79.
- Рамазанова Д.Б. Вариативность диалектной лексики татарских говоров юго-западной Башкирии // Нормативность и вариативность в татарском языке.—Казань, 1987.—С. 68–90.
- Рамазанова Д.Б. Тепекеевский говор татарского языка // МТД, 6.—С. 20–43.
- Рамазанова Д.Б. Общие особенности говора пермских татар со старотатарским литературным языком // Истоки татарского литературного языка.—Казань, 1988.—С. 88–99.

- Рамазанова Д.Б. Некоторые наблюдения над топонимией и антропонимией пермских татар // Ономастика Татарии.—Казань, 1989.—С. 58–66.
- Рамазанова Д.Б. Ареальная терминология родства и некоторые вопросы этнического формирования татар Приуралья // МТД, 1990.—С. 9–29.
- Рамазанова Д.Б. О некоторых аспектах исторической диалектологии татарского языка // МТД, 1990.—С. 3–8.
- Рамазанова Д.Б. К вопросу о роли поволжско-тюркского компонента в формировании приуральских говоров среднего диалекта татарского языка // Приуральские татары.—Казань, 1990.—С. 110–122.
- Рамазанова Д.Б. Некоторые фонетические и лексические особенности говора пермских татар, общие с пермскими языками // Пермистика 2.—Ижевск, 1990.—С. 133–138.
- Рамазанова Д.Б. К вопросу истории заселения Закамья татарами и формирования некоторых прикамских говоров татарского языка // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода.—Казань, 1990.—С. 20–35.
- Рамазанова Д.Б. Регион Среднего Прикамья и агрызский подговор мензелинского говора среднего диалекта татарского языка // Тезисы докладов на научно-краеведческой конференции, посвященной 25-летию г.Менделеевска.—Менделеевск, 1992.—С. 22–23.
- Рамазанова Д.Б. Терминология родства в ареальном аспекте (в плане формирования татарского народа) // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность (труды международной конференции в 3-х томах). Июнь 9–13, 1992 г. Казань.—Казань, 1992.—С. 80–83.
- Рамазанова Д.Б. Форма *-ды исэ* в старотатарском литературном языке и в диалектах татарского языка // Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка.—Казань, 1992.—С. 32–41.
- Рамазанова Д.Б. Корень *ту-* (*toy-*) в татарском языке // Проблемы лексикологии и лексикографии татарского языка.—Казань, 1992.—С. 68–69.
- Рамазанова Д.Б. Краткий справочник по татарским диалектам // Татар телендә диалектологик сүзлегә.—Казан, 1993.—С. 422–447.
- Рамазанова Д.Б. Урал буе татарлары: тарихы һәм теле // Казан утлары.—№ 8.—1993.—С. 141–161.
- Рамазанова Д.Б. Там, где течёт река Ик... // Идел.—1993.—№ 9–10.—С. 66–78.
- Рамазанова Д.Б. Современное состояние говоров татарского языка и некоторые вопросы этноэкологии // Актуальные экологические проблемы Республики Татарстан (тезисы докладов II Республиканской научной конференции).—Казань, 1995.—С. 262–263.
- Рамазанова Д.Б. Пермь татарлары: теле һәм тарихы // Казан утлары.—№ 2.—1997.—С. 173–183.
- Рамазанова Д.Б. Об истории пермских татар по их языковым данным // Пермский край: прошлое и настоящее (к 200-летию образования Пермской губернии). Материалы международной научно-практической конференции. Пермь, 28–29 мая, 1997 г.—Пермь, 1997.—С. 36–38.
- Рахматуллин У.Х. Заселение Башкирии (30–90-е годы XVIII в.): дис. ... канд. истор. наук.—М., 1975.
- Рахматуллин У.Х. Крестьянское заселение Башкирии в XVII–XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII — начале XX в.—Уфа, 1981.—С. 3–25.
- Рахматуллин У.Х. Ясачные башкиры и башкирские припущенники в связи с колонизацией Башкирии XVIII в. // Вопросы социально-экономической и политической истории Среднего Поволжья и Приуралья периода феодализма. Научная сессия. Тезисы докладов.—Чебоксары, 1973.—С. 43.
- Руденко С.И. Башкиры.—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955.—394 с.
- Рычков П.И. История Оренбургская.—Оренбург, 1896.
- Рычков П.И. Топография Оренбургская.—Ч. I.—СПб., 1792.
- Рязанов А.Ф. Оренбургский край.—Оренбург, 1928.
- Ряпухина Т.А. Оброчные земли на Вятке в XVII в. // Русское государство в XVII в.—М., 1961.—С. 32–44.
- Садыкова З.Р. Говоры оренбургских татар.—Казань, 1985.—160 с.
- Сарманаева Д.М. Урта Урал татарлары телендә диалекталь үзенчәлекләр: дис. ... канд. филол. н.—Казан, 1948.
- Сарманаева Д.М. Урта Урал татарлары телендә кайбер морфологик үзенчәлекләр // Татар теле һәм әдәбияты.—Казан, 1959.—Б. 199–202.
- Севортян Э.В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.—Ч. II.—М., 1956.
- Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: (Общетюркские и межтюркские основы на гласные).—М., 1974.—767 с.
- Семенов-Тянь-Шанский В.П. Россия. Полное географическое описание нашего отечества.—Т. V.—СПб., 1914.
- Сергеев Л.П. Некоторые материалы для диалектологического атласа чувашского языка // Материалы по чувашской диалектологии.—Вып. II.—Чебоксары, 1963.
- Сергеев Л.П. Консонантизм верхового диалекта // Чувашский язык, литература и фольклор.—Вып. II.—Чебоксары, 1973.
- Серебренников Б.А. О некоторых отличительных признаках волго-камского языкового союза // Языковые контакты в Башкирии.—Уфа, 1972.—С. 7–17.
- Сидоров А.С. Термины родства у коми // Лингвистический сборник.—Сыктывкар, 1952.—122 с.
- Словарь русских говоров Среднего Урала.—Свердловск: Средне-Уральское кн. изд.-во, 1964.—207 с.; Свердловск, 1971.—214 с.
- Смолякова Л.П. Некоторые фонетические особенности русских говоров по среднему течению Камы (юго-западные районы Пермской области) // Труды КФАН СССР, серия гум.наук.—Вып. 2.—Казань, 1959.
- Современный казахский литературный язык.—Алма-Ата: Изд-во АН Каз. ССР, 1962.—452 с.
- Современный татарский литературный язык.—М.: Наука, 1969.—380 с.
- Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки?—Оренбург, 1884.
- Старотатарская деловая письменность XVIII в.—Казань, 1981.—171 с.
- Степанов Р.Н. К вопросу о тарханах и о некоторых формах феодального землевладения // Сборник научных работ.—Казань, 1966.
- Татар телендә диалектологик сүзлегә.—Казан: Татар. кит. нәшр., 1969.—643 б.; 1993.—459 б.

- Татарская грамматика.—Т. 1.—Казань, 1993.—584 с.
- Татишев В.Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской.—Ч. 1.—СПб., 1793.
- Тенишев Э.Р. Саларский язык.—М.: Наука, 1963.—141 с.
- Тенишев Э.Р. Смычные согласные в языке тюркских рунических памятников // Советская тюркология.—1973.—№ 2.—С. 40–45.
- Тенишев Э.Р. Указатель грамматических форм к «Дивану тюркских языков» Махмуда Кашгарского // Вопросы казахского и уйгурского языкознания: Тр. Института языкознания АН Каз. ССР.—Алма-Ата, 1963.
- Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык жёлтых уйгуров.—М., 1966.—С. 16.
- Тиеев Ш. Национально-освободительное движение в Башкирии в 70–80-х гг. XIX в. // Историк-марксист.—Кн. 5–6.—М., 1939.—С. 192.
- Тиеев Ш. Очерки из истории Башкирии.—Уфа: Башгиз, 1930.—222 с.
- Типы наддиалектных форм языка.—М., 1981.
- Токарев С.А. Этнография народов СССР.—М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.—615 с.
- Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле.—Казан, 1961.—240 с.
- Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар.—Казань: Изд-во КГУ, 1977.—295 с.
- Тумашева Д.Г., Усманов М.А., Хисамова Ф.М. Об особенностях развития старотатарской деловой письменности // Советская тюркология.—1977 —№ 3 — С. 51–66.
- Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству.—Уфа: Башгосиздат, 1960.—136 с.
- Фасеев Ф.С. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики татарского языка (статья первая) // Вопросы татарского языка и литературы.—Кн. IV.—Казань, 1969.
- Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в.—Казань, 1982.
- Фасеев Ф.С. «Тарих намэ-и Булгар» Таджеддина Ялчигулова // Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников.—Казань, 1983.—С. 154–155.
- Филимонов Е.С. Что такое тептяри? // Труды Пермской учёной архивной комиссии.—Вып. II.—Пермь, 1893.
- Филоненко В. Башкиры.—Уфа, 1915.
- Филоненко В.И. Грамматика балкарского языка.—Нальчик: Кабард.-балкар. госиздат, 1940.—88 с.
- Фирсов Н.Н. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве.—Казань: Унив. типогр., 1866.—261 с.
- Хабичев М.А. Карачаево-балкарское именное формообразование.—Черкесск, 1977.
- Хайрутдинова Т.Х. Бирский говор среднего диалекта татарского языка // ИИДТЯ.—Вып. 3.—Казань, 1985.—С. 36–62.
- Хайрутдинова Т.Х. Златоустовский говор татарского языка.—Казань, 1985.—158 с.
- Хакимзянов Ф.С. О языке межэтнического общения в Волжской Булгарии // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья.—Казань, 1985.
- Хаков В.Х. Введение // Современный татарский литературный язык.—М.: Наука, 1969.—Ч. I.—С. 12–14.
- Харитонов Л.Н. Современный якутский язык.—Якутск: Ягиз, 1947.—312 с.
- Хисамова Ф.М. XVIII йөздәге татарча эш кәгазьләренә тел үзенчәлекләре.—Казан, 1981.
- Хисамова Ф.М. Причастие в современном татарском литературном языке: автореф. ... канд. филол. наук.—Казань, 1970.—22 с.
- Хисамутдинова Ф.Г. Консонантные сочетания башкирского языка типа «сонорный-глухой смычный» в историческом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук.—Уфа, 1980.—20 с.
- Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Булгарии: (К вопросу об этнокультурном составе населения).—М.: Наука, 1984.—241 с.
- Хроника достопамятных событий Уфимской губернии // Памятная книжка Уфимской губернии.—Ч II.—Уфа, 1873.
- Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях.—Уфа, 1859.
- Шакирова Р.Ф. Особенности говора татар Краснооктябрьского района Горьковской области // Академику В.А. Гордлевскому к его 75-летию.—М., 1953.—С. 292–301.
- Шакуров Р.З. Нагайбак: антропоним–топоним–этноним // Башкирская этнонимия.—Уфа, 1987.—С. 119–126.
- Шәмгунова Р.Р. Чистай сөйләшенең морфологик һәм синтаксик үзенчәлекләре // МТД, 2.—Б. 89–134.
- Шишонко В. Пермская летопись.—Период 1.—Пермь, 1881.
- Шишонко В. Писцовые книги Пермской губернии Соликамского и Кунгурского уездов.—Пермь, 1872.
- Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии.—Казань: Унив. тип., 1877.—585 с.
- Шукуров И.Ш. История развития глагольных форм узбекского языка.—Ташкент, 1966.
- Щербак А.М. Огуз-наме-Мухаббат-наме: Памятники древнейуйгурской и староузбекской письменности.—М., 1959.
- Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X–XIII вв. из Восточного Туркестана.—М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя.—Л.: Наука, 1977.—191 с.
- Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках.—М.: Наука, 1965.—275 с.
- Юлдашев А.А. Введение // Грамматика современного башкирского литературного языка.—М., 1981.—С. 13.
- Юлдашев А.А. Говор тептярей Учалинского района Башкирской АССР // Академику В.А. Гордлевскому к его семидесятилетнему.—М., 1953.—С. 329–342.
- Юлдашев А.А. К изучению говоров башкир Туймазинского района БАССР // Башкирский диалектологический сборник.—Уфа, 1959.—С. 141–149.
- Юлдашев А.А. К проблеме формирования башкирского национального языка // Вопросы башкирской филологии.—М., 1959.
- Юлдашев А.А. Северо-западный диалект башкирского языка в его отношении к литературному языку // Вопросы диалектологии тюркских языков.—Фрунзе, 1968.—С. 67–71.

- Юлдашев А.А. Язык тептярей: дис. ... канд. филол. наук.—М., 1950.
- Юсупов Р.М. Этноисторические связи по данным краниологии // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий.—Омск, 1983.—С. 56–59.
- Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола.—Казань, 1986.—287 с.
- Юсупов Ф.Ю. Көнъяк Урал һәм Урал арты сөйләшләр.—Казан, 1979.—184 с.
- Юсупов Ф.Ю. Неличные формы глагола в диалектах татарского языка.—Казань, 1985.—319 с.
- Юсупов Ф.Ю. Татар теленәң Көнъяк Урал һәм Урал арты (Чиләбе, Курган) өлкәләрендә таралган сөйләшләр: дис. ... канд. филол. наук.—Казань, 1972.
- Юсупов Ф.Ю. Татар теленәң эчкән сөйләше // МТД, 1976.—С. 72–151.
- Юсупов Х.Г. Термины родства в башкирском языке // Вопросы башкирской филологии.—М., 1959.
- Янгузин Р.З. Этнические традиции в истории хозяйства населения северо-запада Башкирии // АЭБ, IV.—С. 215–228.
- Borodina M.A. Areologie de Jean Seguy // Hommage a J.Seguy.—Toulouse, 1978.—Т. I.—Р. 165–171.
- Carreter F.L. Diccionario de teiminos filologicos.—Madrid, 1953.—Р. III.